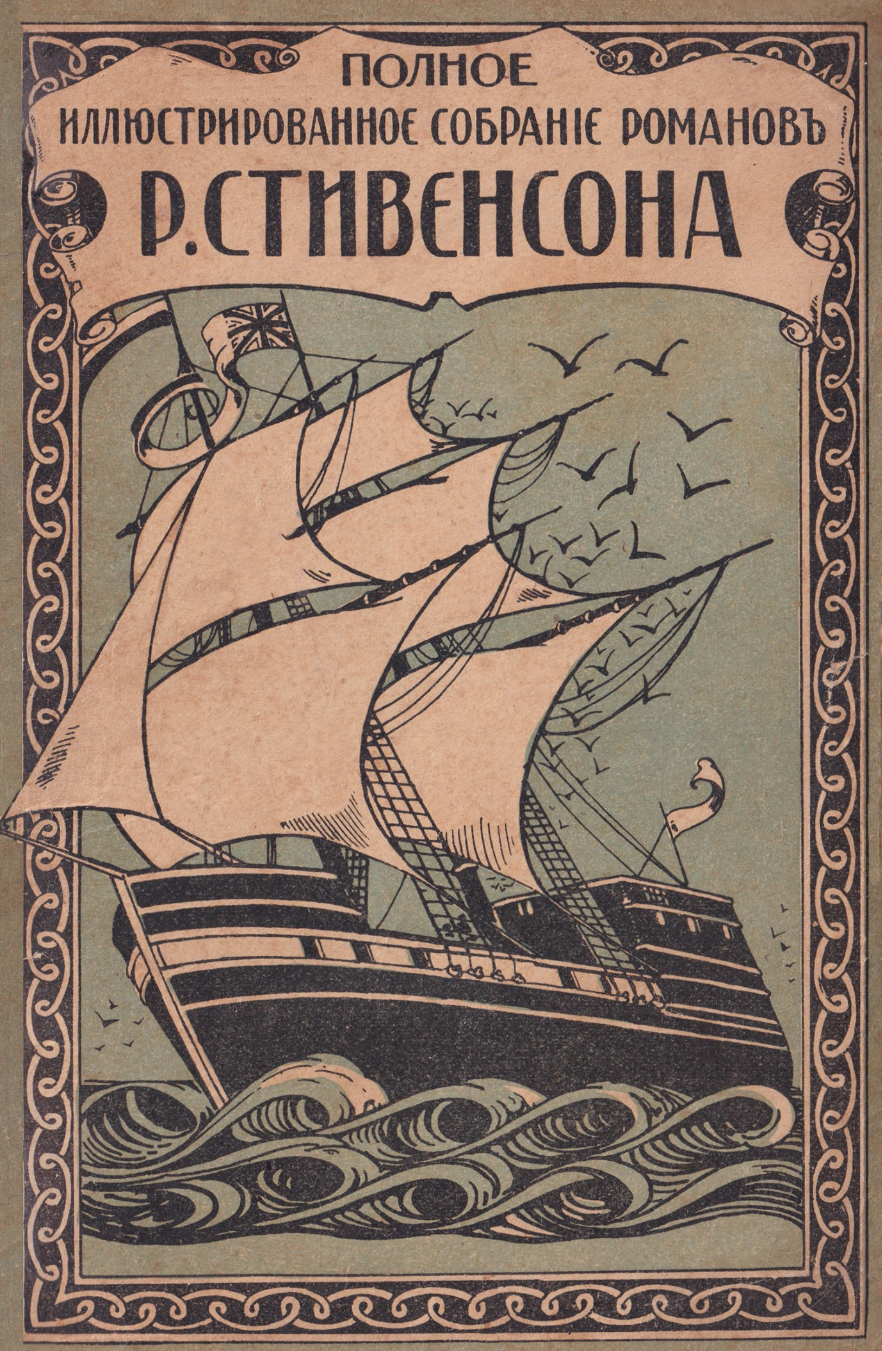

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

ПУТЕШЕСТВІЕ ВНУТРЬ СТРАНЫ

AN INLAND VOYAGE

Переводъ Е. М. Чистяковой-Вэръ

Издательство П. П. Сойкина

Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

Предисловіе къ русскому переводу.

Небольшая, полная юмора книга «Путешествіе внутрь страны» вышла въ свѣтъ въ 1878 г. Это—впечатлѣнія поѣздки на лодкѣ отъ Антверпена почти до Парижа, предпринятой Стивенсономъ вдвоемъ со своимъ соотечественникомъ, сэромъ Вальтеромъ Симпсономъ. Всѣ трагикомическія событія и непредвидѣнныя случайности этого путешествія описаны начинавшимъ тогда авторомъ въ высшей степени граціозно и жизненно.

Разсказывая о своемъ прибытіи въ пограничный французскій городъ Мобежъ, Стивенсонъ подтруниваетъ надъ своей внѣшностью. «Миновать границу, хотя бы и въ поѣздѣ,—трудная задача для «Аретузы». Такъ или иначе, онъ не ускользаетъ отъ должностного ока... Весь сбродъ англійскаго туризма, вооружась путеводителями, безпрепятственнымъ потокомъ разливается по желѣзнымъ дорогамъ континента, и только тощая фигура «Аретузы» остается въ сѣтяхъ, между тѣмъ какъ эти болѣе крупныя рыбы, торжествуя, продолжаютъ свой путь... Онъ ласкаетъ себя мыслью о своей нейтральной честности, однако, рѣдко его принимаютъ за кого-нибудь почище шпіона».

Мы отсылаемъ читателей къ портрету Стивенсона, чтобы они сами могли судить, насколько справедливы были эти подозрѣнія. Приложенный къ настоящему изданію портретъ (конца 80-хъ годовъ)—одинъ изъ самыхъ удачныхъ. Люди, встрѣчавшіеся съ знаменитымъ писателемъ, говорятъ о необыкновенной подвижности его лица, не передаваемой никакой фотографіей или кистью. Стивенсона описываютъ, какъ необычайно худощаваго и хрупкаго человѣка; въ немъ было даже что-то женствен-

ное. Длинные черные волосы ниспадали почти до плечъ—не для приданія «артистической» внѣшности, но для защиты отъ холода, къ которому больной писатель былъ крайне чувствителенъ. Въ минуты покоя его продолговатое лицо казалось усталымъ и недовольнымъ, но было очень привлекательно, если его озаряла улыбка. Глубокій, огненный взглядъ его большихъ черныхъ глазъ навсегда оставался въ памяти. Всѣхъ съ перваго раза поражало значительное разстояніе между его глазами, особенно замѣтное благодаря продолговатой формѣ головы. Благородная рука его отличалась длиной и крайней худобой пальцевъ.

Его кельтскій темпераментъ проявлялся во время бесѣды. Онъ вскакивалъ, какъ на пружинахъ, нервно переходилъ съ мѣста на мѣсто и участвовалъ въ разговорѣ «всѣмъ своимъ тѣломъ». Всѣ, близко знавшіе его, помнятъ, какое наслажденіе доставляли имъ его бесѣды. Какъ и всѣ его произведенія, онѣ были свѣжи, остроумны, оригинальны. Его фразы не были истасканы и истерты до гладкости; напротивъ, онѣ изобиловали остротой очертаній. Онъ видѣлъ все подъ особымъ угломъ зрѣнія и излагалъ свой взглядъ не догматически, но образно, живописно, съ яркостью и силой, присущими совершенно прямой и искренней натурѣ.

«Путешествіе внутрь страны», въ сущности—одна изъ такихъ бесѣдъ. Это его воспоминанія, въ которыхъ онъ разсказываетъ о себѣ самомъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я боюсь, что, снабжая такое маленькое сочиненіе предисловіемъ, грѣшу противъ закона соразмѣрности. Но авторъ не въ силахъ воспротивиться желанію написать предисловіе, которое составляетъ награду за его труды. Когда кладется первый камень фундамента, архитекторъ является съ планомъ въ рукѣ и нѣсколько времени красуется передъ публикой. То же дѣлаетъ и писатель въ своемъ предисловіи: можетъ быть, ему ровно нечего сказать читателямъ, но онъ показывается имъ на минуту во входной аркѣ со шляпой въ рукѣ и съ самымъ привѣтливымъ видомъ.

Автору лучше всего держаться середины; выказывать скромность и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе собственнаго превосходства, а также дѣлать видъ, будто книга написана кѣмъ-то другимъ, а онъ вставилъ въ нее только то, что въ ней есть хорошаго. Къ сожалѣнію, я не обладаю такой высотой искусства. Я еще не способенъ скрывать горячихъ чувствъ къ читателю, и если встрѣчаю его на порогѣ, то приглашаю войти съ сельскимъ радушіемъ.

Говоря правду, едва я прочелъ корректуру моего сочиненія, какъ меня охватили страшныя опасенія. Мнѣ представилось, что я не только буду первымъ, кто прочитаетъ эти страницы, но также и послѣднимъ; что, быть можетъ, я напрасно осматривалъ веселыя селенія, и ни одна душа не послѣдуетъ за мной. Чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ больше пугала меня эта мысль; наконецъ, она превратилась въ паническій ужасъ, и я взялся за предисловіе, чтобы предупредить читателей.

Что скажу я въ пользу моей книги? Халевъ и Іисусъ Навинъ принесли изъ Палестины значительный грузъ винограда; увы, моя книга не дастъ ничего столь питательнаго, да и мы живемъ

въ ту эпоху, когда люди предпочитаютъ точное опредѣленіе любому запасу плодовъ.

Не знаю, можно ли найти привлекательность въ отрицательности? Спрашиваю это, такъ какъ, если взглянуть на мою книгу со стороны отрицательной, мнѣ кажется, она типична. Хотя въ моемъ сочиненіи заключается около ста шестидесяти страницъ, въ немъ нѣтъ нападковъ на нелѣпость Божьяго міра, нѣтъ и намека, что я могъ бы создать лучшую вселенную... Право, ужъ не знаю, о чемъ я думалъ! Я точно забылъ, что именно составляетъ славу человѣка. Это упущеніе дѣлаетъ мое сочиненіе вполнѣ ничтожнымъ въ философскомъ смыслѣ, но я надѣюсь, что въ легкомысленныхъ кружкахъ такая эксцентричность понравится.

Друга, сопровождавшаго меня, я долженъ очень благодарить, и былъ бы радъ, если бы не задолжалъ ему ни въ какомъ другомъ отношеніи. Въ эту минуту я чувствую къ нему преувеличенную нѣжность. Онъ-то, конечно, сдѣлается моимъ читателемъ, хотя бы ради того, чтобы прослѣдить за своими собственными скитаніями.

ВАЛЬТЕРУ ГРИНДЛЕЮ СИМПСОНУ, БАРОНЕТУ.

«Мой дорогой «Сигаретка»!

«Достаточно уже и того, что ты вмѣстѣ со мной мокъ подъ дождемъ и перетаскивалъ свою байдарку во время нашихъ скитаній, что ты усиленно гребъ, чтобы спасти брошенную «Аретузу» среди разлива Уазы, что ты доставилъ жалкій обломокъ человѣческаго рода въ Орильи Сентъ-Бенуатъ, гдѣ мы нашли ужинъ, о которомъ такъ мечтали. Быть можетъ, было болѣе, чѣмъ достаточно, какъ ты и сказалъ, что я предоставлялъ тебѣ всѣ рѣшительныя объясненія, а самъ довольствовался размышленіями. Я по совѣсти не могъ заставить тебя дѣлить со мной несчастія другого, болѣе публичнаго крушенія. Но теперь, когда наше путешествіе выходитъ въ свѣтъ дешевымъ изданіемъ, эта опасность минуетъ, и я могу упомянуть твое имя.

«Но я не могу замолчать, пока не выражу сожалѣній о судьбѣ нашихъ двухъ кораблей. Въ несчастный день, сэръ, задумали мы пріобрѣсти баржу, въ несчастный день сказали мы о нашей грезѣ самымъ горячимъ мечтателямъ. Правда, нѣкоторое время міръ намъ улыбался. Мы купили баржу и окрестили ее; въ качествѣ «Одиннадцати тысячъ кельнскихъ дѣвъ» она нѣсколько мѣсяцевъ стояла въ спокойной рѣкѣ, подъ стѣнами стараго города, и ею восхищались ея поклонники. Г-нъ Матра, превосходнѣйшій судостроитель изъ Море, превратилъ ее въ центръ своихъ заботъ, и ты не забылъ количества сладкаго шампанскаго, выпитаго въ гостиницѣ для приданія жара работникамъ и быстроты работѣ. Я не хочу долго останавливаться на финансовой сторонѣ вопроса. Баржа «Одиннадцать тысячъ кельнскихъ дѣвъ» сгнила въ рѣкѣ, на которой ею восхищались. Она не испытала

силы вѣтра, ее не тащила терпѣливая бичевая лошадь. Когда же, наконецъ, возмущенный кораблестроитель продалъ ее, съ нею продали также «Аретузу» и «Сигаретку», причемъ было сказано, что онѣ изъ кедра, когда мы на собственныхъ плечахъ во время волоковъ убѣдились, что матеріаломъ для нихъ служилъ крѣпкій англійскій дубъ! Теперь эти историческія суда плаваютъ подъ трехцвѣтными флагами и носятъ новыя чужеземныя имена.

Изъ Антверпена въ Боомъ.

Мы произвели сильное волненіе въ антверпенскихъ докахъ. Смотритель и нѣсколько носильщиковъ подняли наши байдарки и побѣжали съ ними къ спуску. Толпа дѣтей съ громкими криками слѣдовала за ними. Послышался всплескъ, «Сигаретка» опустилась на воду, слегка взволновавшуюся кругомъ. Черезъ минуту за ней послѣдовала «Аретуза». Показался пароходъ, шедшій внизъ; люди, стоявшіе на его кожухѣ, предостерегали насъ сиплыми голосами; смотритель и его носильщики кричали намъ съ набережной. Но черезъ нѣсколько мгновеній байдарки были уже на серединѣ Шельды, и всѣ пароходчики, смотрители доковъ и другіе прибрежные тщеславные властители остались позади насъ.

Солнце свѣтило ярко; прибой пробѣгалъ четыре мили въ часъ; вѣтеръ дулъ ровно, налетали случайные шквалы. Я никогда еще не плавалъ на байдаркѣ подъ парусами, и мой первый опытъ на этой большой рѣкѣ прошелъ не безъ нѣкотораго трепета для меня. Что случится, когда вѣтеръ впервые наполнитъ мой маленькій парусъ? Мнѣ кажется, это была такая же страшная экскурсія въ область невѣдомаго, какъ печатаніе первой книги или женитьба. Но мои сомнѣнія скоро окончились, и вы не удивитесь, что черезъ пять минутъ я привязалъ мой шкотъ.

Сознаюсь, это обстоятельство сильно поразило меня самого; конечно, въ компаніи съ моими другими товарищами я всегда привязывалъ шкотъ въ большомъ парусномъ ботѣ, но я никакъ не ожидалъ, что сдѣлаю это въ маленькой и хрупкой лодочкѣ при опасныхъ шквалахъ. Мой поступокъ показалъ мнѣ, насколько мы мало цѣнимъ жизнь. Конечно, гораздо удобнѣе курить, привязавъ шкотъ, но до тѣхъ поръ я никогда еще не противопоставлялъ удобство куренія очевидной опасности и не избиралъ

удобства куренія. Давно извѣстно, что, не испытавъ себя, мы ничего не можемъ о себѣ сказать. Но не такъ обыкновенна и, конечно, болѣе утѣшительна мысль, что мы почти всегда оказываемся мужественнѣе и лучше, нежели думали о себѣ. Полагаю, каждый испыталъ это, но опасеніе разочарованія въ будущемъ мѣшаетъ ему громко говорить о его сладкомъ сознаніи. Я искренно сожалѣю (это избавило бы меня отъ многихъ непріятностей), что когда я былъ моложе, мнѣ никто не внушилъ смѣлаго взгляда на жизнь и не сказалъ, что издали опасности кажутся намъ гораздо страшнѣе, чѣмъ вблизи, и что хорошія стороны человѣческаго духа никогда не оставляютъ насъ въ минуты нужды. Къ сожалѣнію, всѣ мы играемъ на сентиментальной флейтѣ въ литературѣ, и никто изъ насъ не хочетъ забить въ мужественный барабанъ.

На рѣкѣ было очень хорошо; мы встрѣтили нѣсколько лодокъ съ душистымъ сѣномъ.

По берегамъ тянулись стѣны тростника и ивъ; коровы и старыя почтенныя лошади перевѣшивали свои кроткія головы черезъ ограды. Тамъ и сямъ среди зелени виднѣлись привлекательныя деревни съ шумными верфями. Тамъ и сямъ на полянѣ стояли виллы. Вѣтеръ быстро несъ насъ по Шельдѣ, а потомъ по Рупелю. Мы шли очень хорошо, когда увидѣли кирпичные заводы Боома, лежавшіе по правой сторонѣ рѣки. Лѣвый берегъ былъ попрежнему зеленъ и дышалъ сельской тишиной; аллеи деревьевъ украшали насыпи. Кое-гдѣ къ водѣ сбѣгали лѣсенки; онѣ вели къ паромамъ, на которыхъ то сидѣла женщина, облокотившаяся локтями на колѣни, то виднѣлся старикъ съ палкой въ рукѣ и съ серебряными очками на носу.

Боомъ и его кирпичные заводы становились все безобразнѣе, дымились все больше и больше. Наконецъ, церковь съ колокольней и деревянный мостъ черезъ рѣку указали намъ, что мы въ центральныхъ кварталахъ города.

Боомъ некрасивъ и достопримѣчателенъ только тѣмъ, что его жители думаютъ, будто они могутъ говорить по-англійски; но это не оправдывается на дѣлѣ. Упомянутое обстоятельство придало нашимъ разговорамъ съ горожанами Боома нѣкоторую туманность. Что же касается «Гостиницы Навигаціи», я считаю ее худшимъ зданіемъ въ городѣ. Она хвалится темной гостиной съ прилавкомъ для продажи питей. Другая гостиная, еще болѣе

холодная и темная, украшена пустой птичьей клѣткой. Тамъ мы пообѣдали въ обществѣ трехъ несообщительныхъ учениковъ инженернаго училища и молчаливаго купца. Всѣ кушанья, какъ всегда въ Бельгіи, отличались неопредѣленнымъ и неописуемымъ вкусомъ; я никогда не могъ разобрать, что я ѣмъ; бельгійцы цѣлый день возятся съ мясомъ, стараясь сдѣлать изъ него истинно-французское кушанье или истинно-германское и приготовляя нѣчто непохожее ни на то, ни на другое.

Пустая клѣтка въ полномъ порядкѣ, но безъ малѣйшаго слѣда прежняго пернатаго обитателя напоминала кладбище. Инженеры, повидимому, не находили ничего сказать намъ или купцу; они потихоньку разговаривали между собой или молча смотрѣли на насъ черезъ блестящія очки, такъ какъ хотя эти молодые люди и были красивы, но всѣ носили очки.

Въ отелѣ служила англичанка-горничная, которая такъ долго прожила внѣ Англіи, что усвоила всевозможныя веселыя чужестранныя словечки и всевозможныя удивительныя, чужестранныя манеры, которыхъ не стоитъ перечислять. Она многорѣчиво говорила съ нами на своемъ жаргонѣ, разспрашивала насъ о теперешнихъ обычаяхъ Англіи и предупредительно поправляла, когда мы пытались отвѣчать ей. Однако, мы имѣли дѣло съ женщиной, а потому, вѣроятно, наши разсказы произвели больше впечатлѣнія, нежели это намъ казалось. Женщины любятъ собирать свѣдѣнія, въ то же время сохраняя свое превосходство. Это отличная политика, порой прямо необходимая. Когда мужчина замѣчаетъ, что женщина восхищается имъ, хотя бы изъ-за его знакомства съ географіей, онъ сейчасъ же злоупотребляетъ этимъ восхищеніемъ. Только путемъ постоянныхъ насмѣшекъ красавицы могутъ удерживать насъ на надлежащемъ мѣстѣ. Мужчины, какъ сказала бы миссъ Хоу или Харлоу, «такіе похитители». Что касается меня, я всей душой и тѣломъ стою на сторонѣ женщинъ, и послѣ счастливыхъ супруговъ, по моему мнѣнію, на свѣтѣ нѣтъ ничего прекраснѣе миѳа о божественной охотницѣ. Мужчинѣ, какъ извѣстно, не стоитъ удаляться въ лѣсъ. Св. Антоній попробовалъ сдѣлать это и былъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, далеко не счастливъ. Нѣкоторыя женщины превосходятъ лучшихъ гимнософистовъ мужчинъ, такъ какъ онѣ довольствуются собой и могутъ находиться въ холодномъ или жаркомъ поясѣ безо всякаго существа въ мужскомъ одѣяніи. Я совсѣмъ не аскетъ,

однако, болѣе благодарю женщинъ за этотъ идеалъ, чѣмъ благодарилъ бы ихъ большинство или, лучше сказать, любую изъ нихъ, кромѣ одной, за внезапный поцѣлуй. Нѣтъ ничего болѣе бодрящаго, нежели взглядъ на существо, которое умѣетъ довольствоваться собой. Стройныя, красивыя дѣвушки всю ночь носятся въ лѣсу подъ звуки рога Діаны, мелькаютъ между вѣковыми дубами, такія же спокойныя, какъ старыя деревья, и при мысли о нихъ, объ этихъ порожденіяхъ лѣса и свѣта звѣздъ, не затронутыхъ волненіями горячей и бурной человѣческой жизни, мое сердце (хотя я и предпочитаю многіе другіе идеалы) сильно бьется и трепещетъ. Правда, онѣ удаляются отъ жизни, но какъ граціозно! Кромѣ того, о чемъ не жалѣешь, то не потеря. А развѣ (здѣсь уже выказывается мужчина) было бы пріятно внушать любовь, если бы не приходилось побѣждать презрѣнія?

На Виллебрукскомъ каналѣ.

На слѣдующее утро, когда мы двинулись по Виллебрукскому каналу, пошелъ сильный, холодный дождь. Вода канала имѣла температуру тепловатаго чая, и подъ холодными струями дождя ея поверхность покрылась паромъ. Мы отчалили съ такимъ удовольствіемъ, и байдарки такъ легко и быстро подвигались впередъ при каждомъ ударѣ веселъ, что эта непріятность не смутила нашего хорошаго настроенія. Когда же облако прошло, и солнце снова проглянуло, насъ охватило такое веселое чувство, какого мы никогда не испытывали дома. Вѣтеръ шелестѣлъ и дрожалъ въ сучьяхъ деревьевъ, окаймлявшихъ берега канала. Купы листьевъ блистали на свѣтѣ. На взглядъ и слухъ казалось, будто можно было распустить паруса, но между берегами вѣтеръ долеталъ къ намъ только слабыми и непостоянными порывами. Мы шли съ перерывами и не быстро. Какой-то человѣкъ, напоминавшій моряка, закричалъ намъ съ бечевой дорожки: C'est vite, mais c'est long».

На каналѣ было довольно большое движеніе. Мы то и дѣло встрѣчали или догоняли длинныя вереницы барокъ съ большими зелеными рулями, высокими кормами и окошечкомъ по обѣ стороны руля. Часто въ одномъ изъ этихъ окошечковъ виднѣлся букетъ въ кружкѣ или цвѣточный горшокъ. На палубѣ женщины хлопотали объ обѣдѣ или смотрѣли за толпой дѣтей. Эти барки

привязывались одна къ другой канатами, ихъ бывало по двадцати пяти или тридцати штукъ. Вереницу обыкновенно велъ пароходъ странной конструкціи. Въ немъ не замѣчалось ни колеса, ни винта, и онъ приводился въ движеніе какимъ-то аппаратомъ, непонятнымъ для не механика. Этотъ приборъ вытягивалъ черезъ носъ парохода блестящую цѣпь, которая лежала вдоль дна канала, и спускалъ ее опять черезъ корму; такимъ образомъ пароходъ подвигался впередъ шагъ за шагомъ вмѣстѣ со всей вереницей нагруженныхъ баржъ. Для человѣка, не имѣвшаго ключа къ этой загадкѣ, было что-то торжественное и странное въ ходѣ длинныхъ линій барокъ, которыя безшумно ползли по водѣ безъ всякихъ признаковъ движенія, кромѣ расходившейся волнующейся струи за кормой.

Изъ всѣхъ созданій коммерческихъ предпріятій баржа канала—самое восхитительное. Иногда она распускаетъ паруса, и вы видите, какъ она идетъ надъ верхушками деревьевъ и вѣтряными мельницами, между зелеными хлѣбными полями, точно самая живописная изъ всѣхъ амфибій. Иногда лошадь тащитъ бечеву такимъ шагомъ, точно на свѣтѣ и не существуетъ торопливости, и человѣкъ, дремлющій у руля, цѣлый день видитъ одинъ и тотъ же шпицъ колокольни на горизонтѣ. Становится удивительно, что при такихъ условіяхъ барки могутъ когда-нибудь достигать очереди при входѣ въ шлюзы, и человѣкъ получаетъ прекрасный примѣръ того, какъ можно спокойно относиться къ міру. Вѣроятно, на палубахъ этихъ судовъ очень много довольныхъ людей, потому что подобное существованіе—и путешествіе, и жизнь дома.

Трубы дымятся, обѣды готовятся, а баржа идетъ, и передъ созерцательнымъ взглядомъ зрителя медленно развертываются прибрежныя сцены. Баржа плыветъ мимо большихъ лѣсовъ, черезъ большіе города съ ихъ общественными строеніями, съ ихъ фонарями ночью. И хозяинъ баржи, путешествующій «у себя въ постели», какъ бы слушаетъ исторію другого человѣка или перелистываетъ страницу иллюстрированной книги, не имѣющей отношенія къ нему. Онъ можетъ совершить дневную прогулку въ чужой сторонѣ, а къ обѣду вернуться къ своему очагу.

Благодаря подобной жизни, человѣкъ не дѣлаетъ достаточно движенія для здоровья, но мѣры для здоровья необходимы только для нездоровыхъ людей. Лѣнтяй, который никогда не бываетъ ни

боленъ, ни здоровъ, находитъ достаточно покоя на баржѣ и умираетъ легче.

Я больше хотѣлъ бы быть хозяиномъ баржи, нежели занимать положеніе, которое заставляло бы меня сидѣть въ конторѣ. Немногія призванія менѣе лишаютъ человѣка свободы, давая ему хлѣбъ насущный.

Барочникъ на палубѣ—господинъ своего судна: онъ можетъ выйти на землю, когда ему вздумается; онъ никогда не бываетъ принужденъ стоять подъ вѣтромъ холодную ночь, дѣлающую парусъ жесткимъ, какъ желѣзо; онъ располагаетъ всѣмъ своимъ временемъ, насколько это ему позволяетъ распорядокъ дня, часы, назначенные для обѣда или отхода ко сну. Право, трудно придумать, зачѣмъ умираютъ барочники.

На полдорогѣ между Виллебрукомъ и Филлефорде въ прелестномъ мѣстѣ канала, походившемъ на аллею, мы вышли на берегъ, чтобы позавтракать. На «Аретузѣ» было два яйца, ломоть хлѣба и бутылки. На «Сигареткѣ»—пара яицъ и кухня «Этна». Хозяинъ «Сигаретки» во время высадки разбилъ одно изъ яицъ, но, замѣтивъ, что яйцо все же можно сварить à la papier, опустилъ его въ «Этну», предварительно обернувъ листомъ фламандской газеты. Мы пристали во время затишья, но не пробыли на берегу и двухъ минутъ, какъ вѣтеръ превратился въ настоящій вихрь, и дождь застучалъ по нашимъ плечамъ. Мы жались къ «Этнѣ». Спиртъ горѣлъ довольно бурно; кругомъ нашей кухни то-и-дѣло загоралась трава, и ее приходилось тушить.

Черезъ самое короткое время у насъ оказалось нѣсколько обожженныхъ пальцевъ! Увы, количество превосходно приготовленныхъ кушаній не было пропорціонально этимъ неудачамъ! Послѣ двукратнаго растапливанія нашей кухни, крѣпкое яйцо оказалось еле подогрѣтымъ, а разбитое представляло собой холодное, грязное fricassée изъ типографскихъ чернилъ и осколковъ скорлупы. Мы попробовали спечь остававшіяся яйца, положивъ ихъ въ горѣвшій спиртъ, и добились нѣсколько лучшихъ результатовъ. Затѣмъ мы откупорили бутылку вина и сѣли въ канаву, покрывъ колѣни носовыми покрышками байдарокъ. Шелъ сильный дождь. Неудобство, когда оно неудобно честнымъ образомъ и не дѣлаетъ противныхъ усилій казаться чѣмъ-нибудь инымъ,—вещь веселая, а люди, хорошо измоченные подъ

открытымъ небомъ, охотно смѣются. Съ этой точки зрѣнія, даже яйцо à la papier послужило добавленіемъ къ веселью. Однако, развлеченія такого рода, хотя они и могутъ быть приняты весело, не должны повторяться, и съ этихъ поръ кухня «Этна», какъ барыня, путешествовала въ ящикѣ «Сигаретки».

Незачѣмъ и говорить, что, позавтракавъ, мы опять сѣли въ байдарки и распустили паруса; но вѣтеръ совершенно упалъ. Остальную дорогу до Филлефорде мы все же не убирали парусовъ и, благодаря изрѣдко налетавшимъ порывамъ вѣтра и весламъ, передвигались отъ шлюза къ шлюзу между двумя ровными рядами деревьевъ.

Мы шли среди прекраснаго зеленаго ландшафта, вѣрнѣе, по зеленой водяной дорогѣ между деревнями. Берега имѣли жилой, обработанный видъ издревле заселенныхъ мѣстностей.

Коротко остриженныя дѣти плевали на насъ съ мостовъ, выказывая истинно консервативныя чувства. Еще консервативнѣе были рыбаки. Не спуская глазъ со своихъ поплавковъ, они не удостаивали насъ ни однимъ взглядомъ. Они стояли на сваяхъ, быкахъ и на откосахъ, всей душой предавались рыбной ловлѣ, казались равнодушными, какъ неодушевленные предметы, и шевелились не больше фигуръ на старинныхъ голландскихъ картинкахъ. Листья шелестѣли, вода трепетала, а они продолжали стоять такъ же неподвижно, какъ церкви, установленныя закономъ. Если бы вы трепанировали любой изъ ихъ кроткихъ череповъ, вы нашли бы подъ его покровами только свернутую лесу. Я не люблю нарядныхъ молодыхъ людей въ гуттаперчевыхъ чулкахъ, которые борятся съ горными потоками, забрасывая удочки для лососей, но я горячо люблю людей, которые каждый день безплодно прилагаютъ все свое искусство къ тому, чтобы поймать хоть что-нибудь въ тихой и уже лишенной рыбы водѣ.

На послѣднемъ шлюзѣ за Филлефорде мы встрѣтили сторожиху, говорившую довольно понятнымъ французскимъ языкомъ; она намъ сказала, что до Брюсселя остается еще около двухъ миль. Тутъ же пошелъ дождь. Онъ падалъ вертикально параллельными струями, подъ которыми вода канала всплескивалась кристальными фонтанчиками. Въ окрестности нельзя было переночевать. Намъ осталось только сложить паруса и усердно работать веслами подъ дождемъ.

Прекрасные помѣщичьи дома съ часами и закрытыми став-

нями, чудныя старыя деревья, стоявшія группами и аллеями, темнѣли среди дождя и сумрака и придавали великолѣпный видъ берегамъ канала. Помнится, на какой-то гравюрѣ я уже видѣлъ такой же красивый безлюдный пейзажъ съ проносящейся надъ нимъ бурей.

Клубъ „Royal Sport Nautique“.

Дождь прекратился подлѣ Лекена, но солнце уже зашло. Было холодно, и на обоихъ насъ не осталось ни одной сухой нитки. Теперь, когда мы были уже въ концѣ зеленой дороги и подошли къ Брюсселю, передъ нами выросло серьезное затрудненіе. Всѣ берега были сплошь заняты судами, ожидавшими очереди войти въ шлюзы. Нигдѣ не виднѣлось ни порядочной пристани, ни одного сарая или хлѣва, въ которомъ мы могли бы оставить на ночь наши байдарки. Наконецъ, мы вскарабкались на берегъ и вошли въ маленькую кофейню, въ которой сидѣло нѣсколько оборванцевъ, пившихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Хозяинъ обошелся съ нами довольно-таки нелюбезно; онъ не могъ указать намъ ни одного постоялаго двора, ни одного трактира; и, видя, что мы не намѣреваемся пить, не сталъ скрывать своего нетерпѣливаго желанія отдѣлаться отъ насъ поскорѣе. Одинъ изъ оборванцевъ выручилъ насъ. Гдѣ-то тутъ на углу бассейна былъ спускъ, а рядомъ съ нимъ еще что-то; онъ неясно опредѣлилъ это «что-то», но воображеніе слушателей построило на его словахъ надежду.

Дѣйствительно, мы нашли сходъ, а вверху двухъ милыхъ юношей въ гребныхъ костюмахъ. Аретуза обратился къ нимъ за свѣдѣніями. Одинъ изъ молодыхъ людей сказалъ, что помѣстить наши байдарки не трудно, другой же, вынувъ изо рта папироску, спросилъ, не построены ли онѣ фирмой Сирль и Сынъ? Названіе фирмы замѣнило представленіе. Изъ домика съ надписью: «Royal Sport Nautique» вышло еще съ полдюжины молодыхъ людей; всѣ они тоже вступили въ разговоръ съ нами. Молодые люди были вѣжливы, разговорчивы и полны энтузіазма. Ихъ рѣчи уснащались англійскими гребными выраженіями, именами англійскихъ судостроителей и названіями англійскихъ гребныхъ и парусныхъ клубовъ. Къ моему стыду, меня никогда не принимали такъ горячо въ родной землѣ. Мы были англійскіе спорт-

смэны, и бельгійскіе спортсмэны бросились къ намъ въ объятія. Право, не знаю, встрѣтили ли такъ сердечно англійскіе протестанты французскихъ гугенотовъ, когда тѣ переправились черезъ проливъ. Впрочемъ, можетъ ли какая-нибудь религія связать людей такъ тѣсно, какъ увлеченіе однимъ и тѣмъ же спортомъ?

Наши байдарки были отнесены въ лодочный сарай; слуги клуба вымыли ихъ; паруса вывѣсили сушиться, все приняло красивый, опрятный видъ, какъ на картинкѣ. Въ то же время наши вновь обрѣтенные братья провели насъ въ домъ. Многіе изъ нихъ увѣряли, что мы поистинѣ близки имъ. Ихъ умывальная комната была предоставлена въ наше распоряженіе. Одинъ подавалъ намъ мыло, другой губку, третій и четвертый помогали распаковывать наши дорожные резиновые мѣшки. Въ то же время насъ осыпали различными разспросами, раздавались увѣренія въ уваженіи и симпатіи. Право, до тѣхъ поръ я не зналъ, что значитъ слава!

— Да, да, «Royal Sport Nautique» самый старый клубъ въ Бельгіи.

— Насъ двѣсти человѣкъ.

«Мы», «насъ»—извлеченіе изъ многихъ рѣчей, впечатлѣніе, оставшееся въ моемъ умѣ послѣ многихъ бесѣдъ. Чѣмъ-то молодымъ, привлекательнымъ и патріотическимъ кажется мнѣ это «мы».

— Мы взяли призы на всѣхъ гонкахъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда насъ побивалъ «Французскій».

— Вамъ слѣдуетъ велѣть просушить всѣ ваши вещи.

— О, entre frères! Въ каждомъ клубѣ Англіи мы встрѣтили бы такой же пріемъ. (Сердечно надѣюсь, что они не ошибались).

— En Angleterre vous employez des sliding-slats, n'est pas? *).

— Днемъ всѣ мы занимаемся коммерческими дѣлами, но вечеромъ, vous voyez, nous sommes sérieux.

Въ этомъ была истина. Днемъ всѣ они занимались легкомысленнымъ корыстнымъ дѣломъ бельгійской торговли, вечеромъ же у нихъ находилось нѣсколько часовъ для серьезныхъ вопросовъ.

---

*) Не правда ли, вы употребляете въ Англіи подвижныя банкетки.

Можетъ быть, я неправильно смотрю на мудрость, но замѣчаніе молодого спортсмэна кажется мнѣ очень глубокомысленнымъ. Люди, имѣющіе отношеніе къ литературѣ и философіи, всю жизнь стараются низвергать обветшалыя понятія и фальшивыя знамена. Въ силу своей профессіи они, путемъ упорнаго мышленія, въ потѣ лица силятся вернуть себѣ прежніе свѣжіе взгляды и положить границу между тѣмъ, что въ дѣйствительности нравится имъ, и тѣмъ, что они поневолѣ научились терпѣть. Спортсмэны же клуба «Royal Nautique» хранили въ сердцахъ понятіе объ этомъ. Они ясно сознавали, что привлекаетъ и что отталкиваетъ ихъ, что для нихъ интересно и что скучно, хотя старые, завистливые люди и считаютъ ихъ взглядъ иллюзіями. Тяжелая, какъ кошмаръ, иллюзія зрѣлыхъ лѣтъ, медвѣжье объятіе обычая, постепенно вытѣсняющее жизненность изъ души человѣка, еще не наступили для этихъ счастливыхъ молодыхъ бельгійцевъ. Они еще вѣрили, что выгоды коммерческихъ занятій ничтожны въ сравненіи съ ихъ непосредственной упорной страстью къ гребному и парусному спорту. Если вы знаете, что вамъ нравится, а не просто отвѣчаете «аминь» на то, что свѣтъ предлагаетъ вамъ — вы сохранили живую душу. Человѣкъ же, сохранившій свѣжесть сердца, можетъ быть великодушенъ и честенъ болѣе, чѣмъ въ коммерческомъ смыслѣ этого слова, онъ можетъ, по своему личному выбору, любить своихъ друзей въ силу симпатіи, а не дружится съ ними, только считая ихъ какъ бы принадлежностью своего положенія. Словомъ, онъ имѣетъ возможность слѣдовать своимъ инстинктамъ и оставаться въ той формѣ, которую Богъ создалъ для него. Онъ ни за что не сдѣлается безсознательнымъ рычагомъ соціальной машины, основанной на непонятныхъ для него принципахъ и служащей для цѣлей, не привлекательныхъ по его мнѣнію.

Ну, кто осмѣлится сказать мнѣ, что конторскія занятія интереснѣе забавъ среди лодокъ? Если же кто-либо и скажетъ мнѣ это, я отвѣчу ему, что онъ никогда не видалъ лодки или конторы. И, безъ сомнѣнія, блужданіе въ лодкѣ гораздо здоровѣе для человѣка, нежели конторскія занятія. Въ сущности, удовольствіе должно было бы составлять самую важную задачу жизни. Въ видѣ противовѣса этому мнѣнію, можно выставить только желаніе наживы.

Лишь лживое лицемѣріе стало бы изображать банкира и

купца людьми, безкорыстно работающими для человѣчества и особенно полезными, когда они погружаются въ свои предпріятія. Человѣкъ выше дѣла. Когда мой спортсмэнъ клуба «Royal Nautique» настолько отойдетъ отъ дней юности, полной надеждъ, что потеряетъ способы увлекаться чѣмъ бы то ни было, кромѣ счетной книги, врядъ ли онъ будетъ такимъ милымъ малымъ, врядъ ли онъ такъ любезно приметъ двухъ промокшихъ англичанъ.

Когда мы переодѣлись и выпили по стакану эля за процвѣтаніе клуба, одинъ изъ его членовъ проводилъ насъ въ гостиницу. Онъ не захотѣлъ пообѣдать съ нами, но не отказался выпить стаканъ вина. Энтузіазмъ—вещь утомительная. Битыхъ три часа этотъ прекрасный молодой человѣкъ сидѣлъ съ нами и распространялся о лодкахъ и гонкахъ. Передъ уходомъ онъ велѣлъ принести намъ свѣчи для спаленъ.

Мы пытались иногда перемѣнить предметъ разговора, но отвлеченіе дѣйствовало только на одну минуту. Членъ клуба неувѣренно отвѣчалъ на вопросъ, потомъ его снова увлекала, какъ волна прилива, прежняя тема. Я говорю, что онъ возвращался къ своей темѣ, но мнѣ кажется, что не онъ управлялъ ею, а она подчиняла его себѣ. Аретуза, считающій всякія гонки измышленіемъ дьявола, находился въ самомъ жалкомъ положеніи. Ради чести Англіи онъ не рѣшался признаться въ своемъ невѣжествѣ и говорилъ объ англійскихъ клубахъ и англійскихъ гребцахъ, въ первый разъ слыша о нихъ. Онъ нѣсколько разъ чуть было не попался, особенно когда дѣло зашло о подвижныхъ сидѣньяхъ «Сигаретки». Въ тѣ времена, когда кровь кипѣла въ немъ, онъ участвовалъ въ гребныхъ гонкахъ, но теперь давно отказался отъ заблужденій безумной молодости. Теперь ему было еще хуже, такъ какъ спортсмэнъ-бельгіецъ предложилъ ему завтра взять одно изъ восьми веселъ въ ихъ восьмивесельной гичкѣ, чтобы сравнить англійскую манеру грести съ бельгійской. Я видѣлъ, что, когда спортсмэнъ заговорилъ объ этомъ, потъ выступилъ на тѣлѣ моего друга. Другое предложеніе произвело на обоихъ насъ такое же дѣйствіе. Оказалось, что европейскимъ чемпіономъ гребли на байдаркахъ (какъ и многими другими чемпіонами) былъ одинъ изъ членовъ клуба «Royal Nautique». Если бы мы только подождали до воскресенья, этотъ адскій гребецъ снизошелъ бы до того, что согласился бы проводить насъ

до слѣдующей нашей остановки. Но ни я, ни мой другъ не имѣли ни малѣйшаго желанія состязаться въ солнечныхъ гонкахъ съ Аполлономъ.

Когда молодой человѣкъ ушелъ, мы велѣли потушить свѣчи въ спальнѣ и заказали себѣ грогъ. Надъ нашими головами прокатились громадныя волны. Члены клуба «Royal Nautique» были поразительно симпатичны, но они показались намъ слишкомъ юными и преданными своему гребному спорту. Мы замѣтили, что мы стары и циничны, мы любили покой и пріятное блужданіе мысли съ предмета на другой; вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ не хотѣлось опозорить родную страну, сдѣлавъ неправильный ударъ весломъ или жалко слѣдуя за кормой байдарки европейскаго чемпіона. Словомъ, мы рѣшили обратиться въ бѣгство. Казалось, мы дѣйствовали неблагодарнымъ образомъ, но мы постарались излить всѣ наши чувства въ оставленной нами запискѣ. И дѣйствительно, раздумывать было некогда; намъ казалось, что мы уже чувствуемъ горячее дыханіе чемпіона, догонявшаго насъ.

Мобежъ.

Частью боясь нашихъ милыхъ друзей членовъ клуба «Royal Nautique», частью зная, что между Брюсселемъ и Шарлеруа не меньше пятидесяти пяти шлюзовъ, мы рѣшили переѣхать черезъ границу въ поѣздѣ, такъ какъ переправились бы черезъ всѣ эти шлюзы не скорѣе, нежели идя до Шарлеруа пѣшкомъ съ байдарками на плечахъ. Воображаю, какъ поразили бы мы въ послѣднемъ случаѣ прибрежныя деревья и какъ хохотали бы встрѣчные ребятишки.

Переѣздъ черезъ границу, даже въ поѣздѣ, для Аретузы дѣло трудное; онъ, Богъ вѣсть почему, подозрительная личность для офиціальныхъ глазъ. Гдѣ бы онъ ни путешествовалъ, кругомъ него собираются чиновники. Подписываются важные акты, чужестранные повѣренные по дѣламъ, посланники и консулы разсѣяны повсюду отъ Китая до Перу, и союзныя флагъ развѣвается подъ всѣми небесами вселенной. Благодаря такимъ охранителямъ, священники, школьныя учительницы, господа въ сѣрыхъ твидовыхъ костюмахъ, цѣлыя толпы англійскихъ туристовъ съ Мюрреемъ въ рукахъ наполняютъ вагоны желѣзныхъ

дорогъ континента, и одна только тонкая фигура Аретузы запутывается въ сѣтяхъ, тогда какъ остальныя крупныя рыбы весело продолжаютъ свой путь. Если онъ путешествуетъ безъ паспорта, его бросаютъ (выражаюсь не фигурально) въ шумную тюрьму; если его бумаги въ порядкѣ, правда, ему предоставляется свобода, но его предварительно оскорбляютъ недовѣріемъ. Онъ природный британецъ, однако, ему еще никогда не удавалось убѣдить въ своей національности хотя бы одного чиновника. Онъ льститъ себя мыслью, что онъ честенъ, однако, его очень рѣдко принимаютъ за что-нибудь получше шпіона. Нѣтъ ни одного нелѣпаго и неблаговиднаго средства къ жизни, которое не приписывалось бы ему недовѣрчивыми чиновниками или народомъ.

Я не могу понять причину этого. Я, какъ всѣ другіе, бывалъ въ церкви и сидѣлъ за столомъ хорошихъ людей, но на мнѣ не осталось отпечатка отъ этого. Я кажусь всѣмъ официальнымъ очкамъ такимъ же чуждымъ, какъ дикій индѣецъ. Имъ представляется, что я могъ пріѣхать изъ любой части земного шара, кромѣ той, изъ которой я дѣйствительно явился. Мои предки напрасно трудились, и славная конституція не въ силахъ охранять меня во время моихъ скитаній по чужимъ землямъ. Повѣрьте, великая вещь воплощать собой хорошій нормальный типъ того народа, къ которому вы принадлежите.

По дорогѣ въ Мобежъ ни у кого не спросили бумагъ, кромѣ меня, и хотя я отчаянно цѣплялся за мои права, но мнѣ пришлось выбирать между униженіемъ и высадкой изъ поѣзда. Мнѣ было непріятно уступить, но я желалъ быть въ Мобежѣ.

Мобежъ укрѣпленный городъ съ очень хорошей гостиницей «Большой олень». Казалось, городъ былъ главнымъ образомъ населенъ солдатами и купцами, по крайней мѣрѣ, мы видѣли только эти два рода людей да прислугу гостиницы. Мы остались нѣсколько времени въ Мобежѣ, такъ какъ байдарки не спѣшили за нами и, наконецъ, безнадежно застряли въ таможнѣ; намъ даже пришлось вернуться и освободить ихъ. Дѣлать и смотрѣть въ городѣ было нечего. Насъ хорошо кормили, это было важно, но другихъ удовольствій не было.

«Сигаретку» чуть не арестовали, обвинивъ его въ желаніи начертить укрѣпленія, хотя онъ былъ безнадежно неспособенъ исполнить эту задачу. Кромѣ того, какъ я предполагаю, каждая

воинственная нація уже имѣетъ планы всѣхъ крѣпостей другихъ странъ, и подобныя предосторожности похожи на старательное запираніе дверей хлѣва, когда стадо уже ушло. Я думаю, что это дѣлается съ цѣлью поддерживать въ народѣ хорошее настроеніе. Очень хорошо убѣдить людей въ томъ, что они хранятъ тайну. Это заставляетъ ихъ придавать себѣ больше значенія. Даже франкмасоны, о которыхъ говорилось до пресыщенія, сохраняютъ извѣстнаго рода гордость, и каждый бакалейщикъ-масонъ, какимъ бы честнымъ, безвреднымъ и пустоголовымъ онъ ни сознавалъ себя, возвращается домой послѣ одного изъ ихъ сборищъ, чувствуя себя человѣкомъ очень значительнымъ.

Удивительно, какъ двое людей (если ихъ двое) могутъ хорошо жить въ томъ городѣ, гдѣ у нихъ нѣтъ знакомыхъ. Мнѣ кажется, созерцаніе жизни, въ которой человѣкъ не принимаетъ участія, парализуетъ его личныя желанія. Онъ довольствуется ролью зрителя. Булочникъ стоитъ на порогѣ лавки; полковникъ, украшенный тремя медалями, идетъ вечеромъ въ кафэ; войска барабанятъ и трубятъ и, какъ храбрые львы, взбираются на укрѣпленія. Не достанетъ словъ, чтобы описать, какъ спокойно смотритъ на все это чуждый человѣкъ. Тамъ, гдѣ вы пустили нѣкоторые корни, вы волей-неволей выходите изъ равнодушія. Вы участвуете въ жизни, ваши друзья бьются въ арміи. Но въ чужомъ городѣ, недостаточно маленькомъ, чтобы слишкомъ скоро ознакомиться съ нимъ, но и не настолько большомъ, чтобы онъ привлекалъ много путешественниковъ, вы стоите такъ далеко отъ всѣхъ волненій, что положительно не видите, что могли бы подойти ближе къ жизни; вы такъ мало испытываете участія къ людямъ, что забываете, что вы человѣкъ. Можетъ быть, очень скоро вы перестали бы и быть человѣкомъ. Гимнософисты идутъ въ лѣсъ, тамъ ихъ окружаетъ природа, полная поэзіи, они на каждомъ шагу встрѣчаютъ романъ. Было бы цѣлесообразнѣе, если бы они селились въ скучныхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ видѣли бы достаточно образчиковъ человѣчества, чтобы это отнимало у нихъ желаніе видѣть большее количество людей, да кромѣ того, смотрѣли бы лишь на внѣшнюю сторону жизни. Внѣшность существованія такъ же мертва для насъ, какъ пустыя формальности, и говоритъ нашему зрѣнію и слуху мертвымъ языкомъ, и не имѣетъ большаго значенія, нежели брань или привѣтствіе. Мы такъ привыкли видѣть, какъ въ воскресные

дни въ церковь идутъ супружескія пары, что совершенно забываемъ, что онѣ изображаютъ, и романистамъ приходится оправдывать незаконную любовь, когда они желаютъ показать намъ, какъ хорошо, если мужчина и женщина живутъ другъ для друга.

Однако, въ Мобежѣ нашелся человѣкъ, показавшій мнѣ не одну свою оболочку. Я говорю о кучерѣ омнибуса гостиницы; это былъ довольно некрасивый человѣчекъ, но съ искрой чего-то человѣческаго въ душѣ. Онъ слышалъ о нашемъ маленькомъ путешествіи и пришелъ выразить мнѣ свое завистливое сочувствіе. Какъ ему хочется отправиться путешествовать, сказалъ онъ мнѣ. Какъ ему хочется посмотрѣть свѣтъ раньше, чѣмъ онъ уйдетъ въ могилу...

— Я ѣду на станцію,—сказалъ онъ.—Прекрасно, потомъ я ѣду обратно. Итакъ каждый день цѣлую недѣлю. Боже мой, неужели это жизнь?

Я не могъ сказать, что нахожу это жизнью для него. Кучеръ просилъ меня сообщить, гдѣ я побывалъ и куда надѣялся отправиться. Слушая меня, бѣдный малый вздохнулъ. Развѣ онъ не могъ бы сдѣлаться храбрымъ африканскимъ путешественникомъ, или отправиться въ Индію за Дрекомъ? Но теперь неблагопріятное время для людей съ бродячими наклонностями. Тотъ, кто можетъ прочнѣе усидѣть на трехногомъ стулѣ, получаетъ богатство и славу.

Не знаю, ѣздитъ ли до сихъ поръ мой другъ съ омнибусомъ «Большого Оленя»? Врядъ ли; когда мы были въ Мобежѣ, онъ, казалось, собирался возмутиться, и, быть можетъ, наше появленіе дало ему послѣдній хорошій толчокъ. Вѣдь для него въ тысячу разъ лучше сдѣлаться бродягой, чинить горшки и сковородки, сидя у дороги, спать подъ деревьями и каждый день видѣть восходъ и закатъ на новомъ горизонтѣ, нежели ѣздить съ омнибусомъ. Мнѣ кажется, будто я слышу, какъ вы говорите, что положеніе кучера омнибуса гостиницы—почтенное. Прекрасно. Но развѣ имѣютъ право люди, не дорожащіе подобнымъ почетомъ, отнимать у другихъ доступъ къ нему? Предположимъ, мнѣ не нравится какое-нибудь кушанье, а вы говорите, что всѣ остальные, сидящіе за столомъ, очень любятъ его. Что я долженъ сдѣлать? Полагаю, недоѣдать этого кушанья до конца. Почтенное положеніе вещь хорошая, но она не можетъ пересили-

вать всѣхъ остальныхъ соображенiй. Я не говорю, что это дѣло вкуса, отнюдь нѣтъ, я только хочу замѣтить, что если положенiе не нравится человѣку, кажется ему ненужнымъ, стѣснительнымъ и безполезнымъ, то будь оно такъ же почтенно, какъ церковь Англiи, чѣмъ скорѣе онъ покинетъ его, тѣмъ для него лучше.

По Самбрѣ, обращенной въ каналъ,—въ Картъ.

Въ три часа пополудни всѣ служащiе въ «Оленѣ» проводили насъ до воды. Кучеръ омнибуса смотрѣлъ на насъ широко раскрытыми дикими глазами. Бѣдная птица въ клѣткѣ! Развѣ я самъ не помню времени, когда я ходилъ на станцiю и смотрѣлъ, какъ одинъ поѣздъ за другимъ уносилъ свободныхъ людей въ темноту ночи, когда я читалъ на росписанiяхъ названiя отдаленныхъ мѣстъ, чувствуя невыразимое желанiе уѣхать?

Не успѣли мы миновать укрѣпленiя, какъ начался дождь. Дулъ противный вѣтеръ, налетавшiй яростными порывами; видъ окрестностей не былъ милосерднѣе неба. Мы плыли по мѣстности совершенно обнаженной, скудно поросшей кустарниками и украшенной только многочисленными фабричными трубами. Мы вышли на унавоженный лугъ, между подстриженными деревьями, и хотѣли, воспользовавшись минутами свѣтлой погоды, выкурить по трубкѣ. Вѣтеръ дулъ такъ сильно, что намъ оставалось только курить. Кромѣ нѣсколькихъ грязныхъ фабрикъ ничто не привлекало нашего вниманiя. Невдалекѣ отъ насъ стояла группа дѣтей подъ предводительствомъ высокой дѣвочки; они все время смотрѣли на двухъ незнакомцевъ и, право, не знаю, что думали о насъ.

Въ Омонѣ мы встрѣтили шлюзы, почти непроходимые; мѣсто для высадки было очень круто и высоко, спускъ же находился на порядочно далекомъ разстоянiи. Съ дюжину суровыхъ рабочихъ протянули намъ руки и помогли вытащить байдарки. Они отказались отъ всякаго вознагражденiя и, что еще лучше, отказались безъ всякой обиды.

— Таковъ у насъ обычай,—сказали они.

Это очень приличная манера. Въ Шотландiи, гдѣ вамъ также помогаютъ безъ платы, простолюдины отказываются отъ вашихъ денегъ съ такимъ видомъ, точно вы хотѣли подкупить избирателей. Когда люди рѣшаются поступать благородно, имъ

слѣдуетъ считать, что чувство собственнаго достоинства присуще и всѣмъ остальнымъ. Но въ нашихъ милѣйшихъ саксонскихъ странахъ, гдѣ мы трудимся семь десятковъ лѣтъ подрядъ и большею частью среди грязи, гдѣ вѣтеръ свиститъ въ нашихъ ушахъ отъ рожденія до могилы, все хорошее и дурное, что мы дѣлаемъ, мы дѣлаемъ заносчиво, почти обиднымъ образомъ; даже милостыню мы превращаемъ въ актъ войны противъ существующаго зла.

Послѣ Омона вышло солнце, и вѣтеръ спалъ. На веслахъ мы прошли за стальные заводы и очутились въ очень красивой мѣстности. Рѣка вилась между низкими холмами такъ, что солнце то свѣтило за нашими спинами, то стояло у насъ надъ самыми головами, и вся рѣка превращалась въ пелену нестерпимаго свѣта. По обѣ стороны тянулись луга и фруктовые сады; воду окаймляла осока и водяные цвѣты. Тянулись очень высокіе плетни, привязанные къ стволамъ ряда вязовъ; поля, часто очень небольшія, казались серіей клумбъ. Дали не было видно. Порой вершина холма, поросшая деревьями, выглядывала изъ-за ближайшей ограды, открывая кусокъ неба. На небѣ не стояло ни облачка. Послѣ дождя атмосфера дышала очаровательной чистотой. Рѣка между шлюзами казалась блестящимъ зеркаломъ. Удары веселъ заставляли колебаться цвѣты, росшіе у береговъ.

По лугамъ бродилъ бѣлый и черный скотъ съ фантастической окраской. Одинъ быкъ съ бѣлой головой на совершенно черномъ тѣлѣ, подошелъ напиться воды и стоялъ, насторождивъ на меня уши, точно какой-то важный пасторъ въ комедіи. Черезъ минуту я услышалъ громкій всплескъ воды и, обернувшись, увидѣлъ, что мой пасторъ плылъ къ берегу; земля обвалилась подъ его ногами.

Кромѣ скота, изъ живыхъ существъ мы видѣли немного птицъ и много рыбаковъ. Рыбаки сидѣли на окраинахъ луговъ; нѣкоторые изъ нихъ держали по одной удочкѣ, у другихъ было чуть не по десяти. Казалось, они оцѣпенѣли отъ наслажденія, а когда мы заставляли ихъ перекинуться съ нами нѣсколькими словами о погодѣ, ихъ голоса звучали спокойно и какъ бы мечтательно издалека. Странная вещь: рыбаки разнорѣчиво говорили о томъ, для какой рыбы забрасывали они свои удочки, но каждый изъ нихъ считалъ, что въ рѣкѣ богатая добыча. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывалось, что не было и двухъ человѣкъ,

поймавшихъ двухъ рыбъ одной и той же породы, мы невольно начинали думать, что ни одинъ изъ нихъ не выудилъ ровно ничего. Впрочемъ, я надѣюсь, что въ этотъ прелестный день они были, наконецъ, вознаграждены, и что въ каждой лоханкѣ отправилась домой обильная серебристая добыча для ухи. Многіе изъ моихъ друзей будутъ стыдить меня за это, но я предпочитаю всякаго человѣка, будь онъ только рыбакомъ, прелестнѣйшей парѣ жаберъ во всѣхъ водахъ, созданныхъ Богомъ. Я не нападаю на рыбъ, пока мнѣ не подаютъ ихъ подъ соусомъ; но рыбакъ очень важная принадлежность рѣчного пейзажа, а потому заслуживаетъ вниманія путешественника, странствующаго въ байдаркѣ. Рыбакъ всегда скажетъ вамъ, гдѣ вы, если вы вѣжливо обратитесь къ нему; кромѣ того, его спокойная фигура еще подчеркиваетъ уединеніе и тишину и говоритъ о блестящихъ жителяхъ, снующихъ подъ лодкой.

Самбра такъ вьется между холмами, что мы подошли къ шлюзамъ Карта только въ половинѣ седьмого. На бечевой тропинкѣ стояло нѣсколько дѣтей; «Сигаретка» началъ болтать съ ними, такъ какъ они побѣжали за нами. Напрасно предупреждалъ я его, напрасно говорилъ я ему по-англійски, что мальчишки самыя опасныя созданія на свѣтѣ, что разъ завяжешь съ ними отношенія, то кончишь подъ градомъ камней. Что касается до меня, я на всѣ обращенія ко мнѣ только кротко улыбался и покачивалъ головой съ видомъ человѣка, плохо знающаго французскій языкъ. Еще дома у меня было такое столкновеніе съ мальчишками, что я охотнѣе встрѣтился бы со стаей дикихъ звѣрей, чѣмъ съ толпой здоровыхъ мальчугановъ.

Но я оказался несправедливъ къ мирнымъ юнымъ прибрежнымъ жителямъ. Когда «Сигаретка» отправился на развѣдки, я вышелъ на берегъ покурить и присмотрѣть за байдарками и въ ту же минуту сдѣлался центромъ любезнаго вниманія. Въ это время къ дѣтямъ подошла молодая женщина съ миленькимъ мальчикомъ, лишившимся одной руки. Это сдѣлало меня смѣлѣе. Когда я сказалъ слова два по-французски, одна маленькая дѣвочка качнула головкой и замѣтила съ очень важнымъ комическимъ видомъ:

— А вы видите, теперь онъ довольно хорошо понимаетъ, онъ только притворялся.

И маленькая группа разсмѣялась очень добродушно.

Услыхавъ, что мы пріѣхали изъ Англіи, дѣти были поражены, а маленькая дѣвочка сообщила, что Англія островъ, очень далеко отсюда, bien loin d'ici.

— Да, можно сказать, что это далеко,—замѣтилъ однорукій мальчикъ.

Никогда еще въ жизни я не испытывалъ такой тоски по родинѣ, какъ въ эту минуту; дѣти превращали въ безконечность пространство, которое отдѣляло меня отъ мѣста моего рожденія.

Ребятишки любовались нашими байдарками, и я подмѣтилъ въ нихъ одну черту деликатности, о которой стоитъ упомянуть. Послѣднія сотни ярдовъ дѣти оглушали насъ просьбами покатать ихъ; то же громко кричали они намъ на слѣдующее утро, когда мы двинулись въ путь, но пока наши лодки стояли пустыя, никто изъ нихъ и не подумалъ надоѣдать намъ. Это была деликатность. А можетъ быть страхъ очутиться въ такой нѣжной лодочкѣ? Я ненавижу цинизмъ болѣе, нежели дьявола (хотя, быть можетъ, это одно и то же), между тѣмъ, онъ прекрасное тоническое средство; онъ холодный ушатъ и простыня для чувства и положительно необходимъ, когда человѣкъ страдаетъ чрезмѣрной чувствительностью.

Осмотрѣвъ байдарки, дѣти обратились къ моему костюму. Они не могли налюбоваться моимъ краснымъ поясомъ; мой ножъ вселилъ въ нихъ страхъ.

— Вотъ какъ они дѣлаются въ Англіи,—сказалъ однорукій мальчикъ (я радъ, что онъ не зналъ, какіе плохіе ножи дѣлаются теперь въ Англіи).—Ихъ покупаютъ люди, которые уходятъ за море,—прибавилъ онъ, — чтобы защищаться противъ большой

Я чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ дѣлался все болѣе и болѣе романическимъ существомъ въ глазахъ дѣтей, и мнѣ кажется, не ошибся. Даже моя трубка изъ обыкновенной французской глины превратилась для нихъ въ рѣдкость, какъ вещь, привезенная издалека. Если мое опереніе само по себѣ было не достаточно красиво, оно все же было заморскимъ. Одно обстоятельство поразило ихъ такъ, что они потеряли всякое чувство вѣжливости, а именно грязный видъ моихъ холщевыхъ туфель. Мнѣ кажется, дѣти поняли, что грязь во всякомъ случаѣ была продуктомъ ихъ родной страны. Маленькая дѣвочка (душа всей компаніи) презрительно скинула свои маленькія сабо, и я хотѣлъ

бы, чтобы вы видѣли, какъ весело, какъ граціозно сдѣлала она это!

Молочный кувшинъ молодой женщины, большая амфора изъ кованой мѣди, стоялъ невдалекѣ. Я обрадовался возможности отвлечь вниманіе публики отъ себя и отвѣтить похвалами на всѣ тѣ комплименты, которыми меня осыпали. Я сталъ искренно восхищаться формой и цвѣтомъ кувшина, говоря, что онъ красивъ, какъ золотой. Никто не удивился. Очевидно, вся округа славилась подобными вещами. Дѣти много говорили о дороговизнѣ амфоръ, которыя иногда продавались по тридцати франковъ за штуку; ребятишки разсказали мнѣ, какъ ихъ возятъ на ослахъ, вѣшая по обѣ стороны сѣдла, при чемъ онѣ составляютъ сами по себѣ украшеніе. Мои новые друзья разсказали мнѣ также, что подобные кувшины можно найти во всей округѣ и что на болѣе крупныхъ фермахъ ихъ бываетъ очень много и очень большой величины.

Понъ на Самбрѣ. Мы торговцы-разносчики.

«Сигаретка» вернулся съ хорошими вѣстями. Мы могли пойти въ Понъ, до которой было не больше десяти минутъ ходьбы. Мы втащили лодки въ амбаръ и спросили, не проводитъ ли насъ ктонибудь изъ дѣтей до Пона. Кружокъ мгновенно расширился, и всѣ наши обѣщанія награды были встрѣчены полнымъ, вселяющимъ отчаяніе молчаніемъ. Очевидно, дѣти считали насъ двумя страшными Синими Бородами. Они могли говорить съ нами въ общественныхъ мѣстахъ и не боялись, пока превосходили насъ численностью; другое дѣло было итти съ легендарными страшными и странными людьми, которые, точно упавъ съ облаковъ, спустились въ ихъ деревню въ этотъ спокойный день; они дрожали при мысли очутиться наединѣ съ далекими странниками въ поясахъ и съ ножами. Хозяинъ амбара пришелъ намъ на помощь; онъ велѣлъ одному маленькому мальчику проводить насъ, пригрозивъ ему, что прибьетъ его за ослушаніе. Не будь этого благодѣтеля, намъ, вѣроятно, пришлось бы отыскивать дорогу самимъ. Какъ бы то ни было, мальчикъ больше побоялся хозяина амбара, нежели иностранцевъ; можетъ быть, онъ уже по опыту зналъ, каково имѣть дѣло съ нимъ? Но мнѣ кажется, что сердечко мальчишки сильно билось. Онъ бѣжалъ на порядочномъ разстояніи впереди

насъ, все оглядывался и посматривалъ на насъ широко раскрытыми глазами. Вѣроятно, дѣти иного міра такъ же провожали Юпитера или кого-либо изъ его олимпійскихъ товарищей, когда тѣ спускались на землю искать приключеній.

Грязная дорога увела насъ отъ мѣстечка Картъ съ его церковью и задорной вѣтряной мельницей. Съ полей шли крестьяне. Бодрая, маленькая старушка обогнала насъ. Она сидѣла на ослѣ по-мужски между двумя блестящими молочными кувшинами и то-и-дѣло подгоняла ослика, слегка ударяя каблуками по его бокамъ; она бросала шутливыя замѣчанія насчетъ прохожихъ, но никто изъ усталыхъ встрѣчныхъ не отвѣчалъ ей. Вскорѣ нашъ проводникъ свернулъ съ дороги на тропинку. Солнце сѣло; западъ, бывшій передъ нами, казался гладкимъ озеромъ ровнаго золота. Тропинка нѣкоторое время бѣжала по открытому мѣсту, а затѣмъ вошла подъ трельяжъ, походившій на безконечно продолженную бесѣдку. По обѣ стороны были тѣнистые фруктовые сады; домики стояли подъ листьями, и ихъ дымъ поднимался въ тихомъ воздухѣ. Тамъ и здѣсь въ просвѣтахъ проглядывало большое, холодное лицо западнаго неба.

Я никогда не видалъ «Сигаретку» въ такомъ идиллическомъ настроеніи духа. Онъ положительно впадалъ въ лирическій тонъ, расхваливая сельскія картины. Самъ я восхищался немногимъ менѣе его. Мягкій вечерній воздухъ, свѣто-тѣни и тишина создавали какое-то гармоническое добавленіе къ нашей прогулкѣ. Мы рѣшили на будущее время избѣгать городовъ и всегда ночевать въ деревняхъ.

Наконецъ, тропинка прошла между двумя домами и вывела насъ на широкую, грязную, большую дорогу, окаймленную по обѣимъ сторонамъ, насколько могъ видѣть глазъ, необозримой, большой деревней. Дома стояли нѣсколько поодаль отъ шоссе, оставляя широкія полосы земли по обѣ стороны улицы; на этихъ краяхъ дороги были сложены поленницы дровъ, телѣги, тачки, кучи щебня, и росла мелкая еле видная трава. Слѣва стояла тонкая башня. Чѣмъ она была въ прошлые вѣка, я не знаю, вѣроятно, убѣжищемъ во время войны, теперь же близъ ея верхушки виднѣлся неудобочитаемый циферблатъ, а внизу ящикъ для писемъ.

Гостиница, на которую намъ указали въ Картѣ, была полна; вѣрнѣе, мы не понравились ея хозяйкѣ. Нужно сказать, что мы,

съ нашими длинными гуттаперчевыми дорожными мѣшками, представляли собой очень сомнительные типы цивилизованныхъ людей. «Сигареткѣ» казалось, что мы походимъ на лоскутниковъ и ветошниковъ.

— Скажите, господа, вы разносчики-купцы. (Ces messieurs sont des marchands)?—спросила насъ содержательница гостиницы и, не ожидая отвѣта, который она нашла излишнимъ въ такомъ ясномъ случаѣ, посовѣтовала намъ отправиться къ мяснику; онъ, по ея словамъ, жилъ близко отъ башни и отдавалъ комнаты путешественникамъ.

Мы пошли къ мяснику, но онъ собирался переѣзжать, и всѣ постели унесли, иначе говоря, ему не понравились наши лица. И въ заключенiе мы услышали: «Скажите, господа, вы разносчики-купцы?».

Стало серьезно темнѣть. Мы уже не могли различать лицъ людей, встрѣчавшихся намъ и невнятно говорившихъ «здравствуйте». Повидимому, хозяева домовъ деревни Понъ очень берегли масло, потому что мы не замѣтили ни одного освѣщеннаго окна во всей длинной улицѣ. Я думаю, Понъ самая длинная деревня на свѣтѣ, впрочемъ, вѣдь въ нашемъ положенiи каждый шагъ казался намъ втрое длиннѣе. Мы очень упали духомъ, подойдя къ послѣдней гостиницѣ. Взглянувъ на темную дверь, мы застѣнчиво спросили, не можемъ ли мы переночевать въ ней. Женскiй голосъ, особенно ласковый, пригласилъ насъ войти. Мы бросили мѣшки и сѣли.

Въ комнатѣ стояла полная темнота, виднѣлся только красный свѣтъ въ щелкахъ и поддувалахъ печки. Наконецъ, хозяйка зажгла лампу, чтобы посмотрѣть на своихъ новыхъ постояльцевъ. Полагаю, темнота и спасла насъ отъ новаго изгнанiя, такъ какъ не могу сказать, чтобы она съ удовольствiемъ осматривала наши фигуры. Мы были въ большой, пустой комнатѣ, украшенной двумя аллегорическими литографiями, изображавшими «Музыку» и «Живопись» и копiи съ «Закона противъ пьянства». Съ одной стороны зала виднѣлся прилавокъ съ полдюжиной бутылокъ. Двое крестьянъ, повидимому, до смерти усталыхъ, сидѣли въ ожиданiи ужина. Некрасивая служанка возилась съ заспаннымъ ребенкомъ лѣтъ двухъ. Хозяйка растолкала котелки на плитѣ и стала жарить намъ бифштексы.

— Скажите, господа, вы разносчики-купцы?—спросила она

рѣзко, и этимъ вопросомъ ограничился весь ея разговоръ съ нами.

Мы сами начинали уже думать, не купцы ли мы? Никогда въ жизни не встрѣчалъ я людей съ такимъ ограниченнымъ кругомъ идей, какъ содержатели гостиницы въ Понѣ. Понятія о хорошихъ манерахъ и способѣ держаться въ деревняхъ распространены не болѣе банковыхъ билетовъ. Стоитъ вамъ выйти изъ вашей колеи, какъ всѣ ваши манеры дѣлаются незамѣтными для окружающихъ. Жители Пона не могли видѣть разницы между нами и разносчиками. Пока жарилось мясо, мы имѣли время убѣдиться, что всѣ смотрѣли на насъ, точно на совершенно равныхъ себѣ, и наша утонченная вѣжливость и усилія завязать разговоръ казались имъ вполнѣ согласными съ характеромъ разносчиковъ. Слѣдуетъ сказать, къ чести этой профессіи во Франціи, что мы не могли побить даже такихъ судей нашимъ оружіемъ.

Наконецъ, насъ позвали къ столу. Двое крестьянъ (одинъ изъ нихъ казался очень истощеннымъ и былъ блѣденъ, точно ослабѣвъ отъ переутомленія и плохой пищи) ужинали какой-то кашей, картофелемъ въ мундирѣ, запивая все это кофе съ неочищеннымъ сахаромъ. Передъ ними стояло также по стакану деревенскаго пива. Хозяйка, ея сынъ и дѣвушка ѣли тѣ же кушанья. Сравнительно съ этой пищей нашъ ужинъ представлялся настоящимъ банкетомъ. Намъ подали бифштексы, можетъ быть, недостаточно мягкіе, картофель, сыръ, пиво и бѣлый сахаръ къ кофе.

Вы видите, что значитъ быть джентльмэномъ... простите, что значитъ быть разносчикомъ. Я до тѣхъ поръ никогда не думалъ, чтобы бродячій торговецъ представлялъ собой важное лицо въ сельскомъ трактирѣ, а между тѣмъ убѣдился, что это такъ. Онъ въ своей сферѣ пользуется первенствомъ человѣка, занимающаго отдѣльный салонъ въ нашихъ нарядныхъ гостиницахъ. Чѣмъ больше вы всматриваетесь, тѣмъ болѣе замѣчаете безконечный рядъ градацій между людьми; можетъ быть, не найдется ни одного бѣдняка, который оказался бы на самой низшей ступени общественной лѣстницы; каждый находитъ, что онъ выше кого бы то ни было другого, и это поддерживаетъ его гордость.

Мы были очень недовольны кушаньями, въ особенности «Сигаретка»; я же старался доказать ему, что все меня занимаетъ, и жесткій бифштексъ, и все, все... Согласно съ правилами Лукреція, жесткое мясо должно было бы казаться намъ лучше при

взглядѣ на кашу, которую ѣли другіе, но на практикѣ это не оправдывалось. Вы можете знать, что другіе живутъ гораздо бѣднѣе васъ, но вамъ непріятно (я чуть было не сказалъ, что это нарушаетъ этикетъ вселенной) сидѣть за однимъ столомъ съ бѣдняками и ѣсть порядочное кушанье, видя, какъ жалкіе люди жуютъ корки. Я не видалъ этого съ тѣхъ поръ, какъ въ школѣ жадный мальчикъ одинъ на глазахъ товарищей съѣдалъ кексъ, подаренный ему въ день рожденія. Я и теперь помню, какъ противно было смотрѣть на него, и никогда не предполагалъ, что мнѣ придется разыгрывать его роль. Но вы опять видите, что значитъ быть бродячимъ торговцемъ!

Безъ сомнѣнія, въ нашей странѣ бѣдные классы гораздо милосерднѣе, нежели богатый. И мнѣ кажется, что это главнымъ образомъ зависитъ оттого, что въ менѣе достаточныхъ классахъ граница между людьми различныхъ состояній не такъ рѣзка. Рабочій или торговецъ не въ силахъ укрываться отъ своихъ менѣе зажиточныхъ сосѣдей. Если онъ позволяетъ себѣ какую-нибудь роскошь, на него смотрятъ глаза дюжины людей, для которыхъ подобные расходы недоступны. А что же ведетъ болѣе прямымъ образомъ къ состраданію? Поэтому бѣдный человѣкъ, который борется, чтобы пріобрѣсти большія жизненныя удобства, видитъ истину и знаетъ, что каждый лишній кусокъ, который онъ проглатываетъ, вырванъ изъ рукъ голоднаго.

Когда же человѣкъ достигаетъ извѣстнаго благосостоянія, съ нимъ повторяется то, что бываетъ съ воздухоплавателемъ, который поднимается на воздушномъ шарѣ: онъ проходитъ черезъ полосу облаковъ, и весь подлунный міръ дѣлается для него невидимымъ. Онъ созерцаетъ только небесныя тѣла, подчиненныя порядку и блестящія, какъ новенькія. Его окружаетъ самое нѣжное вниманіе Провидѣнія, онъ охотно сравниваетъ себя съ лиліями или жаворонками небесными. Конечно, онъ не поетъ, но онъ кажется такимъ незаносчивымъ въ своемъ открытомъ ландо! Если бы весь міръ обѣдалъ за однимъ столомъ, его философское настроеніе пошатнулось бы.

Понъ на Самбрѣ. Странствующій купецъ.

Какъ лакеи въ Мольеровской комедіи были застигнуты во время ихъ барской жизни настоящимъ дворяниномъ, такъ и намъ

пришлось столкнуться съ настоящимъ разносчикомъ. Точно для того, чтобы урокъ былъ сильнѣе для падшихъ джентльменовъ, въ нашу гостиницу пріѣхалъ торговецъ гораздо болѣе уважаемаго сорта, нежели такіе простые разносчики, какими, какъ предполагалось, были мы. Онъ явился, какъ левъ среди мышей или военный корабль между челноками! Дѣйствительно, новый постоялецъ не заслуживалъ названія торговца-разносчика, онъ могъ считаться странствующимъ купцомъ.

Вѣроятно, было около половины девятаго, когда достойный monsieur Hector Gilliard изъ Мобежа остановился передъ дверью постоялаго двора, пріѣхавъ въ крытой фурѣ, запряженной осломъ; онъ весело позвалъ хозяевъ. Это былъ худощавый, нервный, высокій, какъ висѣлица, человѣкъ, напоминавшій не то актера, не то жокея. Очевидно, онъ счастливо жилъ, не получивъ никакого образованія, потому что совершенно свободно и просто прибѣгалъ, когда ему заблагоразсудится, къ мужскому роду и въ теченіе вечера употребилъ нѣсколько самыхъ фантастическихъ цвѣтистыхъ будущихъ глагола. Съ нимъ пріѣхала его жена, красивая молодая женщина, завязавшая волосы желтымъ платкомъ, и сынъ, мальчикъ лѣтъ четырехъ, въ блузѣ и военномъ кэпи. Ребенокъ былъ одѣтъ значительно лучше, нежели отецъ или мать. Намъ сказали, что онъ уже въ закрытой школѣ, но такъ какъ праздники только что начались, то малютка проведетъ ихъ со своими родителями. Очаровательное времяпрепровожденіе. Развѣ нѣтъ? Цѣлый день ѣздить съ отцомъ и матерью въ крытой фурѣ, полной неоцѣненныхъ сокровищъ, видѣть, какъ зеленыя поля двигаются по обѣ стороны дороги, а дѣти всѣхъ деревень завистливо смотрятъ на счастливаго наслѣдника купца! Да развѣ это не прелестно? Право, во время праздниковъ гораздо веселѣе быть сыномъ странствующаго купца, нежели наслѣдникомъ самаго крупнаго хозяина бумаго-прядильной фабрики на свѣтѣ! И если я когда-либо въ жизни видѣлъ наслѣднаго принца, то именно въ мастерѣ Жильярѣ.

Пока г-нъ Гекторъ и сынъ содержательницы гостиницы распрягали осла, ставили его въ конюшню и запирали все цѣнное подъ замокъ, хозяйка подогрѣла оставшіеся послѣ насъ бифштексы и, нарѣзавъ картофель на ломтики, поджарила ихъ. Жена купца принялась будить полусоннаго усталаго мальчика, который

и хмурился, и капризничалъ отъ свѣта. Едва онъ окончательно проснулся, какъ началъ приготовляться къ ужину, съѣвъ сладкую лепешку, нѣсколько неспѣлыхъ грушъ и холодныхъ картофелинъ, что, насколько я могъ судить, положительно способствовало его аппетиту.

Хозяйка гостиницы, воспламенившаяся чувствомъ материнскаго соревнованія, разбудила свою дочку, и двоихъ дѣтей познакомили. Маленькій Жильяръ съ мгновеніе смотрѣлъ на дѣвочку, очень походя на собаку, видящую свое собственное отраженіе въ зеркалѣ. Въ эту минуту лепешка всецѣло поглощала его. Повидимому, его мать очень огорчилась, замѣтивъ, что онъ выказалъ такъ мало влеченія къ прекрасному полу, и выразила свои чувства очень откровенно, но прибавила, что съ лѣтами все измѣнится.

Конечно, наступитъ время, когда ея сынъ станетъ обращать больше вниманія на дѣвушекъ и значительно меньше думать о матери (будемъ надѣяться, что это понравится ей не меньше, чѣмъ она предполагаетъ). Странная вещь, тѣ самыя женщины, которыя выказываютъ наибольшее презрѣніе къ мужской половинѣ человѣчества, повидимому, даже въ самыхъ безобразныхъ ея представителяхъ находятъ особенную прелесть и достоинства, когда эти представители ихъ сыновья.

Маленькая дѣвочка смотрѣла на сына купца дольше и внимательнѣе, вѣроятно, потому, что она была дома, а онъ путешествовалъ и привыкъ къ новымъ предметамъ. Кромѣ того, она не была занята лепешкой.

Въ продолженіе всего ужина говорилось только о юномъ Жильярѣ. Его родители были до безумія очарованы имъ. Monsieur все говорилъ объ умѣ своего сына, о томъ, что онъ знаетъ всѣхъ школьниковъ по имени, и, когда мальчикъ совершенно не поддержалъ своей славы, принялся толковать, до чего малютка остороженъ и точенъ; отецъ прибавилъ, что если мальчика спрашиваютъ о чемъ-нибудь, онъ сидитъ и думаетъ, думаетъ, а если не знаетъ, что сказать, «ну, право же, ничего вамъ не отвѣтитъ», «ma foi, il ne vous le dira pas». Это, конечно, высокая степень осторожности! По временамъ г-нъ Гекторъ съ полнымъ ртомъ обращался къ женѣ, освѣдомляясь у нея, какихъ лѣтъ былъ мальчикъ въ такое-то или такое-то время, когда онъ сказалъ или сдѣлалъ что-либо памятное. Я замѣтилъ, что madame по большей части отклоняла эти вопросы. Она не была хвастлива,

по не могла вдоволь нацѣловаться съ сынишкой; казалось, ей доставляло тихое удовольствіе подчеркивать всѣ мелкія счастливыя событія его маленькой жизни. Ни одинъ школьникъ не могъ бы пространнѣе толковать о праздникахъ, которые только что начинались, и меньше вспоминать о мрачномъ времени ученія, незбѣжно послѣдующемъ за ними. Она показала съ гордостью, можетъ быть, въ сущности, мелочной, карманы сына, набитые волчками, свистками, шнурками. Когда она отправлялась куда-нибудь по дѣлу, онъ ходилъ съ нею, и если торгъ бывалъ заключенъ, получалъ изъ барыша одинъ су. Да, эти добряки сильно баловали сынишку. Однако, они смотрѣли за его манерами и дѣлали ему замѣчанія за маленькія погрѣшности противъ приличій, что нѣсколько разъ случилось во время ужина.

Въ общемъ я не чувствовалъ особенной обиды при мысли, что меня приняли за торговца-разносчика: я могъ думать, что я ѣмъ красивѣе или что мои ошибки во французскомъ языкѣ иного порядка, нежели погрѣшности г-на Гектора, но дѣйствительность показала мнѣ, что хозяйка гостиницы и два мужика не обращали ни малѣйшаго вниманія на эти достоинства. Во всемъ существенномъ мы и Жильяры, стояли на одной ногѣ въ гостиницѣ Пона. Г-нъ Гекторъ, пожалуй, держался свободнѣе и говорилъ со всѣми развязнѣе насъ, но это объяснялось тѣмъ, что онъ пріѣхалъ въ фурѣ, на ослѣ, тогда какъ мы, бѣдные, пришли пѣшкомъ. Полагаю, всѣ остальные думали, что мы умираемъ отъ зависти (хотя и не въ дурномъ смыслѣ этихъ словъ), видя, что мы не достигли въ нашей профессіи высоты новопріѣзжаго.

Одно поразило меня: едва эти незлобливые простые люди появились на сценѣ, какъ всѣ остальные растаяли, сдѣлались человѣчнѣе и разговорчивѣе. Не думаю, чтобы странствующій купецъ везъ съ собою необычайную сумму денегъ, но мнѣ кажется, что у него было хорошее сердце. Нашъ свѣтъ до того полонъ превратностей, что если вы найдете въ человѣкѣ одно или два чувствительныхъ мѣста, въ особенности же если вы увидите, что цѣлая семья живетъ въ хорошихъ отношеніяхъ между собой, вы, конечно, можете быть довольны и считать, что и все остальное въ этихъ людяхъ прекрасно, или (это еще лучше) можете даже не требовать ничего остального, рѣшивъ, что десять ты-

сячъ дурныхъ чертъ не превратятъ хорошей черты въ менѣе хорошую.

Время шло. Г-нъ Гекторъ зажегъ конюшенный фонарь и отправился осмотрѣть фуру, а мой юный джентльменъ сталъ снимать съ себя свое платье, дѣлать гимнастику на колѣняхъ матери, а потомъ съ хохотомъ соскочилъ на полъ.

— Вы ляжете спать одни?—спросила его служанка.

— Ну, этого нечего бояться,—сказалъ мастеръ Жильяръ.

— Но вѣдь ты же спишь въ школѣ одинъ? — возразила мать.—Будь мужчиной!

Но мальчикъ отвѣтилъ, что школа—школой, а праздники совсѣмъ другого рода дѣла, что въ школѣ—дортуары, и закончилъ споръ градомъ поцѣлуевъ; мать улыбнулась, безконечно довольная.

Конечно, какъ выразился маленькій мальчикъ, нечего было бояться, что его уложатъ спать одного, потому что для тріо приготовили всего одну постель. Мы же твердо потребовали, чтобы намъ дали на чердакѣ каморку съ двумя кроватями. Въ нашемъ помѣщеніи оказалось еще три гвоздя для шляпъ и одинъ столъ, но на немъ не было ни стакана ни воды; къ счастью, окно отпиралось.

Не успѣлъ я заснуть, какъ весь чердакъ наполнился сильнымъ храпѣніемъ; храпѣли, какъ мнѣ кажется, всѣ сразу: Жильяры, крестьяне и постоянные обитатели постоялаго двора. Молодой мѣсяцъ свѣтилъ на село и на гостиницу, въ которой ночевали всѣ мы торговцы-разносчики.

На Самбрѣ. Къ Ландреси.

Утромъ, когда мы сошли въ кухню, хозяйка указала намъ два ведра воды за дверью на улицу. «Voilà de l'eau pour vous débarbouiller», сказала она. Итакъ, намъ пришлось умываться, пока г-жа Жильяръ, стоя на порогѣ двери, чистила ботинки всему семейству, а г-нъ Гекторъ, весело насвистывая, укладывалъ для дневной кампаніи мелкія вещицы въ ящики переноснаго комода, составлявшаго часть его багажа. Ихъ сынъ сыпалъ кругомъ себя крошками бисквитовъ Ватерлоо.

Кстати, я удивляюсь, почему во Франціи они называются бисквитами Ватерлоо? Можетъ быть, ихъ зовутъ бисквиты

Аустерлицъ? Все зависитъ отъ взгляда. Помните ли вы француза, который, путешествуя черезъ Соутгамптонъ, вышелъ на станціи Ватерлоо и былъ принужденъ переѣхать черезъ мостъ Ватерлоо? Кажется, ему хотѣлось вернуться домой.

Понъ стоитъ тоже на рѣкѣ, но хотя отъ Карта по сухому пути до него всего десять минутъ ходьбы, по водѣ между ними цѣлыхъ десять тяжелыхъ километровъ. Мы оставили мѣшки въ гостиницѣ и пошли къ нашимъ байдаркамъ черезъ влажные фруктовые сады. Нѣсколько дѣтей собралось смотрѣть на наше отплытіе, но мы уже не были вчерашними таинственными существами; отплытіе, отъѣздъ и вообще исчезновеніе гораздо менѣе романичны, нежели необъяснимое появленіе среди золотого вечерняго свѣта. Мы можемъ быть глубоко поражены первымъ видомъ привидѣнія, но когда оно начнетъ исчезать, мы будемъ смотрѣть на него съ относительнымъ равнодушіемъ.

Когда мы явились въ гостиницу Пона за нашими мѣшками, всѣ ея обитатели были поражены. При видѣ двухъ блестѣвшихъ нѣжныхъ лодочекъ съ развѣвавшимися союзными флагами они поняли, что у нихъ были въ гостяхъ ангелы. Хозяйка гостиницы стояла на мосту и, вѣроятно, жаловалась, что написала намъ такой маленькій счетъ. Ея сынъ бѣгалъ взадъ и впередъ и звалъ сосѣдей смотрѣть на насъ. Такимъ образомъ мы ушли отъ берега, на которомъ стояла цѣлая толпа восхищенныхъ наблюдателей. Эти господа бродячіе торговцы! Вотъ идея! Теперь ихъ положеніе выяснилось, но, увы, слишкомъ поздно.

Цѣлый день стояла дождливая погода, и время отъ времени мы получали холодные души. Мы промокли до костей, частью высохли на солнцѣ, потомъ вскорѣ вымокли еще разъ. Однако, порой наступали спокойные промежутки; въ особенности были хороши минуты, въ которыя мы проходили мимо лѣса Мормаль. Мормаль *)—зловѣщее названіе для слуха, но мѣсто ласкало взглядъ и обоняніе. Лѣсъ торжественно стоялъ вдоль рѣки. Одни сучья деревьевъ купались въ водѣ, другіе раскидывались надъ нашими головами или образовали сплошныя стѣны листьевъ. Развѣ лѣсъ не городъ природы, полный незлобивыхъ живыхъ существъ, городъ, въ которомъ нѣтъ ничего мертваго и ничего сдѣланнаго руками. Сами его граждане—дома и общественные монументы. На свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе живого и вмѣстѣ съ

*) Mort—смерть, mal—злой, худой.

тѣмъ болѣе спокойнаго, нежели лѣсъ; въ сравненіи съ нимъ двое людей, минующихъ его въ байдаркахъ, чувствуютъ себя такими маленькими, такими суетными.

Конечно, изо всѣхъ благоуханій на свѣтѣ ароматъ множества деревьевъ самый нѣжный и укрѣпляющій. Море имѣетъ рѣзкій, сильный запахъ, который проникаетъ въ ноздри, точно запахъ нюхательнаго табаку, и приноситъ съ собой понятіе объ открытой водѣ и большихъ корабляхъ. Благоуханіе же лѣса, близкое къ аромату моря по своимъ тоническимъ качествамъ, гораздо нѣжнѣе его. Затѣмъ, запахъ моря постоянно одинаковъ, а благоуханіе лѣса разнообразно до безконечности. Со временемъ дня измѣняется не только его сила, но и характеръ. Вдобавокъ, породы деревьевъ въ различныхъ полосахъ лѣса какъ бы живутъ въ несходной атмосферѣ. Обыкновенно преобладаетъ смола елокъ, но нѣкоторые лѣса кокетливѣе, и дыханіе Мормаля, доносившееся до насъ въ этотъ сѣрый день, было пропитано нѣжнымъ ароматомъ дикаго шиповника.

Я хотѣлъ бы, чтобы наша дорога всегда шла мимо лѣсовъ. Деревья — самое вѣжливое общество на свѣтѣ. Развѣ старый дубъ, стоящій на своемъ мѣстѣ со времени эпохи, предшествовавшей реформаціи, болѣе могучій, нежели многія башни, и болѣе суровый, нежели многія горы, а между тѣмъ, подверженный смерти и болѣзни, какъ мы съ вами, не составляетъ самъ по себѣ живого поученія? Когда человѣкъ видитъ множество акровъ, полныхъ такими патріархами, съ почти переплетающимися корнями, и качающимися зелеными вершинами, когда онъ любуется ихъ стройнымъ потомствомъ, созерцаетъ здоровый и прекрасный лѣсъ, придающій свѣту окраску, а воздуху ароматъ, не смотритъ ли онъ на самую лучшую пьесу изъ репертуара природы? Гейне желалъ лежать, какъ Мерлинъ, подъ дубами Бросельянды. Я не удовольствовался бы однимъ деревомъ, но если бы лѣсъ росъ, какъ бананы, я хотѣлъ бы, чтобы меня похоронили подъ главнымъ корнемъ цѣлой рощи; частицы моего существа постепенно перешли бы во всѣ дубы, и мое сознаніе разлилось бы по лѣсу и придало бы одно общее сердце этому собранію зеленыхъ колоннъ, такъ что сами деревья могли бы любоваться своей красотой и своимъ величіемъ. Я уже чувствую, какъ тысячи бѣлокъ прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку въ моемъ пространномъ мавзолеѣ, а птицы и вѣтеръ пролетаютъ надъ его трепетной поверхностью.

Увы, лѣсъ Мормаль невеликъ, и мы недолго скользили мимо его опушки. Все остальное время дождь шелъ припадками, а вѣтеръ налеталъ шквалами, и капризная, непривѣтливая погода жестоко надоѣла намъ. Удивительно, дождь начинался каждый разъ, когда намъ приходилось переносить на себѣ байдарки черезъ шлюзы, причемъ открывались и наши ноги для непогоды каждый разъ. Такого рода вещи возбуждаютъ негодованіе противъ природы. Все думаешь, почему бы дождю не налетѣть пятью минутами раньше или пятью минутами позже, если у погоды нѣтъ умышленнаго желанія повредить вамъ. У «Сигаретки» былъ макинтошъ, что дѣлало его болѣе или менѣе выше подобныхъ непріятностей, но мнѣ приходилось беззащитно выносить нападеніе. Я началъ вспоминать, что природа—женщина. Мой товарищъ, бывшій въ болѣе розовомъ настроеніи, слушалъ съ удовольствіемъ мои іереміады и иронически поддакивалъ. Онъ приводилъ въ примѣръ, какъ нѣчто сродное погодѣ, приливъ, который, говорилъ «Сигаретка», былъ созданъ для смущенія плавателей на байдаркахъ, хотя въ то же время служилъ для луны средствомъ проявлять свое пустое тщеславіе.

На послѣднихъ шлюзахъ, невдалекѣ отъ Ландреси, я отказался двигаться далѣе и подъ дождемъ сѣлъ на берегъ, чтобы закурить живительную трубку. Какой-то разговорчивый старичекъ, по моему мнѣнію, бывшій дьяволомъ, подошелъ ко мнѣ и сталъ разспрашивать о нашемъ путешествіи. Я отъ полноты сердца разсказалъ ему всѣ наши планы, а онъ въ отвѣтъ замѣтилъ, что еще никогда въ жизни не слыхивалъ о болѣе нелѣпомъ предпріятіи. Неужели я не знаю, спросилъ онъ меня, что всю дорогу насъ ожидали только шлюзы, шлюзы и шлюзы, не говоря уже о томъ, что въ это время года Уаза совершенно пересыхаетъ?

— Сядьте-ка въ поѣздъ, мой милѣйшій юный господинъ,— сказалъ онъ,—да отправляйтесь къ вашимъ родителямъ.

Злыя рѣчи старика такъ ошеломили меня, что я только молча смотрѣлъ на него. Дерево никогда не говорило бы со мной такимъ образомъ! Наконецъ, я собрался съ духомъ и разомкнулъ губы. Мы сюда пріѣхали изъ Антверпена, сказалъ я ему, т. е. сдѣлали порядочное путешествіе и, несмотря на угрозы, приведемъ въ исполненіе и остальные планы. «Да,—сказалъ я,—если бы у насъ не было никакихъ иныхъ побудительныхъ причинъ, я сдѣлалъ бы это теперь именно потому, что вы осмѣлились сказать,

что намъ не удастся довести дѣло до конца». Милый старичекъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо, сказалъ что-то о моей байдаркѣ и пошелъ прочь, покачивая головой.

Я все еще курилъ, когда ко мнѣ подошли два молодые крестьянина, вообразившіе, что я лакей «Сигаретки», вѣроятно, при видѣ моей неприкрытой фуфайки, которую они сравнивали съ непромокаемымъ плащомъ моего друга. Молодые люди разспрашивали меня о моемъ мѣстѣ и о характерѣ моего господина. Я сказалъ имъ, что онъ довольно добрый малый, но, къ сожалѣнію, забралъ себѣ въ голову мысль объ этомъ нелѣпомъ путешествіи.

— О, нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ одинъ изъ крестьянъ,—не говорите такъ, ваше путешествіе совсѣмъ не нелѣпость, напротивъ, вашъ баринъ задумалъ смѣлую вещь.

Мнѣ кажется, въ образѣ крестьянъ, передо мной явились ангелы, желавшіе поддержать мое мужество. Дѣйствительно, я, въ качествѣ недовольнаго слуги, выдавалъ всѣ замѣчанія старика за свои собственныя и, слыша, какъ эти прелестные молодые люди отбрасывали ихъ, точно стадо мухъ, я чувствовалъ, что мое мужество крѣпнетъ.

Когда я разсказалъ все это «Сигареткѣ», онъ отвѣтилъ сухо:

— Вѣроятно, у крестьянъ составилось странное понятіе о поведеніи англійскихъ слугъ, потому что подлѣ шлюза ты обращался со мной, какъ съ дикимъ животнымъ.

Я обидѣлся. Однако, мой характеръ, дѣйствительно, испортился, это фактъ.

Въ Ландреси.

Въ Ландреси все еще лилъ дождь и дулъ вѣтеръ, но мы нашли комнату съ двумя кроватями, съ полной меблировкой, съ настоящими кувшинами, въ которыхъ была налита настоящая вода. Получили мы и настоящій обѣдъ, не безъ настоящаго вина. Послѣ того какъ я былъ разносчикомъ-купцомъ цѣлый вечеръ и въ теченіе цѣлаго дня представлялъ собою цѣль бѣшенства стихій, всѣ эти удобства пролили мнѣ въ сердце какъ бы солнечный свѣтъ. За обѣденнымъ столомъ мы встрѣтили англійскаго фруктовщика, который путешествовалъ съ фруктовщикомъ бельгійскимъ; вечеромъ, сидя въ кафэ, мы видѣли, какъ нашъ соотечественникъ заплатилъ много денегъ за вино, и, не знаю почему, это намъ понравилось.

Намъ пришлось пробыть въ Ландреси дольше, нежели мы ожидали, потому что на слѣдующій день наступила прямо-таки какая-то сумасшедшая погода. Врядъ ли кто-нибудь добровольно выберетъ Ландреси мѣстомъ своего отдыха, потому что почти весь этотъ городокъ состоитъ исключительно изъ укрѣпленій. Внутри стѣнъ стоитъ нѣсколько группъ домовъ, длинный рядъ бараковъ и церковь, все это, насколько позволяютъ обстоятельства, изображаетъ городъ. Повидимому, въ Ландреси нѣтъ никакой торговли, и лавочникъ, у котораго я купилъ кремень и огниво въ шесть пенни, былъ такъ тронутъ, что наполнилъ мои карманы запасными кремнями. Изъ общественныхъ зданій насъ заинтересовали только гостиница и кафэ. Однако, мы посѣтили церковь. Тамъ лежитъ маршалъ Кларкъ. Но такъ какъ ни одинъ изъ насъ никогда не слыхивалъ объ этомъ военномъ героѣ, видъ его гробницы не растрогалъ насъ, не лишилъ мужества.

Во всѣхъ гарнизонныхъ городахъ парады, тревоги и такъ далѣе вносятъ въ жизнь гражданъ романтическое разнообразіе. Трубы, барабаны и дудки сами по себѣ превосходнѣйшая вещь на свѣтѣ; когда же они возбуждаютъ въ умѣ мысли о движущихся арміяхъ и живописныхъ превратностяхъ войны, то переполняютъ сердце чѣмъ-то гордымъ. Въ тѣни маленькаго городка Ландреси, въ которомъ почти не замѣчалось другого движенія, военныя воспоминанія производили особенное волненіе. Дѣйствительно, чего-либо иного достопримѣчательнаго въ Ландреси не замѣчалось. Тутъ можно было слышать, какъ среди тьмы шелъ ночной патруль, какъ раздавались шаги солдатъ и рѣзко вибрировалъ звукъ барабана. Это напомнило, что даже глухой городокъ входилъ въ сѣть воинственной системы Европы, что когда-нибудь его могло окружить кольцо порохового дыма пушекъ и грохотъ выстрѣловъ, что и онъ имѣлъ возможность составить себѣ имя и занять мѣсто между крѣпостями Европы

Барабанъ, благодаря своему воинственному голосу, замѣчательному дѣйствію, даже благодаря своей неуклюжей и комической формѣ, стоитъ особнякомъ среди другихъ гремящихъ инструментовъ. И если правда, какъ я слышалъ, что барабаны покрываются ослиной кожей, въ этомъ есть ѣдкая иронія! Точно недостаточно въ теченіе жизни многострадальнаго животнаго его кожа терпѣла, то отъ ударовъ ліонскихъ купцовъ, то отъ

самонадѣянныхъ еврейскихъ пророковъ, ее и послѣ смерти осла не оставляютъ въ покоѣ! Изъ его бѣднаго крупа выкраиваются куски кожи, натягиваются на барабанъ и день, и ночь гремятъ вдоль улицъ каждаго гарнизоннаго города Европы. На высотахъ Альмы и Шпихерна и вездѣ, гдѣ развѣвается красный флагъ смерти, и она разноситъ удары вмѣстѣ съ выстрѣлами пушекъ, съ полкомъ идетъ мальчикъ-барабанщикъ, который съ блѣднымъ лицомъ шагаетъ по тѣламъ своихъ товарищей и колотитъ по куску кожи изъ крупа мирнаго осла.

Обыкновенно, когда человѣкъ колотитъ по ослиной шкурѣ, онъ вполнѣ непроизводительно тратитъ свои силы: мы знаемъ, какое это имѣетъ слабое дѣйствіе при жизни осла, какъ мало шагу прибавляетъ онъ отъ побоевъ. Но въ новомъ и мрачномъ его существованіи послѣ смерти кожа осла сильно вибрируетъ подъ кистью барабанщика, и каждый звукъ отъ удара по ней западаетъ въ человѣческое сердце, вноситъ въ него безуміе, а въ пульсацію крови то біеніе, которое мы въ нашей напыщенной рѣчи прозываемъ героизмомъ. Не кроется ли въ этомъ нѣкоторой мести относительно преслѣдователей осла? «Въ старые дни,— могъ бы онъ сказать,—вы колотили меня, заставляя взбираться на холмы и спускаться съ нихъ, колотили въ долинахъ и на горахъ, а я все терпѣлъ; но, теперь когда я умеръ, эти удары еле слышные на полевыхъ дорогахъ, превратились въ потрясающую музыку передъ бригадой; за каждый ударъ, который вы роняете на мой прежній плащъ, вы платите тѣмъ, что вы видите, какъ одинъ изъ вашихъ товарищей шатается и падаетъ».

Вскорѣ послѣ того, какъ барабанщики прошли мимо кафэ, «Сигаретка» и Аретуза почувствовали желаніе спать и отправились въ свой отель, бывшій только черезъ одну или двѣ двери отъ кафэ. Хотя мы были довольно равнодушны къ Ландреси, но Ландреси не остался равнодушнымъ къ намъ. Мы узнали, что въ промежуткахъ между шквалами народъ сбѣжался смотрѣть на наши лодочки. «Сотни людей,—такъ говорилъ отчетъ, хотя это плохо вязалось съ нашимъ понятіемъ о городкѣ,—сотни людей осматривали ихъ въ томъ угольномъ сараѣ, въ которомъ они лежали». Въ Ландреси мы превратились во «львовъ». Мы-то, бывшіе наканунѣ вечеромъ разносчиками-торговцами въ мѣстечкѣ Понъ!

У самой двери отеля насъ нагналъ самъ «juge de Paix»,

дѣятель, насколько я понимаю, вродѣ шотландскаго шерифа. Онъ вручилъ намъ свою визитную карточку и пригласилъ насъ пойти поужинать къ нему, пригласилъ такъ мило, такъ вѣжливо, какъ только умѣютъ говорить французы. Этимъ мы окажемъ честь Ландреси, сказалъ онъ, и хотя мы отлично знали, что могли принести мало чести городу, но рѣшили, что не принять приглашенія судьи было бы грубостью.

Домъ судьи стоялъ очень близко; это было отлично устроенное помѣщеніе холостяка съ интересной колекціей старыхъ мѣдныхъ сковородъ, висѣвшихъ по стѣнамъ. Многія изъ нихъ были покрыты очень искусной рѣзьбой. При видѣ ихъ невольно являлась мысль о томъ, сколько колпаковъ склонялось надъ этими сковородами, сколько надъ ними раздавалось шутокъ, сколько близъ нихъ было сорвано поцѣлуевъ, сколько разъ онѣ безо всякой пользы красовались на ложѣ смерти. Если бы сковородки могли говорить, о какихъ только нелѣпыхъ, отвратительныхъ сценахъ онѣ ни разсказали бы намъ!

Вино судьи было превосходно. Когда мы похвалили одну бутылку, хозяинъ дома замѣтилъ: «Я и не говорю, что она изъ худшихъ». Право, не знаю, когда англичанинъ научится любезному гостепріимству. Оно достойно изученія, украшаетъ жизнь и придаетъ значеніе самымъ обыденнымъ минутамъ.

За столомъ сидѣло еще два представителя Ландреси. Одинъ былъ сборщикомъ какихъ-о податей (какихъ именно я забылъ), другой, намъ сказали, занималъ мѣсто главнаго нотаріуса городка. Итакъ, въ силу случайности, всѣ мы пятеро были болѣе или менѣе причастны къ юриспруденціи. Благодаря этому бесѣда должна была сдѣлаться технической. «Сигаретка» прекрасно излагалъ законы. Потомъ я перешелъ къ шотландскому закону о незаконнорожденныхъ, о которомъ, съ удовольствіемъ могу сказать, ровно ничего не знаю. Чиновникъ и нотаріусъ, оба люди женатые, стали обвинять судью, холостяка, въ томъ, что онъ первый навелъ бесѣду на эту тему. Судья опровергалъ ихъ обвиненія съ очень довольнымъ, веселымъ видомъ, какой въ подобныхъ случаяхъ является у всѣхъ людей—французовъ и англичанъ. Какъ странно, что всѣ мы, въ минуты дружескихъ бесѣдъ любимъ, чтобы насъ считали негодяями по отношенію къ женщинамъ.

По мѣрѣ того, какъ подвигался вечеръ, я находилъ вино все

лучше и лучше; настроеніе же мое было еще лучше вина; общество оказалось прелестно-веселымъ. Въ теченіе всего нашего путешествія нигдѣ ни разу намъ не было выражено болѣе значительнаго расположенія. Такъ какъ мы были въ домѣ судьи, то не заключалось ли въ его любезности извѣстной доли оффиціальнаго привѣтствія? И вотъ, вспомнивъ величіе Франціи, мы отдали дань ея любезности. Ландреси уже давно спалъ, когда мы вернулись въ нашъ отель; часовые его укрѣпленій ожидали разсвѣта.

Каналъ Самбры и Уазы. Барки.

На слѣдующій день мы отплыли поздно и подъ дождемъ. Судья подъ зонтикомъ любезно проводилъ насъ до шлюзовъ. Теперь относительно погоды мы выказывали такое смиреніе, котораго не часто достигаетъ человѣкъ гдѣ бы то ни было, кромѣ шотландской горной страны. Лоскутъ синяго неба или просвѣтъ солнца заставляли наши сердца ликовать и пѣть. Когда шелъ не особенно сильный дождь, мы находили день почти хорошимъ.

Вдали канала стояли длинныя линіи барокъ; многія изъ нихъ казались намъ очень нарядными и похожими на корабли. Ихъ покрывалъ слой архангельскаго вара; кое-гдѣ онѣ были размалеваны зеленой и бѣлой краской. На нѣкоторыхъ виднѣлись хорошенькія чугунныя перила и цѣлый партеръ изъ цвѣтовъ въ горшкахъ. Дѣти играли на палубахъ, обращая такъ мало вниманія на дождь, точно выросли въ Шотландіи. Мужчины удили рыбу, забрасывая лесы черезъ планширы, нѣкоторые сидѣли подъ зонтиками; женщины стирали. Каждая барка могла похвалиться своей собакой, не чистой породы и исполнявшей обязанности сторожа. Песъ яростно лаялъ на байдарки, провожая насъ до конца своего судна, и такимъ образомъ передавалъ право слова собакѣ слѣдующей барки. Мы видѣли около сотни этихъ судовъ въ теченіе дня, всѣ они стояли другъ за другомъ, выстроившись, какъ дома улицы. И на каждой баржѣ насъ встрѣчала собака. Мы точно осматривали звѣринецъ, какъ замѣтилъ «Сигаретка».

Странное впечатлѣніе производили эти маленькіе города. Они съ ихъ цвѣточными горшками, дымящимися трубами, стирками и обѣдами, казались принадлежностями пейзажа, навсегда прикрѣпившимися къ одному мѣсту. Между тѣмъ, я зналъ, что едва

откроется каналъ внизу, какъ барки распустятъ паруса или впрягутъ лошадей и разсѣются по различнымъ частямъ Франціи; случайная деревня распадется. Дѣти, игравшія сегодня вмѣстѣ, каждый у порога жилища своего отца, гдѣ и когда они встрѣтятся?

Нѣсколько времени насъ занималъ разговоръ о баркахъ; мы предполагали провести старость на каналахъ Европы. Мы мечтали медленно двигаться, то плывя вдоль быстрой рѣки, на буксирѣ у парохода, то по цѣлымъ днямъ ожидая бечевыхъ лошадей на какомъ-нибудь незначительномъ соединительномъ водяномъ пути. Предполагалось, что мы займемся на палубѣ гончарнымъ мастерствомъ; мы уже видѣли, какъ во всемъ величіи старости сидимъ на нашей палубѣ, а наши бѣлыя бороды спускаются намъ до колѣнъ. Мы собирались увлечься раскрашиваніемъ фаянса, такъ что на судахъ цѣлаго свѣта не было бы бѣлаго цвѣта свѣжѣе, а зеленаго изумруднѣе, нежели наши. Въ каютахъ мы хранили бы книги, горшечки съ табакомъ и бутылки стараго бургундскаго, краснаго, какъ апрѣльская фіалка. У насъ была бы свирѣль, изъ которой «Сигаретка» извлекалъ бы нѣжную музыку подъ звѣздами; потомъ, отложивъ ее въ сторону, онъ начиналъ бы пѣть голосомъ, можетъ быть, менѣе густымъ, чѣмъ въ былое время, и съ нѣкоторою дрожью, но его псалмы звучали бы торжественно и глубоко.

Все вмѣстѣ взятое вселило въ меня желаніе посѣтить одинъ изъ этихъ идеальныхъ пловучихъ домовъ, занимавшихъ наши грезы. Выборъ мнѣ представился большой; я миновалъ множество барокъ, возбуждая лай собакъ, вѣроятно, считавшихъ меня бродягой. Наконецъ, я замѣтилъ красиваго старика и его жену, смотрѣвшихъ на меня съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Я поздоровался съ ними и заговорилъ, начавъ съ замѣчанія насчетъ ихъ собаки, походившей на понтера. Потомъ я похвалилъ цвѣты madame, а послѣ этого комплимента перешелъ къ восхищенію образомъ жизни барочниковъ.

Если бы вы попробовали сдѣлать нѣчто подобное въ Англіи, вы получили бы только грубость. Вамъ сказали бы, что эта жизнь ужасна, и, конечно, не обошлись бы безъ намека на ваше собственное лучшее положеніе. Но во Франціи каждый признаетъ свое собственное счастье, и это очень нравится мнѣ. Всѣ французы знаютъ, съ какой стороны ихъ хлѣбъ помазанъ мас-

ломъ, и съ удовольствіемъ показываютъ это другимъ, что, безъ сомнѣнія, составляетъ лучшую часть религіи. Имъ стыдно жаловаться на бѣдность, что я считаю лучшей частью мужества. Я слышалъ, когда одна женщина въ Англіи, бывшая въ недурномъ положеніи и имѣвшая достаточно большія деньги въ рукахъ, съ ужасными жалобами говорила о своемъ сынѣ, какъ о ребенкѣ бѣдняка. Я не сказалъ бы этого герцогу Вестминстерскому. Наоборотъ, французы же полны чувствомъ независимости; можетъ быть, оно слѣдствіе ихъ, какъ они называютъ, республиканскихъ учрежденій? Вѣроятнѣе, это результатъ того, что во Франціи мало истинно бѣдныхъ людей, а потому попрошайкамъ трудно поддерживать другъ друга.

Старики на баркѣ пришли въ востроrъ, слыша, что я хвалю ихъ жизнь. Они сказали мнѣ, что имъ понятно, почему monsieur завидуетъ имъ. Конечно, monsieur богатъ и могъ бы сдѣлать рѣчную баржу, хорошенькую, какъ загородный домъ, joli comme un château; затѣмъ они пригласили меня взойти на палубу ихъ пловучей виллы. Старики извинились за каюту, они не были достаточно богаты, чтобы устроить ее какъ слѣдуетъ.

— Вотъ съ этой стороны слѣдовало бы помѣстить каминъ,— объяснилъ мужъ, — потомъ посрединѣ поставить письменный столъ съ книгами и со всѣмъ остальнымъ, тогда каюта была бы вполнѣ кокетливой, ça serait tout-a-fait coquet.

И онъ оглядывался съ такимъ видомъ, точно уже сдѣлалъ всѣ улучшенія. Очевидно, не въ первый разъ онъ въ воображеніи украшалъ каюту, и я не удивлюсь, если узнаю, что, снова показывая свою барку, онъ покажетъ и столъ, поставленный посрединѣ каюты.

У madame были три птички въ клѣткѣ. «Простыя,—объяснила она,—хорошія птицы такъ дороги». Они хотѣли было купить «голландца» въ прошломъ году въ Руанѣ. «Руанъ?—подумалъ я.—Неужели весь этотъ домъ съ его собаками, птицами и дымящимися трубами попадалъ такъ далеко? Неужели между холмами и фруктовыми садами Сены онъ былъ такимъ же обыкновеннымъ предметомъ, какъ между зелеными равнинами Самбры?». Но «голландцы» стоятъ по пятнадцати франковъ за штуку, только вообразите пятнадцать франковъ!

— Pour un tout petit oiseau, — за совсѣмъ маленькую птичку!—прибавилъ мужъ!

Я продолжалъ восхищаться, а потому всѣ извиненія окончились, и милые барочники принялись хвастаться своей баржей и счастливой жизнью; казалось, они были императоромъ и императрицей Индіи. Выражаясь шотландскимъ словомъ, «это ласкало слухъ» и привело меня въ прекрасное настроеніе духа. Если бы только люди знали, до чего ободряется человѣкъ, когда онъ слышитъ, какъ его собесѣдникъ хвалится, разъ тотъ хвалится тѣмъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ, они, я думаю, хвастались бы охотнѣе и веселѣе.

Барочники стали разспрашивать о нашемъ путешествіи. Если бы вы видѣли, какъ они сочувствовали намъ. Казалось, они были почти готовы отдать баржу и послѣдовать за нами; но эти canaletti — цыгане, наполовину прирученные. Полуприрученіе сказывалось въ нихъ въ милой формѣ. Внезапно лицо madame омрачилось.

— Cependant... — начала она и вдругъ остановилась; потомъ спросила, холостой ли я.

— Да,—отвѣтилъ я.

— А вашъ другъ, который только что миновалъ насъ?

— Онъ тоже не женатъ.

О, тогда все прекрасно, ей было бы грустно, если бы жены оставались однѣ дома, но такъ какъ женъ не было, мы поступали отлично.

— Видѣть свѣтъ,—сказалъ мужъ,—il n'y a que ça. Нѣтъ ничего лучше этого. Человѣкъ сидитъ, какъ медвѣдь въ своей собственной деревнѣ,—продолжалъ онъ,—прекрасно, онъ ничего не видитъ. А потомъ смерть и конецъ всего. И онъ ничего не видалъ.

Madame напомнила мужу объ одномъ англичанинѣ, который проѣзжалъ на пароходѣ.

— Можетъ быть, м-ръ Моенсъ на «Итенѣ»?—подсказалъ я.

— Именно,—подтвердилъ мужъ,—съ нимъ были его жена, вся семья и слуги. Онъ выходилъ на берегъ у всѣхъ шлюзовъ и спрашивалъ названія деревень или у лодочниковъ, или у сторожей при шлюзахъ, и все записывалъ и записывалъ... О, онъ писалъ чудовищно много; я думаю, онъ держалъ пари.

Пари было довольно обыкновеннымъ объясненіемъ нашихъ собственныхъ подвиговъ, но такое толкованіе обилія замѣтокъ показалось мнѣ довольно страннымъ.

Разливъ Уазы.

На слѣдующій день въ Этре мы около девяти часовъ утра поставили наши байдарки на легкую деревенскую телѣгу и вскорѣ сами послѣдовали за ними, идя вдоль привѣтливой долины, полной хмелевыхъ садовъ и тополей. Тамъ и сямъ на склонахъ горъ стояли красивыя деревни, особенно хороша была деревня Тюпеньи съ хмелемъ, гирлянды котораго свѣшивались черезъ ограды на улицу; виноградъ заплеталъ всѣ дома. Наше появленіе возбуждало энтузіазмъ, ткачи выглядывали изъ оконъ; при видѣ лодочекъ, barquettes, дѣти кричали отъ восторга, а пѣшеходные блузники, знакомые нашего возницы, шутили съ нимъ по поводу его багажа.

Раза два начинался дождь, но легкій и мимолетный. Среди всѣхъ этихъ полей, среди зелени воздухъ былъ чистъ и ароматенъ. Въ немъ еще не чувствовалось приближенія осени.

Въ Воденкурѣ мы спустились на воду съ маленькаго лужка противъ мельницы: въ эту минуту солнце вышло изъ-за тучъ и въ долинѣ Уазы всѣ листья засіяли.

Долгіе дожди наполнили рѣку. Отъ Воденкура вплоть до Ориньи быстрота теченія все усиливалась; казалось, съ каждой новой милей его усердіе разгоралось. Вода пожелтѣла, волновалась, сердито бѣжала между полузатопленными ветлами, сердито журчала вдоль каменистаго берега. Уаза извивалась въ узкой и котловинистой долинѣ... Рѣка то съ шумомъ бѣжала вдоль мѣлового основанія горы и показывала намъ рѣдкія поля рѣпы среди деревьевъ, то пробѣгала подлѣ стѣнъ сада, черезъ двери котораго мы могли видѣть священника, гулявшаго на солнцѣ... Потомъ листья сплетались въ такую сѣть передъ нами, что у насъ, казалось, не было выхода; виднѣлась только чаща ивъ, надъ которой возвышались вязы и тополя; подъ вѣтвями проносилась рѣка да пролеталъ зимородокъ, точно обрывокъ голубого неба. Солнце проливало свои свѣтлые всэмірные лучи на всю картину. Тѣни ложились на зыбкую поверхность потока такъ же отчетливо, какъ на твердый лугъ. Золотыя искры сверкали въ трепетныхъ листьяхъ тополей, и яркій дневной свѣтъ приближалъ къ намъ горы. Рѣка не останавливалась ни на минуту, не дѣлала передышки, а тростники, стоявшіе вдоль ея береговъ, дрожали съ головы до ногъ.

Вѣроятно, есть какой-нибудь миѳъ (если есть, я его не знаю), основанный на дрожи тростниковъ. Мало что до такой степени поражаетъ человѣческій глазъ. Эта дрожь очень краснорѣчивая пантомима ужаса; при видѣ такого количества испуганныхъ существъ, пріютившихся въ уголкахъ вдоль берега, глупое человѣческое созданіе невольно переполняется тревогой. Можетъ быть, имъ просто холодно, да и немудрено, такъ какъ они стоятъ по поясъ въ рѣкѣ. Или, можетъ быть, они не могутъ привыкнуть къ быстротѣ и ярости теченія рѣки и къ чуду ея безконечнаго тѣла? Однажды Панъ игралъ на ихъ предкахъ и теперь руками своей рѣки онъ все еще играетъ на позднѣйшихъ поколѣніяхъ тростниковъ въ долинѣ Уазы; онъ играетъ вѣчно одну и ту же мелодію, нѣжную и захватывающую, мелодію, которая говоритъ намъ о красотѣ и ужасѣ міра.

Теченіе несло байдарку, какъ древесный листъ. Оно подхватывало лодочку, колыхало и уносило ее, точно центавръ нимфу. Приходилось сильно и упорно работать весломъ, чтобы управлять байдаркой. Рѣка такъ торопилась въ море! Каждая капля неслась въ паникѣ, точно испуганная толпа. Но какая толпа была когда-либо такъ многочисленна, до того единодушна? Все, что мы видѣли, мелькало мимо насъ какъ бы въ пляскѣ. Взглядъ состязался съ несущейся рѣкой. Каждое мгновеніе требовало такого напряженія, что все наше существо вибрировало, какъ хорошо настроенный инструментъ; кровь вышла изъ состоянія летаргіи и пробѣгала по всѣмъ большимъ и боковымъ дорогамъ венъ и артерій. Такъ же бурно вливалась и вырывалась она изъ сердца; казалось, точно кровообращеніе было праздничнымъ путешествіемъ, а не дѣломъ постоянно повторяющимся въ теченіе семи десятковъ лѣтъ подрядъ. Тростники покачивали головами, какъ бы предупреждая насъ, и съ трепетомъ говорили о жестокости, силѣ и холодѣ воды, о томъ, что смерть таится въ водоворотахъ подъ вѣтвями ивъ. Но они не были въ силахъ сойти съ мѣста; а тотъ, кто не двигается, всегда застѣнчивый совѣтчикъ. Что касается до насъ, мы готовы были громко кричать отъ восторга! Если эта живая, прекрасная рѣка дѣйствительно служила орудіемъ смерти, старая злодѣйка одурачила себя самое. Я въ одну минуту жилъ втройнѣ. Я боролся со смертью каждымъ уда-

ромъ весла, на каждомъ изгибѣ рѣки. Я рѣдко лучше пользовался жизнью!

Мнѣ кажется, что мы можемъ смотрѣть на нашу борьбу со смертью въ слѣдующемъ свѣтѣ: если человѣкъ знаетъ, что рано или поздно, во время путешествія, его, навѣрное, ограбятъ, онъ въ каждой гостиницѣ будетъ требовать себѣ лучшаго вина и считать всѣ свои самыя дорогія причуды чѣмъ-то отнятымъ отъ воровъ, въ особенности же, когда онъ не просто тратитъ деньги, а помѣщаетъ часть ихъ на проценты, безъ риска ихъ потерять. Каждый періодъ усиленной, захватывающей жизни—нѣчто вырванное изъ рукъ страшнаго вора—смерти. Мы должны имѣть какъ можно меньше въ карманѣ и какъ можно больше въ желудкѣ въ ту минуту, когда смерть остановитъ насъ и потребуетъ нашихъ богатствъ. Быстрый потокъ—ея любимая хитрость и приноситъ ей много жертвъ въ годъ, но когда я и она будемъ сводить наши счеты, я засмѣюсь въ лицо, вспомнивъ часы, проведенные на верховьяхъ Уазы.

Къ послѣполуденному времени мы порядочно опьянѣли отъ свѣта солнца и быстроты теченія. Мы уже не могли сдерживать наше довольство. Байдарки были слишкомъ малы для насъ, намъ хотѣлось выйти изъ нихъ и растянуться на берегу. И вотъ мы раскинулись на зеленомъ лугу, закурили божественный табакъ и рѣшили, что міръ восхитителенъ. Это былъ послѣдній счастливый часъ описываемаго дня, и я съ удовольствіемъ останавливаюсь на немъ.

Съ одной стороны долины на вершинѣ мѣлового холма то показывался пахарь со своимъ плугомъ, то исчезалъ черезъ правильные промежутки времени. При каждомъ своемъ появленіи онъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ вырѣзывался на небѣ, походя (какъ замѣтилъ «Сигаретка») на игрушечнаго Борнса, только что срѣзавшаго плугомъ «горную маргаритку». Кромѣ него, если не считать рѣки, мы не видѣли ни одного живого существа.

По другую сторону долины изъ зелени листьевъ выглядывала группа красныхъ крышъ и колокольня. Какой-то вдохновенный звонарь извлекалъ изъ колоколовъ мелодію. Въ ихъ пѣснѣ было что-то очень нѣжное, очень трогательное. Намъ казалось, что мы еще никогда не слыхали, чтобы колокола говорили такъ понятно или пѣли такъ мелодично, какъ въ эту минуту. Вѣроятно,

именно подъ такой напѣвъ прядильщицы и молодыя дѣвушки въ шекспировской «Иллиріи» пѣли: «Уйди смерть!». Часто въ благовѣстѣ слышится угрожающая нота, что-то настолько металлическое и ворчливое, что намъ скорѣе тяжело, нежели пріятно слушать его. Но эти колокола звучали то сильнѣе, то тише, образуя жалобную каденцу, которая привлекала слухъ, какъ припѣвъ народной пѣсни, звонили не особенно громко, но полно, и ихъ звуки, казалось, падали, говоря о сельской тишинѣ, о старинѣ, и походили на шумъ водопада или на журчаніе весенняго ручья. Звонарь, вѣроятно, добрый, степенный, разумный старикъ, погрузившись въ думы, такъ нѣжно дергалъ за веревку, что мнѣ хотѣлось попросить его благословенія. Я готовъ былъ благодарить священника, наслѣдниковъ усадьбы, тѣхъ лицъ, отъ кого эти дѣла зависятъ во Франціи, словомъ, того, кто оставилъ на этой колокольнѣ старые милые колокола, придававшіе прелесть вечеру; я благословлялъ людей, которые не созывали митинговъ, не дѣлали подписокъ, не печатали еженедѣльно въ мѣстныхъ листкахъ именъ щедрыхъ жертвователей съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ новенькими созданіями Бирмингама, которыя подъ управленіемъ новоиспеченаго звонаря наполняли бы эхо долины ужасными рѣзкими звуками.

Наконецъ, благовѣстъ замолкъ, зашло и солнце. Представленіе окончилось. Долиной Уазы овладѣли тѣнь и молчаніе. Мы съ довольными сердцами взялись за весла, точно люди, которые выслушали благородную проповѣдь, и вернулись работать. Здѣсь рѣка была гораздо опаснѣе, встрѣчались болѣе частые и внезапные водовороты; все время намъ приходилось бороться съ трудностями. Временами попадались мелкія мѣста; иныя мы проходили, изъ-за другихъ вынимали байдарки изъ воды и переносили ихъ сухимъ путемъ. Но главное препятствіе состояло въ послѣдствіяхъ недавнихъ сильныхъ вѣтровъ. Черезъ каждые двѣсти-триста ярдовъ мы видѣли деревья, упавшія черезъ рѣку; нерѣдко было ясно, что одно дерево увлекало за собой нѣсколько другихъ. Иногда за вершиной дерева оставалось свободное пространство, и мы обходили зеленый мысъ, слыша, какъ струйки журчатъ и переливаются между его маленькими вѣточками. Часто также, когда дерево перекидывалось отъ берега до берега, можно, бывало, пригибаясь къ байдаркѣ, проскользнуть подъ нимъ. Иногда приходилось взбираться на стволъ и перетаски-

вать через него байдарку, там же, гдѣ вода неслась слишком быстро, нам оставалось только выходить на берег и нести на себѣ наши лодочки. Благодаря этому, въ теченіе дня мы испытали множество приключеній, и наше вниманіе сильно напрягалось.

Вскорѣ послѣ остановки я шелъ впереди и попрежнему прославлялъ солнце, быстроту движенія и нѣжность церковныхъ колоколовъ; вдругъ рѣка сдѣлала одинъ изъ своихъ львиныхъ прыжковъ, повернула, и я увидѣлъ дерево, упавшее черезъ гряду камней. Я направилъ свою байдарку къ тому мѣсту, гдѣ его стволъ, казалось, поднимался довольно высоко надъ водой, а вѣтви были настолько рѣдки, что я могъ проскользнуть подъ ними. Человѣкъ, только что поклявшійся въ вѣчномъ братствѣ со вселенной, не можетъ хладнокровно раздумывать, и не подъ счастливой звѣздой я принялъ рѣшеніе, которое могло имѣть для меня большую важность. Дерево поймало меня, и въ то время, какъ я силился сдѣлать себя меньше въ объемѣ и пробраться черезъ вѣтви, рѣка воспользовалась случаемъ и унесла мою лодку. «Аретуза» наклонилась на бокъ, выкинула все, что въ ней оставалось изъ моего существа, освобожденная, прошла подъ деревомъ, выпрямилась и весело понеслась внизъ по теченію.

Не знаю, сколько времени употребилъ я на то, чтобы вскарабкаться на дерево, за которое держался; во всякомъ случаѣ это продолжалось дольше, нежели я желалъ; мои мысли имѣли серьезное, почти мрачное направленіе, но я попрежнему сжималъ весло. Струи бѣжали, быстро относя впередъ мои ноги; я еле успѣлъ высвободить плечи, и, судя по вѣсу, мнѣ казалось, что вся вода Уазы собралась въ карманахъ моихъ брюкъ. Не испытавъ подобнаго приключенія, вы не поймете, съ какой смертельной силой рѣка тащитъ человѣка. Сама смерть схватилась за мои каблуки; это была ея послѣдняя вылазка, и она сама приняла участіе въ борьбѣ. А между тѣмъ, я все держалъ весло. Наконецъ, я на животѣ вползъ на стволъ и безъ дыханія лежалъ на немъ, точно измокшій комокъ хлѣба, негодуя на несправедливость судьбы и все же невольно улыбаясь. Вѣроятно, для Борнса, стоявшаго на вершинѣ холма, я представлялъ собой жалкую картину. Но я попрежнему держалъ въ рукѣ весло. На моей гробницѣ, если у меня будетъ гробница, я попрошу начертать слова: «Онъ держалъ свое весло».

«Сигаретка» давно прошелъ опасное мѣсто, такъ какъ, если бы я меньше увлекался чувствомъ восторженной любви ко вселенной, то конечно, замѣтилъ бы, что по другую сторону дерева оставался свободный проходъ. Товарищъ предложилъ приподнять меня, но такъ какъ въ эту минуту я уже былъ на локтяхъ, то отказался отъ его услуги и попросилъ лучше догнать бѣглянку «Аретузу». Я пробрался по стволу до берега и пошелъ по лугу вдоль рѣки. Мнѣ было до того холодно, что сердце мое сжималось. Теперь я, по собственному примѣру, понималъ, почему тростники такъ ужасно дрожали. Я самъ могъ бы дать имъ урокъ въ этомъ отношеніи. Когда я подошелъ поближе къ «Сигареткѣ», онъ насмѣшливо сказалъ мнѣ, что сперва ему показалось, будто я дѣлаю гимнастику, и что только потомъ онъ понялъ, что я просто дрожу отъ холода. Я отерся полотенцемъ и надѣлъ послѣдній сухой костюмъ, оставшійся въ моемъ резиновомъ мѣшкѣ. Но въ теченіе всего путешествія до Ориньи мнѣ было не по себѣ. Я съ непріятнымъ чувствомъ думалъ, что надѣлъ мое послѣднее сухое платье. Къ тому же борьба утомила меня, и, быть можетъ, я безсознательно упалъ духомъ. Пожирающій элементъ охватилъ меня въ этой земной юдоли, оживленной бѣгущимъ потокомъ. Колокола звучали прелестно, но немного позже я услышалъ глухіе звуки музыки Пана. Неужели злая рѣка унесла бы меня и осталась попрежнему красивой? Въ сущности добродушіе природы—только наружно.

Намъ оставалось еще долго кружить по извилинамъ рѣки; когда мы пришли въ Ориньи-Сентъ-Бенуатъ, уже совсѣмъ стемнѣло, и звучалъ вечерній колоколъ.

Ориньи-Сентъ-Бенуатъ. Слѣдующій день.

На слѣдующій день было воскресенье, и церковные колокола мало отдыхали; право, не знаю, когда бы вѣрующимъ предлагалось столько службъ, какъ въ этотъ день въ Ориньи. Пока колокола весело пѣли среди яркаго солнечнаго свѣта, всѣ окрестные жители со своими собаками спѣшили вдоль дорожекъ между рѣповыми и свекловичными полями.

Утромъ по улицѣ прошелъ книжный разносчикъ съ женой; онъ пѣлъ тягучую грустную мелодію: «O, France, mes amours», и это пѣніе вызвало всѣхъ къ дверямъ. Когда наша хозяйка пожелала купить у него слова пѣсни, онъ сказалъ, что они не за-

писаны. И не одну ее увлекаютъ подобныя жалобы. Есть что-то глубоко-трогательное въ томъ, до чего французскій народъ, со времени войны, любитъ сочинять печальныя пѣсни. Разъ въ окрестностяхъ Фонтенебло я видѣлъ одного лѣсника изъ Эльзаса; это было во время крестинъ, и кто-то запѣлъ «Les malheures de la France». Онъ поднялся изъ-за стола, окликнулъ сына, подлѣ котораго я сидѣлъ, и сказалъ ему, положивъ руку на его плечо: «Слушай и помни это, сынъ мой!». Черезъ мгновеніе лѣсникъ ушелъ въ садъ, и я услышалъ, какъ онъ рыдалъ въ темнотѣ.

Французское оружіе было посрамлено, французы потеряли Эльзасъ и Лотарингію, и это нанесло жестокій ударъ терпѣнію этого чувствительнаго народа; ихъ сердца до сихъ поръ горятъ ненавистью, не столько противъ Германіи, сколько противъ Имперіи. Въ какой другой странѣ вы увидите, чтобы патріотическая пѣсенка вызывала на улицу рѣшительно всѣхъ жителей? Но огорченія увеличиваютъ любовь, и мы до тѣхъ поръ не узнаемъ, насколько мы англичане, пока не потеряемъ Индіи. Независимость Америки до сихъ поръ раздражаетъ меня. Я не могу безъ отвращенія думать о фермерѣ Джорджѣ и никогда не чувствую такой горячей любви къ отечеству, какъ при видѣ звѣздъ и полосъ или при мысли о томъ, чѣмъ могла быть наша страна!

Я купилъ книжечку разносчика и нашелъ въ ней удивительную смѣсь. Рядомъ съ самыми легкомысленными созданіями парижскаго музыкальнаго рынка, въ ней встрѣчалось много пасторалей, не лишенныхъ поэзіи и, какъ мнѣ показалось, инстинкта независимости бѣднаго класса Франціи. Тутъ вы могли прочитать, какъ дровосѣкъ гордится своимъ топоромъ, а садовникъ считалъ, что ему нельзя стыдиться своего заступа. Стихи, прославлявшіе трудъ, были не очень хорошо написаны, но чувство искупало слабость или многословіе выраженій. Воинственныя же и патріотическія пѣсни оказались слезливыми женственными произведеніями. Поэтъ прошелъ подъ ярмомъ Кавдинскаго ущелья; онъ пѣлъ объ арміи, посѣтившей могилу своей прежней славы, пѣлъ не о побѣдѣ, а о смерти. Въ собраніи разносчика былъ сборникъ подъ названіемъ «Conscrits français», который могъ поспорить съ самыми убѣдительными лирическими протестами противъ войны. Драться съ такимъ настроеніемъ въ душѣ было бы прямо невозможно. Если бы въ день сраженія самому

храброму изъ солдатъ спѣли одну изъ этихъ пѣсенъ, онъ поблѣднѣлъ бы; при ея звукахъ всѣ полки побросали бы свое оружіе.

Если мнѣніе Флетчера насчетъ вліянія народныхъ пѣсенъ справедливо, вы сказали бы, что Франція дошла до печальнаго состоянія. Но дѣло поправится само собой, и мужественный народъ со здоровымъ сердцемъ, наконецъ, устанетъ горевать о своихъ несчастіяхъ. Поль Дерулэдъ уже создалъ нѣсколько военныхъ стихотвореній. Можетъ быть, въ нихъ недостаточно трубныхъ звуковъ, которые могли бы потрясти и увлечь сердце человѣка, въ нихъ нѣтъ лирическаго жара, и они производятъ не сильное впечатлѣніе, но написаны въ серьезномъ стоическомъ духѣ, который далеко завелъ бы солдатъ, бьющихся за правое дѣло. Чувствуешь, что Дерулэду можно довѣрить многое. Хорошо, если онъ привьетъ своимъ соотечественникамъ такія же свойства духа и имъ можно будетъ довѣрить ихъ собственное будущее. Эти стихи—противоядіе противъ «французскихъ рекрутовъ» и тому подобныхъ печальныхъ произведеній.

Мы съ вечера оставили наши байдарки на попеченіе человѣка, котораго будемъ называть Карнавалъ. Я нехорошо разслышалъ его имя и, можетъ быть, это для него недурно, потому что я не могъ бы передать его имя потомству съ похвалой. Вотъ къ этому-то человѣку мы и направились днемъ и встрѣтили у него цѣлую маленькую депутацію, осматривавшую наши байдарки. Компанія состояла изъ полнаго господина, отлично знавшаго рѣку и любившаго дѣлиться своими знаніями, изъ очень элегантнаго молодого человѣка въ черномъ сюртукѣ, немного лепетавшаго по-англійски и сейчасъ же заговорившаго объ Оксфордскихъ и Кембриджскихъ гонкахъ, изъ трехъ красивыхъ дѣвушекъ, отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, и старичка въ блузѣ, беззубаго и съ сильнымъ провинціальнымъ акцентомъ.

Это были лучшіе представители Ориньи, какъ мнѣ кажется.

«Сигареткѣ» понадобилось сдѣлать какія-то тайныя операціи съ его такелажемъ, и онъ ушелъ въ сарай; поэтому мнѣ одному пришлось занимать посѣтителей. Я волей-неволей игралъ роль героя. Молодыя дѣвушки вздрагивали, слыша объ ужасахъ нашего путешествія, и я подумалъ, что было бы невѣжливо не отвѣчать на разспросы дамъ. Мой вчерашній случай, разсказанный вскользь, произвелъ глубокое впечатлѣніе. Повторялась исторія Отелло, только съ тремя Дездемонами и съ симпатизи-

гующими сенаторами на заднемъ планѣ. Никогда еще байдарокъ не хвалили до такой степени или до такой степени ловко.

— Она точно скрипка!—воскликнула въ экстазѣ одна изъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Благодарю васъ за сравненіе, мадемуазель, тѣмъ болѣе, что многіе находятъ, будто байдарка похожа на гробъ,—сказалъ я.

— О, она дѣйствительно точно скрипка, она отдѣлана, какъ скрипка,—продолжала молодая дѣвушка.

— И отполирована какъ скрипка,—прибавилъ сенаторъ.

— Стоитъ только натянуть на нее струны, и тогда тумъ, тумти, тумъ,—прибавилъ второй сенаторъ, съ увлеченіемъ изображая результатъ натянутыхъ струнъ.

Ну, не было это очаровательной маленькой оваціей? И откуда французы берутъ свои милыя выраженія, право, не понимаю! Можетъ быть, вся тайна ихъ любезности заключается въ искреннемъ желаніи нравиться и угождать? Во всякомъ случаѣ манера говорить мило не считается во Франціи позоромъ, между тѣмъ какъ въ Англіи человѣкъ, говорящій, какъ книга, долженъ бѣжать отъ общества.

Старичекъ въ блузѣ проскользнулъ въ сарай и довольно некстати объявилъ «Сигареткѣ», что онъ отецъ пришедшихъ съ нимъ трехъ дѣвушекъ и еще четырехъ, оставшихся дома,—настоящій подвигъ для француза.

— Вы очень счастливы,—вѣжливо сказалъ «Сигаретка».

И старикъ, очевидно, добившись своей цѣли, снова вернулся къ намъ.

Всѣ мы разговаривали очень дружески. Дѣвушки предложили намъ отплыть вмѣстѣ съ ними завтра. Какъ вамъ это понравится? Шутя между собою, каждая изъ нихъ желала узнать часъ нашего отплытія. Однако, когда человѣку предстоитъ вползать въ байдарку, да еще съ неудобнаго спуска, всякая толпа, хотя бы даже расположенная, для него вещь нежелательная, поэтому мы, сказавъ всѣмъ, что отправимся не ранѣе полудня, рѣшили отплыть самое позднее въ десять часовъ утра.

Вечеромъ мы опять вышли изъ дома, чтобы отправить нѣсколько писемъ. Было свѣжо и хорошо; въ деревнѣ не виднѣлось никого, кромѣ одного или двухъ мальчишекъ, бѣжавшихъ за нами точно за звѣринцемъ; въ чистомъ воздухѣ на насъ со

всѣхъ сторонъ смотрѣли верхушки деревьевъ и горы; колокола призывали къ новой службѣ.

Вдругъ мы увидали трехъ дѣвушекъ, стоявшихъ вмѣстѣ съ четвертой сестрой передъ лавкой. Конечно, мы много смѣялись съ ними нѣсколько времени тому назадъ. Но каковъ былъ этикетъ въ Ориньи? Встрѣть мы молодыхъ дѣвушекъ на проселочной дорогѣ, мы, конечно, заговорили бы съ ними; но здѣсь, на глазахъ у сплетниковъ и сплетницъ, могли ли мы даже поклониться имъ? Я спросилъ совѣта у «Сигаретки».

— Взгляни,—сказалъ онъ.

Я посмотрѣлъ. Дѣвушки все еще стояли на томъ же мѣстѣ, только теперь къ намъ были обращены ихъ четыре спины; онѣ отвернулись вполнѣ сознательно. Скромность дала приказъ, и прекрасно вымуштрованный пикетъ сдѣлалъ поворотъ, какъ одинъ человѣкъ. Онѣ стояли къ намъ спиной все время, пока мы были въ виду; но мы слышали, какъ дѣвушки хихикали между собой, а незнакомая намъ громко хохотала и даже взглянула черезъ плечо на врага. Не знаю, было ли это скромностью или своего рода деревенскимъ кокетствомъ.

Когда мы возвращались въ гостиницу, то замѣтили, что въ широкомъ полѣ золотого вечерняго неба надъ мѣловыми холмами и деревьями, покрывавшими ихъ, что-то парило. Для воздушнаго змѣя летавшій предметъ былъ слишкомъ великъ и неподвиженъ, звѣздой же онъ быть не могъ, такъ какъ былъ теменъ; вѣдь будь звѣзда черна, какъ чернила, и шероховата, какъ грецкій орѣхъ, солнце все же разливаетъ по небу такое сіяніе, что она казалась бы для насъ лучезарной точкой. Улицу наполнила толпа; всѣ головы поднялись вверхъ. Дѣти суетились и бѣжали вдоль деревни и по дорогѣ, поднимающейся на холмъ. Мы могли видѣть, какъ они спѣшили вдаль отдѣльными группами. Мы узнали, что черная точка воздушный шаръ, который въ этотъ день въ половинѣ шестого поднялся изъ Сенъ-Кантена. Большинство взрослыхъ смотрѣло на шаръ совершенно равнодушно. Но мы, англичане, вскорѣ побѣжали за дѣтьми. Въ качествѣ путешественниковъ намъ хотѣлось видѣть, какъ опустятся наши собратья, плававшіе въ воздухѣ.

Но когда мы пришли наверхъ холма, спектакль кончился. На небѣ золото потускнѣло, а шаръ исчезъ. Куда? Взяли ли его на седьмое небо? Или онъ счастливо опустился куда-нибудь въ той

синей неровной дали, въ которой дорога исчезала и таяла? Вѣроятно, воздухоплаватели уже грѣлись подлѣ какого-нибудь фермерскаго камина, такъ какъ, говорятъ, въ верхнихъ слояхъ воздуха очень холодно. Ночь быстро наступала. Придорожныя деревья и силуэты возвращавшихся съ полей вырѣзывались черными тѣнями на красномъ фонѣ заката. Надъ лѣсистой долиной висѣла полная луна цвѣта дыни, а за нами высились мѣловые бѣлые утесы, чуть-чуть порозовѣвшіе отъ отсвѣта огней сушиленъ.

Въ Ориньи-Сентъ-Бенуатъ уже зажглись фонари, и обѣденный столъ былъ накрытъ.

Ориньи-Сентъ-Бенуатъ. За столомъ.

Хотя мы пришли поздно къ обѣду, вся компанія встрѣтила насъ со стаканами сверкающаго вина въ рукахъ.

— Такъ водится во Франціи,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.—Сидящіе съ нами за столомъ наши друзья!

Остальные зааплодировали. Ихъ было трое, и они составляли странное воскресное тріо. Двое изъ нихъ, пріѣзжіе, какъ и мы, явились съ сѣвера. Одинъ, краснощекій и полный, съ роскошными черными волосами и бородой, былъ отважнымъ охотникомъ, который не отказывался даже отъ самой мелкой добычи; жаворонка или воробья онъ не считалъ недостойными своего искусства. Когда этотъ большой, здоровый человѣкъ съ волосами, роскошными, какъ у Самсона, съ артеріями, разносившими красную кровь по его тѣлу, хвалился мелкими подвигами, онъ производилъ впечатлѣніе чего-то непропорціональнаго, страннаго, какъ паровой молотъ, колящій орѣхи. Второй былъ спокойный, сдержанный человѣкъ, бѣлокурый, лимфатическій и печальный, напоминавшій датчанина. «Tristes têtes de danois», говаривалъ Гастонъ Лафенетръ.

Я не могу пропустить это имя, не сказавъ нѣсколькихъ словъ о лучшемъ изъ всѣхъ славныхъ малыхъ, теперь превратившихся въ прахъ. Мы никогда уже не увидимъ Гастона въ его лѣсномъ костюмѣ (всѣ на свѣтѣ звали его Гастономъ въ силу чувствъ привязанности, а не благодаря неуваженію), не услышимъ мы также, какъ онъ будитъ эхо Фонтенебло звукомъ своего лѣсного рога. Никогда уже его добрая улыбка не внесетъ мира между

разноплеменными разнородными художниками и не сдѣлаетъ англичанина своимъ человѣкомъ во Франціи. Никогда овца съ сердцемъ не болѣе кроткимъ, нежели бившееся въ его груди, не послужитъ безсознательной моделью для его талантливой кисти. Онъ умеръ слишкомъ рано, какъ разъ въ то время, когда его искусство начало давать свѣжіе побѣги и расцвѣтать на произведеніяхъ, достойныхъ его. А между тѣмъ, никто не скажетъ, что онъ прожилъ безплодно. Ни къ одному изъ людей, которыхъ я зналъ такое короткое время, я не чувствовалъ подобной искренней привязанности. Правильная оцѣнка личности Гастона и пониманіе его души служатъ для меня мѣриломъ достоинствъ людей, знавшихъ его. Пока онъ жилъ, онъ имѣлъ на насъ хорошее вліяніе. Гастонъ смѣялся свѣжимъ смѣхомъ, и, глядя на него, у человѣка дѣлалось тепло на сердцѣ; какъ бы печаленъ въ глубинѣ души ни былъ Гастонъ, онъ всегда казался мужественнымъ и бодрымъ; къ невзгодамъ жизни Лафенетръ относился точно къ весеннимъ бурямъ. Но теперь его мать сидитъ одна на опушкѣ лѣса Фонтенебло, въ которомъ онъ собиралъ грибы въ своей бѣдной юности.

Многія изъ его картинъ переправились черезъ каналъ, кромѣ того, нѣсколько были украдены, когда одинъ мошенникъ-янки оставилъ его въ Лондонѣ съ двумя англійскими пенсами въ карманѣ и со знаніемъ четырехъ англійскихъ словъ. Если кто-нибудь изъ читающихъ эти строки имѣетъ сценку изъ жизни овецъ, написанную въ манерѣ Жака, съ подписью прекраснаго человѣка—Лафенетра, пусть онъ скажетъ себѣ, что одинъ изъ самыхъ добрыхъ и самыхъ мужественныхъ людей приложилъ руку къ украшенію его квартиры. Въ Національной галлереѣ могутъ быть лучшія картины, но ни одинъ изъ живописцевъ нѣсколькихъ поколѣній не обладалъ лучшимъ сердцемъ. Псалмы говорятъ намъ, что въ глазахъ Господа—смерть его святыхъ драгоцѣнна. Нужно, чтобы это было такъ, иначе слишкомъ ужасно думать, что его мать осталась въ отчаяніи, и миротворецъ, миролюбецъ цѣлаго общества положенъ въ землю. Теперь между дубами Фонтенебло чего-то недостаетъ, и когда у Барбизона подаютъ дессертъ, люди невольно ищутъ исчезнувшую знакомую фигуру.

Третій, изъ сидѣвшихъ за столомъ въ Ориньи, былъ мужъ хозяйки; не хозяинъ, потому что днемъ онъ самъ работалъ на

фабрикѣ, а вечеромъ возвращался въ свой собственный домъ, какъ гость. Это былъ человѣкъ исхудалый отъ постоянныхъ волненій, лысый, съ острыми чертами лица и живыми, блестящими глазами. Въ субботу, описывая какое-то жалкое приключеніе, случившееся съ нимъ во время утиной охоты, онъ разбилъ блюдо на множество кусковъ. Дѣлая замѣчаніе, онъ осматривался кругомъ стола въ ожиданіи одобренія, поводилъ бритымъ подбородкомъ и сверкалъ глазами, въ которыхъ вспыхивали зеленыя искры. Время отъ времени въ дверяхъ появлялась его жена, надзиравшая въ сосѣдней комнатѣ за обѣдомъ, и замѣчала:

— Henri, ты забываешься. — Или: Henri, ты можешь говорить не такъ громко.

Но этого-то никакъ и не могъ сдѣлать честный малый. Отъ самой бездѣлицы его глаза разгорались, кулакъ приходилъ въ соприкосновеніе со столомъ, и голосъ разливался, какъ раскаты измѣнчиваго грома. Я никогда не встрѣчалъ такой петарды въ человѣческомъ образѣ! Я думаю, онъ былъ одержимъ бѣсомъ. Мужъ хозяйки то и дѣло повторялъ: «это логично», или «не логично». Кромѣ того, передъ многими длинными, звонкими разсказами, онъ какъ бы развертывалъ хоругвь, произнося: «Вы видите, я пролетарій!». Дѣйствительно, мы отлично видѣли это! Дай Богъ, чтобы я никогда не встрѣтилъ его на улицахъ Парижа съ ружьемъ въ рукахъ! Для общества это будетъ несчастливая минута.

Мнѣ казалось, что его любимыя фразы очень хорошо изображали хорошія и дурныя стороны его класса, а при нѣкоторомъ обобщеніи,—и его страны. Великое дѣло сказать, кто ты, и не устыдиться. Это прекрасно даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не очень хорошо воспитанъ и слишкомъ часто твердитъ о своемъ положеніи. Конечно, впрочемъ, въ герцогѣ такая черта мнѣ не понравилась бы, но она почтенна въ рабочемъ. Съ другой стороны далеко нехорошо полагаться на логику, а на свою собственную логику въ особенности, потому что обыкновенно она сильно заблуждается. Когда мы начинаемъ съ того, что слѣпо слѣдуемъ за словами мудрецовъ, мы подъ конецъ совершенно теряемся. Въ сердцѣ человѣка есть чувство, на которое можно полагаться больше, нежели на любой силлогизмъ; глаза же, симпатіи, влеченія убѣждаютъ насъ въ томъ или другомъ, никогда не опровергавшемся. Разумныя основанія изобильны, какъ ежевика, и,

точно кулачные удары, могутъ направляться во всѣ стороны. Но доводы, не доказательства поддерживаютъ или разрушаютъ доктрины, и всякое ученіе логично только постольку, поскольку оно ловко изложено. Способный человѣкъ не болѣе доказываетъ справедливость своего тезиса, нежели способный генералъ доказываетъ справедливость своего дѣла. Вся Франція стала волноваться изъ-за нѣсколькихъ сильныхъ словъ, и пройдетъ еще много времени, пока она не увидитъ, что это были только слова, хотя и громкія. Когда же это обнаружится, можетъ быть, французы найдутъ, что логика далеко не такъ забавна, какъ имъ казалось.

Разговоръ начался съ охоты. Когда всѣ спортсмэны деревни охотятся на одной территоріи pro indiviso, ясно, что необходимо должны вставать нѣкоторые вопросы о первенствѣ и этикетѣ.

— Ну,—вскрикнулъ хозяинъ, потрясая блюдомъ,—передо мной свекловичное поле! Прекрасно. Я иду впередъ, не правда ли? Eh bien sacristi!—И его голосъ усилился, завибрировалъ, принимая интонацію ругательства; рабочій жаждалъ сочувствія, и каждый кивнулъ ему головой, желая умиротворить его.

Краснощекій сѣверянинъ тоже разсказалъ нѣсколько исторій о подвигахъ, совершенныхъ имъ ради водворенія порядка; въ особенности была замѣчательна одна исторія, гдѣ шло дѣло о маркизѣ.

— Маркизъ,—сказалъ я,—если вы сдѣлаете хоть одинъ шагъ впередъ, я выстрѣлю въ васъ. Вы поступили скверно, маркизъ.

Послѣ этого, какъ оказалось, маркизъ приподнялъ фуражку и ушелъ.

Хозяинъ шумно одобрилъ разсказчика.

— Вы хорошо поступили,—сказалъ онъ,—да и онъ также. Онъ сдѣлалъ все, что могъ. Онъ созналъ свою неправоту.

И посыпалась божба! Хозяинъ пролетарій не любилъ маркизовъ, но въ немъ было чувство справедливости.

Отъ охоты разговоръ перешелъ къ сравненію Парижа съ провинціями. Хваля Парижъ, пролетарій колотилъ по столу рукой, точно по барабану.

— Что такое Парижъ? Парижъ сливки Франціи. Парижанъ не существуетъ. Вы, я, всѣ мы парижане. Въ Парижѣ каждый имѣетъ восемьдесятъ вѣроятій на сто выйти въ люди.—И онъ на-

бросалъ эскизъ рабочаго, который живетъ въ конурѣ, не больше собачьей, и пишетъ статьи, предназначенныя разойтись по всему свѣту.—Eh bien quoi, c'est magnifique, ça!—крикнулъ онъ.

Печальный сѣверянинъ началъ хвалить крестьянскую жизнь. Онъ считалъ Парижъ дурнымъ мѣстомъ для мужчинъ и женщинъ.

— Централизація...—началъ онъ, но хозяинъ-пролетарій накинулся на него, кричалъ ему, что все въ Парижѣ логично и все великолѣпно. Какое зрѣлище! Какая картина! И тарелки прыгали по столу отъ канонады кулачныхъ ударовъ.

Желая водворить миръ, я вставилъ замѣчаніе о свободѣ мнѣнія во Франціи и врядъ ли могъ сдѣлать худшій промахъ. Наступило мгновенное молчаніе, головы многозначительно закачались. Конечно, всѣ поняли замѣчаніе, оно было ясно, но мнѣ дали понять, что печальный сѣверянинъ страдалъ изъ-за убѣжденій. «Поразспросите-ка его», говорили мнѣ мои собесѣдники.

— Да, сэръ,—по обыкновенію спокойно отвѣчалъ онъ мнѣ, хотя я не выговорилъ ни слова,—боюсь, что во Франціи гораздо меньше свободы мнѣній, нежели вы предполагаете.—И съ этими словами онъ опустилъ вѣки, считая предметъ исчерпаннымъ.

Наше любопытство было сильно возбуждено. Какъ или почему, или когда страдалъ этотъ лимфатическій человѣкъ? Мы сразу рѣшили, что онъ терпѣлъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ, и невольно вспомнили объ инквизиціи, причемъ въ насъ ожили картины, главнымъ образомъ, основанныя на познаніяхъ, извлеченныхъ изъ ужасной исторіи Поэ и рѣчи въ «Тристанѣ» Шенди, насколько я помню.

На слѣдующій день намъ представилась возможность углубиться въ этотъ вопросъ, потому что, когда мы поднялись (и очень рано, чтобы избѣжать сочувственной депутаціи при отплытіи), мы встрѣтили нашего сѣверянина. Онъ завтракалъ бѣлымъ виномъ и сырымъ лукомъ, желая выдержать характеръ мученика, какъ рѣшилъ я. Мы долго разговаривали съ нимъ и, несмотря на его сдержанность, узнали все, что хотѣли знать. Но въ этомъ случаѣ произошло поистинѣ любопытное недоразумѣніе. Оказалось, что двое шотландцевъ могутъ разговаривать съ французомъ въ теченіе цѣлаго получаса, говоря о двухъ различныхъ предметахъ. Только въ самомъ концѣ бесѣды мы поняли, что ересь сѣверянина была политическаго свойства; онъ тоже не подозрѣвалъ нашей ошибки. Слова, въ которыхъ онъ гово-

рилъ о своихъ политическихъ вѣрованіяхъ, какъ намъ казалось, соотвѣтствовали вѣрованіямъ религіознымъ и наоборотъ.

Ничто не можетъ лучше характеризовать двѣ націи. Политика—религія Франціи (и, какъ сказалъ бы Нанти Юартъ, чертовски плохая религія), а мы въ Англіи ссоримся изъ-за незначительныхъ особенностей въ книгѣ гимновъ или изъ-за еврейскаго слова, котораго ни та, ни другая сторона не можетъ перевести! А можетъ быть, наше недоразумѣніе прототипъ многихъ другихъ, которыя никогда не выяснятся? Такія недоразумѣнія существуютъ не только между двумя различными народами, но и между различными полами!

Что касается до страданій нашего друга, то они состояли въ томъ, что изъ-за своихъ убѣжденій онъ потерялъ нѣсколько мѣстъ и, кажется, потерпѣлъ неудачу въ сватовствѣ. Впрочемъ, можетъ быть, просто онъ выражался сентиментально о своихъ дѣлахъ, и это обмануло меня. Во всякомъ случаѣ блѣдный сѣверянинъ былъ очень милый, кроткій человѣкъ, и я надѣюсь, что онъ впослѣдствіи получилъ хорошее мѣсто и славную жену.

Внизъ по Уазѣ—въ Муа.

Карнавалъ сильно обманулъ насъ. Видя, что мы обходительны съ нимъ, онъ пожалѣлъ, что такъ дешево сговорился съ нами и, отозвавъ меня въ сторону, разсказалъ мнѣ длинную нелѣпую исторію, выводъ которой составляла необходимость дать разсказчику еще пять франковъ. Исторія эта была очевидной выдумкой, но я безпрекословно заплатилъ Карнавалу и сейчасъ же пересталъ обходиться съ нимъ привѣтливо, и съ британской ледяной холодностью поставилъ его на подчиненное мѣсто. Онъ замѣтилъ, что зашелъ слишкомъ далеко и зарѣзалъ золотую курицу. Его лицо поблекло. Я убѣжденъ, что, найди Карнавалъ благовидный предлогъ, онъ вернулъ бы деньги. Онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ; я отказался. Онъ несъ байдарки и былъ трогательно нѣженъ, но я молчалъ или отвѣчалъ ему короткими вѣжливыми фразами, когда же мы подошли къ спуску, я заговорилъ съ «Сигареткой» по-англійски.

Несмотря на всѣ наши фальшивыя указанія, на пристани собралось около пятидесяти человѣкъ. Мы были, какъ только умѣли, любезны со всѣми, кромѣ Карнавала. Мы простились,

пожавъ руку старика, знавшаго рѣку, и молодого человѣка, лепетавшаго по-англійски. Карнавалу же не сказали ни слова. Бѣдный Карнавалъ, въ этомъ-то и крылось его униженіе! Еще недавно онъ выказывалъ близость съ байдарками, позволялъ ихъ смотрѣть, давалъ отъ нашего имени приказанія и даже показывалъ публикѣ гребцовъ; а теперь былъ публично пристыженъ львами своего каравана. Никогда въ жизни не видывалъ я до того огорченнаго человѣка. Онъ держался сзади, выходя впередъ каждый разъ, когда ему казалось, что онъ замѣчалъ въ насъ симптомы болѣе мягкаго настроенія, и поспѣшно отступалъ, встрѣчая холодный взглядъ. Будемъ надѣяться, что это послужитъ ему урокомъ.

Я не упомянулъ бы о продѣлкѣ Карнавала, не будь это такой рѣдкостью во Франціи. Его поступокъ былъ единственнымъ случаемъ нечестности или даже рѣзко выраженной практичности за все наше путешествіе. Въ Англіи мы очень много говоримъ о честности. Слѣдуетъ быть на-сторожѣ, когда слышишь много разглагольствованій по поводу незначительнаго проявленія добродѣтели. Если бы англичане знали, какъ о нихъ говорятъ за границей, они стали бы немного сдержаннѣе, чтобы поправить дѣло, да и тогда еще имъ слѣдовало бы быть проще.

Молодыя дѣвушки, граціи Ориньи, не присутствовали при нашемъ отплытіи, но когда мы подходили ко второму мосту, мы увидѣли, что онъ былъ черенъ отъ толпы зрителей. Насъ встрѣтили громкими криками, и довольно долгое время мальчики и дѣвочки тоже съ крикомъ бѣжали за нами. Благодаря теченію и весламъ, мы неслись, какъ ласточки. Нешуточное дѣло было ровняться съ нами, спѣша по деревянному берегу; но дѣвушки поднимали юбки, точно были увѣрены, что у нихъ хорошенькія щиколки, и бѣжали, пока не выбились изъ силъ. Послѣднія отстали три граціи и двѣ ихъ спутницы. Когда и онѣ, наконецъ, устали, первая изъ грацій вскочила на пень дерева и послала гребцамъ воздушный поцѣлуй. Сама Діана не могло бы сдѣлать граціознѣе этого граціознаго движенія (хотя въ сущности, можетъ быть, такое выраженіе чувствъ было свойственнѣе Венерѣ). «Возвращайтесь!», крикнула она, и подруги поддержали ее. Всѣ холмы кругомъ Ориньи повторили слова: «Возвращайтесь!» Но рѣка мгновенно отнесла насъ, сдѣлавъ поворотъ, и мы остались одни съ зелеными деревьями и струящейся водой.

Вернуться! Юныя дѣвы, въ бурномъ потокѣ жизни возврата нѣтъ.

Купецъ преклоняется передъ звѣздой морехода,
Пахарь считаетъ времена года по солнцу.

Намъ же приходится ставить часы по циферблату судьбы. Страшные валы прилива поднимаютъ человѣка съ его фантазіями, какъ солому, и несутъ среди времени и пространства. Это теченіе извилисто, какъ ложе извивающейся рѣки Уазы; оно также замедляется, возвращается къ милымъ лугамъ, но, въ сущности, все идетъ и идетъ впередъ. Вѣдь хотя рѣка и посѣщаетъ снова знакомый акръ луга, но все же дѣлаетъ большой изгибъ; въ теченіе этого времени многіе маленькіе ручейки вливаются въ нее, многіе клубы испареній отъ нея поднимаются къ небу, и хотя бы она вернулась совершенно къ тому же самому мѣсту, она не та же рѣка. Такимъ образомъ, о, граціи Ориньи, если бы судьба и привела меня опять туда же, гдѣ вы ожидаете призыва смерти на берегу рѣки, я уже не буду тѣмъ, чѣмъ былъ. А жены и матери, въ которыхъ вы превратитесь, скажите, будутъ ли вами?

Уаза въ своемъ верхнемъ теченіи попрежнему необычайно спѣшила къ морю. Она бѣжала такъ быстро и весело по всѣмъ излучинамъ, что я натрудилъ большой палецъ, борясь съ быстринами, и мнѣ пришлось весь остатокъ пути грести одной рукой. Иногда Уаза служила двигателемъ мельницъ и, такъ какъ она еще была маленькой рѣкой, бывала послѣ этого очень мелкою и прихотливою. Послѣ плотинъ мы, опуская ноги въ воду, доставали до песка. И все же рѣка бѣжала и пѣла между тополями и создавала красивую зеленую долину. Послѣ хорошей женщины, хорошей книги и табаку, ничто на свѣтѣ не сравнится съ рѣкой. Я простилъ ей ея покушеніе на мою жизнь, которое, въ сущности, было частью слѣдствіемъ безпорядочныхъ вѣтровъ небесныхъ, свалившихъ дерево, частью моей собственной неосмотрительностью и только частью умысломъ самой рѣки. Она чуть не погубила меня не изъ злобы, а вслѣдствіе желанія поскорѣе достигнуть моря. Добѣжать до моря ей было дѣйствительно затруднительно, такъ какъ нельзя и счесть всѣхъ поворотовъ Уазы. Кажется, географы бросили эту попытку, потому что я никогда не видывалъ карты, которая изображала бы безконечную извили-

стость ея теченія. Одинъ фактъ скажетъ больше, чѣмъ всѣ географы. Послѣ того, какъ мы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, помнится трехъ, плыли между деревьями, несясь мягкимъ головоломнымъ карьеромъ, и, наконецъ, подошли къ деревнѣ и спросили, гдѣ мы, то оказалось, что мы всего въ четырехъ километрахъ (что составляетъ двѣ мили съ половиной) отъ Ориньи. Если бы не вопросъ чести гребцовъ (выражаясь по-шотландски), мы могли бы почти съ такимъ же успѣхомъ не двигаться съ мѣста.

Мы закусили на лугу среди параллеллограмма изъ тополей. Кругомъ насъ трепетали и шелестѣли листья. Рѣка бѣжала и спѣшила и точно сердилась на нашу остановку. Но мы были невозмутимы. Рѣка знала, куда она шла, мы же—нѣтъ. Поэтому гдѣ мы находили пріятное мѣсто отдыха и хорошую арену для куренія трубки, тамъ и останавливались. Въ этотъ часъ маклера выкрикивали на парижской биржѣ. Но мы такъ же мало думали о нихъ, какъ и о катившемся потокѣ, и посвящали цѣлыя гекатомбы минутъ богамъ табака и пищеваренія. Торопливость—прибѣжище человѣка, не увѣреннаго въ будущемъ. Если онъ можетъ довѣрять своему собственному сердцу и сердцамъ своихъ друзей, завтра для него такъ же хорошо, какъ сегодня. А если онъ и умретъ до завтра, что же, онъ умретъ и тѣмъ разрѣшитъ вопросъ.

Намъ предстояло въ теченіе дня достигнуть канала; тамъ, гдѣ онъ пересѣкалъ рѣку, не было моста, а оказался сифонъ. Если бы на берегу не стоялъ очень взволнованный малый, мы, конечно, прямо погребли бы въ сифонъ, и не гребли бы больше уже никогда въ жизни. Мы встрѣтили на бечевой дорогѣ господина, который очень заинтересовался нашимъ путешествіемъ. При этомъ я былъ свидѣтелемъ, до чего иногда лжетъ «Сигаретка»; онъ только изъ-за того, что его ножъ сдѣланъ въ Норвегіи, принялся разсказывать о всевозможныхъ приключеніяхъ, встрѣтившихъ его въ окрестностяхъ города, въ которомъ онъ никогда не бывалъ. Въ концѣ мой другъ болталъ съ лихорадочнымъ оживленіемъ, говорившимъ въ пользу предположенія, будто иногда человѣкомъ овладѣваютъ бѣсы.

Муа—привѣтливая деревня, окружающая замокъ, окопанный рвомъ. Въ воздухѣ стоялъ запахъ конопли, доносившійся съ сосѣднихъ полей. Въ гостиницѣ «Золотая овца» мы нашли хорошее помѣщеніе. Нѣмецкія гранаты, оставшіяся послѣ осады

Ла-Фера, золотыя рыбки въ круглой вазѣ, нюренбергскія статуэтки и всевозможныя бездѣлушки украшали общую комнату. Хозяйка гостиницы была полная, некрасивая, близорукая женщина, почти геніальная кухарка. Она сама знала о своихъ достоинствахъ и, отпустивъ блюдо, выходила и смотрѣла на обѣдающихъ широко открытыми, мигающими глазами

— C'est bon, n'est ce pas?—говорила она и, получивъ утвердительный отвѣтъ, опять исчезала въ кухнѣ.

Въ «Золотой овцѣ» старое французское кушанье, куропатки съ капустой, сдѣлалось для меня совершенно новой вещью, и многіе изъ послѣдующихъ обѣдовъ вслѣдствіе этого разочаровали меня. Сладко отдыхали мы въ «Золотой овцѣ» въ Муа.

Ла-Ферь, недоброй памяти.

Мы пробыли въ Муа большую часть дня, такъ какъ относились къ дѣлу философски и въ принципѣ не признавали долгихъ путешествій и раннихъ отплытій. Вдобавокъ, сама деревня манила къ отдыху. Изъ замка вышли господа въ изящныхъ охотничьихъ костюмахъ, съ красивыми ружьями и мѣшками для дичи. Намъ было пріятно оставаться на мѣстѣ въ то время, какъ эти элегантные искатели наслажденій уходили изъ дома рано утромъ. Каждый можетъ быть аристократомъ и разыграть роль герцога между маркизами и царящаго монарха между герцогами, если только онъ превзойдетъ ихъ въ спокойствіи. Невозмутимость вытекаетъ изъ терпѣнія. Спокойные умы не могутъ приходить въ смущеніе или пугаться, они движутся своимъ обычнымъ шагомъ среди счастья или невзгодъ, какъ часы во время грозы.

Мы вскорѣ достигли Ла-Фера, но спустилась мгла, начался маленькій дождь, раньше чѣмъ мы пристроили лодки. Ла-Ферь— укрѣпленный городъ, стоящій въ долинѣ и опоясанный двумя линіями бастіоновъ. Между первымъ и вторымъ поясомъ укрѣпленій лежитъ довольно широкая полоса земли и небольшія воздѣланныя поля. Тамъ и сямъ вдоль дороги стояли часовые, не позволявшіе сходить съ шоссе изъ-за военныхъ упражненій. Наконецъ, мы черезъ вторыя ворота вошли въ самый городъ. Освѣщенныя окна казались привѣтливыми; изъ домовъ вырывались клубы вкуснаго запаха кушаній. Городъ былъ переполненъ

запасными солдатами, собравшимися для осеннихъ маневровъ; резервисты быстро проходили мимо въ своихъ плащахъ. Въ такой вечеръ было пріятно сидѣть дома за обѣдомъ и слушать стукъ дождя по стекламъ.

«Сигаретка» и я не могли нарадоваться на предстоявшія намъ удовольствія, такъ какъ намъ сказали, что въ Ла-Ферѣ замѣчательная гостиница. Какой обѣдъ мы съѣдимъ, въ какія кровати ляжемъ спать? А дождь будетъ мочить всѣхъ людей, оставшихся безъ крова на этомъ населенномъ берегу! При мысли о блаженствѣ у насъ слюнки текли. Знаменитая гостиница носила названіе какого-то лѣсного животнаго: оленя, лани или олененка, не помню. Но я никогда не забуду, какой большой, привѣтливой казалась она намъ, когда мы подошли ближе. Въѣздъ въ гостиницу былъ ярко освѣщенъ, не умышленно, а благодаря изобилію лампъ и свѣчей въ домѣ. До насъ донеслось бряканіе посуды; мы увидѣли цѣлое поле скатерти; кухня сіяла, какъ кузница, и благоухала, какъ садъ, засаженный съѣстными вещами. И вотъ въ эту-то внутреннюю сокровищницу гостиницы, въ самое ея физіологическое сердце, пылавшее очагами, заставленное различнаго рода мясомъ, торжественно вошли мы, пара измокшихъ людей, съ болтающимися резиновыми мѣшками на рукахъ. Представьте себѣ всю картину! Я не успѣлъ хорошо разглядѣть кухню; я видѣлъ ее въ какомъ-то сіяніи, но мнѣ показалось, что она была переполнена бѣлыми колпаками; повара повернулись отъ своихъ котелковъ и съ удивленіемъ устремили на насъ глаза. Сомнѣваться, гдѣ была хозяйка, мы не могли; эта краснолицая, сердитая, озабоченная женщина стояла во главѣ своей арміи. Ее спросилъ я вѣжливо (слишкомъ вѣжливо, полагаетъ «Сигаретка»), можемъ ли мы имѣть у нея комнату. Она холодно осмотрѣла насъ съ головы до ногъ и сказала:

— Вы найдете въ предмѣстьи отличныя комнаты, у насъ же слишкомъ много дѣла, и мы не можемъ заниматься такими людьми, какъ вы.

А я былъ увѣренъ, что если намъ удастся войти въ гостиницу и потребовать бутылку вина, все устроится, а потому сказалъ:

— Но если мы не можемъ здѣсь переночевать, то могли бы, по крайней мѣрѣ, пообѣдать,—и сдѣлалъ движеніе, чтобы положить мѣшокъ.

Какое страшное содроганіе произошло въ лицѣ хозяйки. Она подбѣжала къ намъ и топнула ногой.

— Прочь, уходите за дверь! — кричала она. — Sortez, sortez, sortez par la porte!

Не знаю, какъ это случилось, но черезъ минуту мы уже очутились въ темнотѣ подъ дождемъ, и я, стоя передъ воротами, бранился, какъ разочарованный нищій. Куда дѣвались бельтійскіе спортсмэны? Куда дѣвался судья и его прекрасныя вина, куда дѣвались граціи Ориньи? Насъ окружала черная, черная ночь, представлявшаяся еще мрачнѣе послѣ освѣщенной кухни; но могла ли она сравниться съ мракомъ, наполнявшимъ наши сердца? Не въ первый разъ меня не впускали въ домъ. Часто и часто строилъ я предположеніе о томъ, что я стану дѣлать, если со мной случится такое несчастье опять. Составлять планы— дѣло легкое. Но легко ли съ сердцемъ, горящимъ негодованіемъ, приводить ихъ въ исполненіе? Попробуйте, попробуйте хоть разъ и скажите, какъ обошлось дѣло. Хорошо говорить о бродягахъ и морали. Шесть часовъ полицейскаго наблюденія (которому недавно подвергся я) и одинъ грубый отказъ хозяйки гостиницы больше перемѣняютъ взгляды человѣка на этотъ предметъ, нежели долгое чтеніе. Пока вы въ верхнихъ слояхъ общества и всѣ кланяются вамъ при встрѣчѣ, общественный строй кажется вамъ прекраснымъ, но разъ вы попадаете подъ колеса, то отъ души посылаете все общество къ дьяволу. Я заставлю самыхъ почтенныхъ людей двѣ недѣли пожить такой жизнью и затѣмъ предложу имъ два пенса за остатки ихъ морали.

Что касается меня, то послѣ изгнанія изъ «Оленя», «Лани», или чего тамъ еще, я поджогъ бы храмъ Діаны, будь онъ подъ рукой. Я не находилъ ни одного достаточно сильнаго преступленія, которое выразило бы мое недовольство человѣческими учрежденіями. Относительно же «Сигаретки» я долженъ сказать, что я никогда не видывалъ человѣка, измѣнившагося до такой степени, какъ измѣнился онъ.

— Насъ опять приняли за разносчиковъ,—сказалъ онъ.— Боже мой, каково же быть въ дѣйствительности разносчикомъ!

Онъ предавалъ проклятію каждый суставъ хозяйки. Рядомъ съ нимъ Шекспировскій Тимонъ былъ филантропомъ. И вдругъ, когда «Сигаретка» достигъ высшей степени горячности, онъ прервалъ свою рѣчь и началъ жалобно говорить о бѣднякахъ:

«Прошу Господа,—сказалъ онъ (и я думаю, эта молитва была услышана),—чтобы Онъ не далъ мнѣ быть невѣжливымъ относительно разносчика».

Неужели это былъ невозмутимый «Сигаретка»? Да, да, это былъ онъ. Какая невыразимая, немыслимая, невѣроятная перемѣна!

Между тѣмъ небо роняло слезы на наши головы, и по мѣрѣ того, какъ темнѣло, окна домовъ становились все ярче и свѣтлѣе. Мы бродили взадъ и впередъ по улицамъ; мы видѣли лавки и частныя квартиры, въ которыхъ сидѣли роскошно обѣдавшіе люди; мы видѣли конюшни, въ которыхъ лошади стояли на чистой соломѣ; передъ полными кормушками, мы видѣли безконечное количество призванныхъ къ оружію запасныхъ солдатъ, безъ сомнѣнія, очень тосковавшихъ въ эту мокрую ночь и мечтавшихъ о своихъ деревенскихъ домахъ... Но у каждаго изъ нихъ было мѣсто въ лаферскихъ баракахъ. А мы? Что было у насъ?

Казалось, въ цѣломъ городѣ не имѣлось ни одной другой гостиницы. Намъ давали указанія, мы добросовѣстно слѣдовали имъ, но большей частью только возвращались къ мѣсту нашего позора. Къ тому времени, какъ мы обошли весь городъ, мы превратились въ очень жалкихъ людей, и «Сигаретка» уже рѣшилъ лечь спать подъ тополемъ, а поужинать ломтемъ хлѣба. Но подлѣ городскихъ воротъ стоялъ домъ, полный свѣта и оживленія. «Bazin aubergiste loge à pied», гласила надпись на немъ. «A la croix de Malte». Насъ приняли.

Комната была полна шумными солдатами, которые пили и курили, и мы порадовались, когда на улицѣ раздался звукъ барабановъ и дудокъ и всѣмъ солдатамъ пришлось надѣть кэпи и отправиться въ бараки.

Базенъ, человѣкъ высокаго роста и склонный къ полнотѣ, говорилъ мягко, а его лицо было нѣжно и кротко. Мы предложили ему выпить съ нами, но онъ отказался, говоря, что ему пришлось цѣлый день угощать резервистовъ. Онъ представлялъ собой совершенно другой типъ, нежели рабочій, содержатель гостиницы въ Ориньи, который велъ такіе горячіе споры. Базенъ также любилъ Парижъ и работалъ въ немъ въ юности въ качествѣ декоративнаго живописца. Онъ сказалъ, что тамъ человѣку представляется множество случаевъ для самообразованія. Если кто-нибудь читалъ, какъ Зола описалъ общество, отправившееся

послѣ свадьбы рабочаго осматривать Лувръ, ему хорошо было бы послушать, въ видѣ противоядія, разсужденія Базена. Въ молодости онъ наслаждался въ музеяхъ.

— Тамъ видишь маленькія чудеса,—сказалъ онъ,—а это создаетъ хорошаго рабочаго, роняетъ въ него искру.

Мы спросили Базена, какъ ему живется въ Ла-Ферѣ

— Я женатъ,—сказалъ онъ,—и у меня славныя дѣти. Но, откровенно говоря, это не жизнь. Съ утра до ночи я угощаю довольно добрыхъ малыхъ, круглыхъ невѣждъ.

Съ наступленіемъ ночи погода разгулялась, и луна вышла изъ-за облаковъ. Мы сидѣли у двери и потихоньку толковали съ Базеномъ. Изъ зданія гауптвахты то-и-дѣло показывался часовой, такъ какъ мимо насъ ежеминутно проѣзжала полевая артиллерія или проносились патрули кавалеристовъ въ своихъ плащахъ. Черезъ нѣсколько времени вышла и г-жа Базенъ; она, кажется, устала отъ дневной работы, угнѣздилась подлѣ мужа и положила голову къ нему на грудь. Онъ обнялъ ее и нѣжно поглаживалъ по плечу. Я думаю, Базенъ не обманулъ насъ и былъ женатъ въ полномъ значеніи этого слова. Не о многихъ можно сказать то же самое.

Базены не знали, что они дали намъ. Намъ поставили въ счетъ свѣчи, пищу, вино и постели; но въ счетѣ не упомянули о пріятномъ разговорѣ съ мужемъ или о милой картинѣ его супружеской жизни. Кромѣ того, мы не заплатили еще за одно: вѣжливость этихъ людей вернула намъ самоуваженіе. Мы жаждали хорошаго отношенія; ощущеніе обиды все еще жгло насъ, а вѣжливость Базеновъ, казалось, возвращала намъ наше положеніе въ обществѣ.

Какъ мало платимъ мы за то, что получаемъ отъ жизни! Хотя намъ приходится вѣчно открывать кошелекъ, но главная часть оказанныхъ намъ услугъ все же остается не вознагражденной. Впрочемъ, я надѣюсь, что благодарная душа платитъ тою же монетою, которую получаетъ. Можетъ быть, Базены почувствовали, какъ они понравились мнѣ? Можетъ быть, и я благодарностью, сказывающейся въ моемъ обращеніи, облегчилъ ихъ отъ какихъ-нибудь житейскихъ тяготъ.

Внизъ по Уазѣ—черезъ Золотую долину.

Ниже Ла-Фера рѣка бѣжитъ мимо открытыхъ пастбищъ, по зеленой, богатой, любимой скотоводами долинѣ, которую называютъ Золотой. Рѣка, этотъ безконечный потокъ, быстро несется, орошаетъ долину и дѣлаетъ поля зелеными. Коровы, лошади и смѣшные маленькіе ослики вмѣстѣ пасутся на лугахъ и толпами подходятъ къ рѣкѣ для водопоя. Они кажутся странными, особенно когда испугаются, и вы видите, какъ они носятся всѣ вмѣстѣ, такіе непохожіе одни на другихъ. Въ эти минуты въ головѣ невольно является представленіе о дикихъ пампасахъ и объ ордахъ бродячихъ народовъ. Вдали по обѣ стороны тянулись горы; иногда рѣка подходила къ лѣсистымъ вершинамъ Куси и Сенъ-Гобена.

Въ Ла-Ферѣ происходило артиллерійское ученіе, и вскорѣ къ шумной канонадѣ присоединились выстрѣлы небесныхъ пушекъ. Сошлись два континента облаковъ и обмѣнялись надъ нашими головами салютомъ. Между тѣмъ, вездѣ на горизонтѣ виднѣлся солнечный свѣтъ, и холмы окутывалъ чистый прозрачный воздухъ. Пушечные выстрѣлы и громъ напугали стада въ Золотой долинѣ. Мы видѣли, какъ животныя мотали головами и въ страхѣ нерѣшительно бросались изъ стороны въ сторону. Когда же они немного успокоились и оселъ пошелъ за лошадью, а корова за осломъ, мы услышали ихъ голоса, оглашавшіе луга. Въ нихъ было что-то воинственное, напоминавшее кавалерійскіе сигналы. Все вмѣстѣ, насколько дѣло касалось слуха, составляло поразительную и захватывающую батальную пьесу, которая давалась для нашего удовольствія.

Наконецъ, выстрѣлы и раскаты грома затихли; солнечный свѣтъ упалъ на мокрыя поля. Въ воздухѣ поднялось благоуханіе обрадованной травы и деревьевъ. Между тѣмъ, рѣка неутомимо быстро несла насъ впередъ. Подлѣ Шони лежалъ мануфактурный округъ. Далѣе берега стали такъ высоки, что закрыли отъ насъ всѣ окрестности, и мы видѣли только глиняные обрывы да ряды ивъ. Время отъ времени мы миновали деревни или перевозы, гдѣ удивленныя дѣти провожали насъ взглядомъ, пока мы не скрылись за поворотомъ. Вѣроятно, въ теченіе многихъ ночей послѣ того мы гребли въ воображеніи этихъ ребятишекъ.

Солнечный свѣтъ и непогода смѣнялись, какъ день и ночь,

удлинняя своимъ разнообразіемъ часы. Когда шелъ сильный дождь, я чувствовалъ, какъ каждая капля проникала черезъ мою фуфайку и касалась разгоряченной кожи; повтореніе множества легкихъ ударовъ почти выводило меня изъ себя. Я рѣшилъ купить въ Нуайонѣ макинтошъ. Вымокнуть не бѣда, но до того противно чувствовать отдѣльныя холодныя струйки, въ громадномъ количествѣ текущія по тѣлу, что я, какъ безумный, разсѣкалъ воду весломъ. «Сигаретка» забавлялся при видѣ взрывовъ моего недовольства. Благодаря моей вспыльчивости, ему было на что смотрѣть, кромѣ глиняныхъ береговъ и ивъ.

Въ прямыхъ мѣстахъ рѣка кралась, какъ воръ, въ излучинахъ же неслась, образуя бурные водовороты. Ивы цѣлый день покачивались; цѣлый день ихъ корни подмывала вода; глиняный берегъ осыпался; Уаза, которая нѣсколько столѣтій подърядъ создавала Золотую долину, казалось, перемѣнила намѣреніе и теперь хотѣла разрушить свое твореніе. Чего-чего ни дѣлаетъ рѣка, невинно слѣдуя закону тяготѣнія!

Нуайонскій соборъ.

Нуайонъ стоитъ приблизительно на разстояніи мили отъ рѣки, въ маленькой долинѣ, окруженной лѣсистыми холмами; его черепичныя крыши, надъ которыми высится продолговатый прямолинейный соборъ съ двумя башнями, цѣликомъ занимаютъ маленькую возвышенность. Когда мы вошли въ городъ, намъ показалось, что черепичныя крыши громоздятся одна на другой вдоль холма въ самомъ странномъ безпорядкѣ. Однако, несмотря на всѣ ихъ старанія, онѣ доходили только до колѣнъ собора, который, прямой и торжественный, высился надъ городомъ. По мѣрѣ того, какъ улицы подходили ближе къ этому первенствующему генію, проведя насъ черезъ рынокъ подъ ратушей, онѣ становились все пустыннѣе и спокойнѣе. Глухія стѣны и закрытыя ставнями окна были обращены къ большому зданію, трава росла на бѣлой дорогѣ. «Сними обувь съ твоихъ ногъ, ибо земля, на которой ты стоишь, земля святая». Тѣмъ не менѣе, Hôtel du Nord зажигаетъ свои мірскія свѣчи въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ церкви. Изъ оконъ нашей спальни мы могли все утро любоваться великолѣпной восточной частью храма. Я очень рѣдко съ такой симпатіей смотрѣлъ на восточную часть церкви. Она

опирается на три большія террасы и походитъ на широкую фигуру какого-то стараго военнаго корабля. Опоры поддерживаютъ вазы, которыя служатъ его кормовыми фонарями. Въ этомъ мѣстѣ въ почвѣ есть выпуклость, и башни еле поднимаются надъ крышей собора, такъ что чудится, будто добрый корабль лѣниво покачивается подъ порывомъ атлантическаго вѣтра. Сейчасъ онъ взлетитъ на волну и унесется вдаль. Вотъ-вотъ откроется окно, и старый адмиралъ въ шляпѣ съ кокардой высунетъ изъ него голову, чтобы осмотрѣться. Старые адмиралы больше не плаваютъ по морямъ, старые боевые корабли уничтожены и живутъ только на картинахъ. Это же зданіе было церковью раньше чѣмъ о фрегатахъ подумали впервые, и, до сихъ поръ продолжая быть церковью, попрежнему гордо красуется на берегу Уазы. Соборъ и рѣка, вѣроятно, двѣ самыя старыя вещи на пространствѣ во много и много миль; конечно, и рѣка, и церковь очень стары.

Ключарь вывелъ насъ на верхъ одной изъ башенъ и показалъ пять колоколовъ, висѣвшихъ подъ ея крышей. Сверху городъ казался мостовой изъ крышъ и садовъ; мы безъ труда разглядѣли бывшую линію укрѣпленій. Ключарь указалъ намъ вдалекѣ, на кусочкѣ яркаго неба между двумя облаками, башни замка Куси.

Мнѣ положительно не могутъ надоѣсть большія церкви. Никогда не вдохновлялись люди болѣе счастливой идеей, нежели создавая соборы. Соборъ съ перваго взгляда нѣчто такое же красивое и обособленное, какъ статуя, а между тѣмъ, по разсмотрѣніи, онъ оказывается не менѣе живымъ и интереснымъ, нежели лѣсъ. Высота колоннъ не можетъ опредѣляться тригонометріей, благодаря которой мы нашли бы ихъ страшно низкими. Но какъ высоки онѣ для восхищеннаго глаза! Тамъ, гдѣ передъ нами столько изящныхъ пропорцій, вытекающихъ одна изъ другой, намъ все вмѣстѣ кажется чѣмъ-то особенно внушительнымъ. Я не въ силахъ себѣ представить, какъ можетъ человѣкъ проповѣдывать въ соборѣ. Что скажетъ онъ, что было бы болѣе сильнымъ, нежели видъ церкви? Вѣдь хотя я и слышалъ довольно много различныхъ проповѣдей, я никогда не слыхивалъ ничего, что было бы такъ выразительно, какъ соборъ. Онъ самъ по себѣ наилучшій проповѣдникъ и проповѣдуетъ день и ночь, не только говоря объ искусствѣ и стремленіяхъ человѣка въ прошломъ, но и вливая въ вашу душу горячія симпатіи. Лучше

сказать, онъ, какъ всѣ хорошіе проповѣдники, заставляетъ васъ самихъ проповѣдывать себѣ, такъ какъ каждый человѣкъ сво. собственный докторъ богословія

Когда я сидѣлъ подлѣ отеля вечеромъ, нѣжный рокочущій громъ органа вылетѣлъ изъ церкви, какъ порывъ мольбы. Внѣшность мнѣ такъ понравилась, что я пожелалъ посмотрѣть и на то, что дѣлалось внутри. Однако, я никакъ не могъ хорошенько понять смыслъ службы, которую видѣлъ. Я вошелъ въ церковь; четверо или пятеро священниковъ и столько же хористовъ пѣли «Miserere» передъ алтаремъ. Въ церкви было только нѣсколько старухъ, сидѣвшихъ на скамейкахъ, и стариковъ, колѣнопреклоненныхъ на плитахъ пола. Вскорѣ изъ-за алтаря появилась вереница молодыхъ дѣвушекъ, шедшихъ попарно со свѣчами въ рукахъ и одѣтыхъ въ черныя платья съ бѣлыми покрывалами; онѣ направились въ самую церковь. Четыре первыя несли изображеніе Дѣвы и Младенца. Священники и пѣвцы поднялись и съ пѣніемъ «Ave Maria» послѣдовали за ними. Процессія обошла весь соборъ и дважды миновала колонну, у которой стоялъ я. Священникъ, казавшійся важнѣе другихъ, былъ дряхлымъ старикомъ, бормотавшимъ молитвы губами; но когда онъ въ потемкахъ взглянулъ на меня, мнѣ почудилось, что не молитвы переполняли его сердце. За нимъ шли два священника, люди лѣтъ сорока, походившіе на солдатъ со смѣлыми глазами; они громко пѣли и выкрикивали «Ave Maria». Дѣвушки казались робкими и серьезными. Проходя медленно, каждая изъ нихъ взглянула на англичанина, а глаза толстой монахини, предводительствовавшей ими, прямо-таки привели меня въ смущеніе. Что касается хористовъ, всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, вели себя такъ дурно, какъ только могутъ вести себя одни мальчишки, и жестоко портили ходъ службы своимъ скоморошествомъ.

Я понималъ часть происходившаго. Дѣйствительно, трудно было бы не понять «Miserere», пѣсню, составляющую, по моему мнѣнію, произведеніе атеиста. Впрочемъ, если слѣдуетъ вливать въ сердце человѣка отчаяніе, «Miserere»—отличная музыка, а соборъ—соотвѣтствующая арена для этого. Въ этомъ смыслѣ я согласенъ съ католиками (странное названіе для нихъ!). Но зачѣмъ, Боже Ты мой, эти хористы? Зачѣмъ эти священники, бросающіе украдкой взгляды на прихожанъ, притворяясь, что они

молятся? Зачѣмъ эта толстая монахиня, которая грубо устраиваетъ процессію и подталкиваетъ локтемъ провинившихся дѣвъ? Зачѣмъ во время службы плюются, нюхаютъ табакъ, забываютъ ключи? Зачѣмъ происходитъ множество маленькихъ несчастій, которыя нарушаютъ настроеніе ума, заботливо созданное пѣніемъ и звуками органа? Въ каждомъ театрѣ преподобные отцы видятъ, что создается съ помощью искусства, какъ можно вызывать высокія чувства, уничтожая все, не входящее въ программу, и ставя каждый стулъ на свое мѣсто.

Еще одно обстоятельство огорчало меня. Я самъ могъ вынести «Miserere», такъ какъ недавно пользовался движеніемъ на открытомъ воздухѣ, но я желалъ, чтобы всѣ эти старики очутились гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Для женщинъ и мужчинъ, которые уже испытали многое въ жизни и, вѣроятно, уже составили собственное мнѣніе о трагическомъ элементѣ существованія, «Miserere» неподходящая музыка. Престарѣлый человѣкъ можетъ самъ спѣть свой собственный «Miserere», хотя я замѣчалъ, что старики нерѣдко предпочитаютъ пѣть «Jubilate Deo». Въ общемъ, я считаю лучшимъ религіознымъ упражненіемъ для престарѣлыхъ людей воспоминаніе о собственной жизни, о многихъ умершихъ друзьяхъ, о многихъ погибшихъ надеждахъ, о многихъ заблужденіяхъ, колебаніяхъ и, несмотря на все, о столькихъ свѣтлыхъ дняхъ. Конечно, въ этомъ заключается очень краснорѣчивая проповѣдь.

Въ общемъ я вышелъ изъ собора въ торжественномъ настроеніи. Въ маленькой образной картѣ нашего путешествія внутрь страны, которая еще хранится въ моей памяти и иногда развертывается въ минуты грусти, Нуайонскій соборъ фигурируетъ на первомъ мѣстѣ и оказывается большимъ, какъ цѣлая область. Я такъ вижу лица священниковъ, точно они еще стоятъ рядомъ со мной, и «Ave Maria, ora pro nobis» точно еще звучитъ въ церкви. Эти преобладающія воспоминанія заслоняютъ для меня весь Нуайонъ, и я ничего болѣе не скажу объ этомъ городкѣ. Онъ представляется мнѣ грудой коричневыхъ крышъ, подъ которыми, вѣроятно, люди живутъ тихо и честно; когда солнце опускается, тѣнь отъ собора падаетъ на нихъ, и пять колоколовъ слышатся во всѣхъ кварталахъ; они говорятъ, что органъ началъ звучать. Если я когда-нибудь перейду въ лоно римской церкви, я попрошу, чтобы меня сдѣлали епископомъ Нуайона на Уазѣ.

Внизъ по Уазѣ—въ Компьенъ

Даже самымъ терпѣливымъ людямъ въ концѣ концовъ надоѣдаетъ вѣчно мокнуть на дождѣ; конечно, только не въ шотландской горной странѣ, гдѣ не бываетъ достаточно хорошихъ свѣтлыхъ промежутковъ, которые могли бы подчеркивать разницу между свѣтлыми днями и ненастьемъ. Казалось, въ тотъ день, когда мы покинули Нуайонъ, насъ ожидала безпросвѣтная непогода. Я ничего не помню изъ путешествія, кромѣ глиняныхъ береговъ, ивъ и дождя, непрерывнаго, безжалостнаго, бичующаго дождя. Наконецъ, мы остановились закусить въ маленькой гостиницѣ въ Пемпре, гдѣ каналъ очень близко подходилъ къ рѣкѣ; мы такъ страшно вымокли, что хозяйка ради насъ зажгла нѣсколько полѣньевъ въ каминѣ, и мы сидѣли въ облакѣ пара и грустили о своей судьбѣ. Мужъ хозяйки надѣлъ сумку для дичи и ушелъ на охоту, жена сидѣла въ дальнемъ уголкѣ и смотрѣла на насъ. Полагаю, мы были достойны вниманія. Мы ворчали, вспоминая о несчастьи въ Ла-Ферѣ. Мы предвидѣли такія же бѣды въ будущемъ, хотя съ тѣхъ поръ, какъ «Сигаретка» сталъ вести переговоры, дѣло пошло лучше. У него оказалось больше апломба, чѣмъ у меня; онъ подходилъ съ мрачнымъ, положительнымъ видомъ къ хозяйкамъ, которыя молча уносили резиновые мѣшки. Заговоривъ о Ла-Ферѣ, мы заговорили и о запасныхъ солдатахъ, вторично призванныхъ на службу.

— Это,—сказалъ «Сигаретка»,—довольно дурной способъ проводить осенніе праздники.

— Такой же дурной,—съ уныніемъ сказалъ я,—какъ плаваніе на байдаркахъ.

— Вы изволите путешествовать для удовольствія?—съ безсознательной ироніей спросила хозяйка.

Это было ужъ слишкомъ. Съ нашихъ глазъ упала пелена. Мы сказали себѣ, что если завтра будетъ опять ненастный день, мы поставимъ лодки въ поѣздъ.

Погода услышала предостереженіе Мы больше не мокли. День разгулялся; по небу все еще бродили большія облака, но теперь отдѣльныя и окруженныя синей глубиной; яркій розовый и золотой закатъ предсказывалъ звѣздную ночь и ясную луну. Въ то же время и рѣка начала давать намъ лучшую возможность видѣть окрестности. Берега понизились, ивы исчезли съ ихъ

краевъ; теперь красивые холмы тянулись вдоль потока и вырѣзывались на небѣ.

Вскорѣ каналъ излилъ изъ послѣднихъ шлюзовъ въ Уазу запасы своихъ водоемовъ. Намъ нечего было бояться недостатка общества. Мы увидѣли всѣхъ нашихъ старыхъ друзей. «Deo gratias» изъ Конде и «Четыре сына» весело плыли съ нами по рѣкѣ; мы обмѣнивались шутками съ рулевымъ, сидѣвшимъ среди пакетовъ, или съ погонщикомъ лошадей; дѣти подбѣгали къ бортамъ барокъ и смотрѣли на насъ. Мы не знали, до чего намъ недоставало всѣхъ этихъ спутниковъ, но при видѣ дыма изъ ихъ трубъ мы вздрогнули.

Немного ниже того мѣста Уазы, гдѣ произошло наше соединеніе съ барками, насъ ожидала новая, болѣе знаменательная встрѣча; тамъ къ намъ присоединилась рѣка Энъ, уже судоходная и прибѣжавшая изъ Шампаньи. Отрочество Уазы окончилось; это былъ ея брачный день. Теперь полноводный потокъ, сдержанный различными дамбами, двигался плавно, сознавая свое собственное достоинство. Деревья и города смотрѣлись въ него, какъ въ зеркало; онъ спокойно несъ байдарки на своей широкой груди. Намъ не приходилось усиленно бороться съ водоворотами; мы стали лѣнивы и только погружали весло то съ одной, то съ другой стороны лодочки; намъ не приходилось болѣе соображать или дѣлать усилія. Поистинѣ во всѣхъ отношеніяхъ для насъ наступило райское время; мы плыли къ морю, какъ настоящіе господа.

Мы увидѣли Компьенъ на закатѣ; надъ рѣкой рисовался красивый профиль города. Близъ пристани подъ звуки барабана учился полкъ солдатъ. На набережной было много народа; одни ловили рыбу, другіе праздно смотрѣли на рѣку. И когда двѣ байдарки показались на водѣ, публика стала указывать на нихъ и переговариваться. Мы пристали къ прачешному плоту, на которомъ прачки, несмотря на вечеръ, все еще колотили бѣлье.

Въ Компьенѣ.

Мы помѣстились въ большомъ шумномъ отелѣ, въ которомъ никто не обратилъ на насъ вниманія.

Въ городѣ царили запасныя войска и вообще милитаризмъ (какъ выражаются нѣмцы). Лагерь изъ коническихъ бѣлыхъ па-

латокъ, расположенный внѣ Компьена, напоминалъ листокъ изъ иллюстрированной Библіи. Пояса съ тесаками украшали стѣны кафэ, на улицахъ цѣлый день звучала военная музыка. Англичанинъ не могъ въ эти минуты не гордиться своей родиной, потому что люди, слѣдовавшіе за барабаномъ, были всѣ малы ростомъ и шли нестройно. Каждый изъ нихъ наклонялся подъ тѣмъ угломъ, какъ ему нравилось, и качался, какъ ему вздумается. Въ ихъ рядахъ не замѣчалось той превосходной выправки, съ которой торжественно и непреоборимо двигается полкъ высокихъ шотландцевъ за своей музыкой, походя на явленіе природы. Кто, видѣвшій разъ наши полки, можетъ забыть тамбуръ-мажора, тигровыя шкуры барабанщиковъ, трубачей въ свитыхъ пледахъ, эластичный ритмъ цѣлаго полка, идущаго въ ногу, удары барабана и пронзительные звуки дудокъ, играющихъ воинственный маршъ, когда замолкаютъ мѣдныя трубы?

Дѣвушка-англичанка, учившаяся во французской школѣ, однажды начала описывать своимъ подругамъ-француженкамъ одинъ изъ нашихъ полковъ, и (какъ она сказала мнѣ) воспоминаніе сдѣлалось въ ней необычайно живо, она почувствовала гордость при мысли, что она соотечественница этихъ солдатъ, и горесть о разлукѣ со своей страной; ея голосъ прервался, и она залилась слезами. Я не могъ забыть этой дѣвушки и думаю, что она почти достойна монумента. Назвать ее молодой лэди, со всѣми связанными съ этимъ названіемъ послѣдствіями, было бы для нея оскорбленіемъ. Пусть она помнитъ одно: можетъ быть, ей не суждено сдѣлаться женой героя-генерала или увидѣть великій немедленный результатъ своей жизни, но она проживетъ не напрасно для родной страны.

Хотя французскіе солдаты и показываются во время парада съ невыгодной стороны, но въ походѣ они веселы, проворны и одушевлены, какъ толпа охотниковъ на лисицъ. Я помню, какъ однажды видѣлъ отрядъ, проходившій черезъ лѣсъ Фонтенебло по дорогѣ въ Шальи, между Bas Bréau и Reine Blanche. Одинъ малый шелъ впереди другихъ и пѣлъ громкую мужественную походную пѣснь. Всѣ остальные шагали въ тактъ и даже въ тактъ вскидывали ружьями. Молодой офицеръ на лошади съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе. Школьники не охотнѣе играютъ въ зайца и собакъ. Вамъ показалось бы, что такіе увлеченные ходьбой люди неутомимы.

Въ Компьенѣ я больше всего наслаждался городскимъ рынкомъ. Я просто бредилъ рынкомъ. Онъ памятникъ готическаго причудливаго вкуса, весь въ башенкахъ, колонкахъ, въ жолобкахъ и всевозможныхъ архитектурныхъ фантазіяхъ. Нѣкоторыя изъ нишъ позолочены и украшены живописью. На большомъ четыреугольномъ панно, на позолоченномъ фонѣ, выдаваясь чернымъ рельефомъ, ѣдетъ Людовикъ XII на идущей шагомъ лошади; онъ опирается рукой въ бокъ и закидываетъ голову. Въ каждой его чертѣ—царственная надменность; нога въ стремени презрительно выставляется изъ-за рамы, взглядъ твердъ и гордъ; самая лошадь короля, повидимому, съ наслажденіемъ идетъ надъ распростертыми рабами, и ея ноздри надуваются точно для того, чтобы издать трубный звукъ. Такимъ-то образомъ на фронтонѣ городского рынка вѣчно ѣдетъ добрый король Людовикъ XII, отецъ своего народа.

Надъ головой короля въ высокой центральной башенкѣ виднѣется циферблатъ часовъ, а высоко надъ нимъ три механическія фигурки, каждая съ молоткомъ въ рукахъ; онѣ отбиваютъ часы, половины и четверти. У центральной фигурки позолоченный нагрудникъ, у двухъ другихъ позолоченныя панталоны, у всѣхъ трехъ изящныя шляпы съ перьями, какъ у рыцарей. Когда подходитъ четверть, человѣчки поворачиваютъ головы и многозначительно переглядываются, потомъ три молотка падаютъ на маленькіе колокольчики внизу. Часовой бой раздается звучно и густо изъ внутренности башни; позолоченные джентльмэны съ удовольствіемъ отдыхаютъ отъ трудовъ.

Я съ громаднымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на движенія рыцарей и старался не пропускать ихъ манипуляцій. Хотя «Сигаретка» и выказывалъ презрѣніе къ моему энтузіазму, но я видѣлъ, что онъ самъ увлекался до извѣстной степени позолоченными человѣчками. Нелѣпо выставлять такія игрушки на крышахъ, подвергая ихъ зимней непогодѣ. Онѣ лучше сохранялись бы въ стеклянномъ ящикѣ передъ нюренбергскими часами. Не дерзко ли ночью, когда дѣти въ постеляхъ и даже взрослые хранятъ подъ стеганными одѣялами, оставлять эти фигурки, позволяя имъ звонить для звѣздъ и плавающей луны. Башенки еще могутъ поднимать свои змѣиныя головы, можетъ и властительница ихъ стоять, какъ центуріонъ старой нѣмецкой картинки, изображающей Via Dolorosa, но игрушки слѣдуетъ прятать въ

ящики съ ватой до восхода солнца, когда дѣти снова выходятъ на улицу.

На почтѣ насъ ждало много писемъ, и на этотъ разъ власти были такъ вѣжливы, что передали ихъ намъ сейчасъ же по простой просьбѣ.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что наше путешествіе окончилось съ этимъ пакетомъ писемъ. Чары разрушились. Мы отчасти вернулись домой. Во время путешествія не слѣдуетъ вести переписки, ужъ и писать-то непріятно, а полученіе писемъ— смерть радостного чувства.

Я ухожу отъ моей страны и отъ себя. Я желаю на нѣкоторое время погрузиться въ новыя условія жизни, какъ въ новую стихію. На нѣкоторое время я отказываюсь отъ моихъ друзей и привязанностей. Уѣзжая, я оставляю сердце дома въ ящикѣ стола или отправляю его впередъ съ моимъ портъ-манто, желая, чтобы оно ждало меня въ назначенномъ мѣстѣ. Когда я окончу путешествіе, то не премину прочитать ваши прелестныя письма съ надлежащимъ вниманіемъ. Но, видите ли, я истратилъ столько денегъ и столько разъ ударилъ весломъ по водѣ единственно ради желанія быть въ чужой странѣ; вы же вашими извѣстіями переносите меня домой. Вы натягиваете шнурокъ, и я чувствую, что я птица на привязи. Вы во всей Европѣ преслѣдуете меня мелкими непріятностями, а я и уѣхалъ-то, чтобы ихъ избѣжать. Война жизни, я знаю, не прекращается, но неужели я не могу получить хотя бы недѣльнаго отпуска?

Въ день нашего отплытія мы встали въ шесть часовъ. На насъ въ отелѣ обращали такъ мало вниманія, что я думалъ, что врядъ ли намъ соблаговолятъ представить счетъ. Но счетъ подали и даже очень вѣжливо, и мы самымъ цивилизованнымъ образомъ заплатили все безкорыстному клерку и ушли изъ гостиницы. Никто не обратилъ вниманія на наши резиновые мѣшки. Никому не было дѣла до насъ. Невозможно встать раньше деревни, но Компьенъ такой большой городъ, что онъ не любитъ безпокоиться утромъ, и мы уже отплыли, когда онъ все еще былъ въ халатѣ и туфляхъ. На улицахъ виднѣлись только люди, мывшіе ступени подъѣздовъ. Никто еще не былъ одѣтъ, кромѣ рыцарей на городскомъ рынкѣ; всѣ они омылись росой, щеголяли въ своей позо-

лотѣ, казались полны разума и чувства профессіональной отвѣтственности. Когда мы проходили мимо нихъ, ихъ молотки пробили половину седьмого. Я нашелъ, что они поступили мило, проводивъ меня этимъ привѣтствіемъ; еще никогда не звонили позолоченые человѣчки лучше, даже въ воскресный полдень.

Никто не смотрѣлъ, какъ мы отплывали, кромѣ раннихъ прачекъ (раннихъ и позднихъ), которыя уже колотили бѣлье въ своей пловучей прачешной на рѣкѣ. Онѣ были очень веселы и свѣжи, храбро погружали руки въ воду и, повидимому, не чувствовали холода. Такое непріятное раннее начало непріятнаго дневного труда привело бы меня въ ужасъ. Но мнѣ кажется, что прачки такъ же неохотно стали бы на наше мѣсто, какъ мы на ихъ. Онѣ столпились у дверей прачешной, чтобы видѣть, какъ мы умчимся въ легкій солнечный туманъ надъ рѣкой, и кричали намъ, пока мы не скрылись подъ мостомъ.

Перемѣнившіяся времена.

Въ извѣстномъ смыслѣ этотъ туманъ такъ и не разсѣялся. Съ этого дня онъ густой пеленой лежитъ въ моей записной книжкѣ. Пока Уаза была маленькой сельской рѣкой, она подносила насъ близко къ дверямъ домовъ, и мы могли разговаривать съ поселянами въ поляхъ. Но теперь, когда она сдѣлалась широка, жизнь, текущая на берегахъ, была вдали отъ насъ. Такая же разница существуетъ между большимъ шоссе и деревенской проселочной дорожкой, которая вьется между садами котэджей. Теперь мы ночевали въ городахъ, гдѣ никто не смущалъ насъ разспросами. Мы вступили въ цивилизованную жизнь, среди которой люди встрѣчаются, не кланяясь другъ другу. Въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ мы извлекаемъ всю пользу, какую только можемъ, изъ каждой встрѣчи, въ городѣ же держимся въ сторонѣ и заговариваемъ съ посторонними, только наступивъ кому-нибудь на ногу. Мы перестали быть птицами залетными и никто не предполагалъ, чтобы мы явились не изъ сосѣдняго города или не откуда-либо еще ближе. Напримѣръ, я помню, какъ мы пришли къ «Острову Адама» и встрѣтили цѣлыя дюжины прогулочныхъ лодокъ, высыпавшихъ на воду подъ вечеръ; между настоящимъ путешественникомъ и любителемъ не было ни малѣйшей разницы, развѣ только та, что мой парусъ былъ очень

грязенъ. Общество одной изъ лодокъ приняло меня за сосѣда. Ну, могло ли случиться что-нибудь болѣе обидное? Вся романическая сторона путешествія исчезла въ эту минуту. Въ верховьяхъ Уазы, гдѣ воду оживляли только рыбы, появленіе двухъ гребцовъ на байдаркахъ не могло объясняться такимъ вульгарнымъ образомъ; мы были странными и живописными путниками. Изъ удивленія крестьянъ рождалась легкая и мимолетная интимность. Въ жизни идетъ непрестанный обмѣнъ, хотя это иногда трудно прослѣдить, потому что десятки людей старше насъ, а и до сихъ поръ съ начала временъ счеты не были сведены. Вы получаете пропорціонально тому, что даете. Пока мы были странными путешественниками, предметами удивленія, за которыми люди бѣгаютъ, какъ за площадными шарлатанами, у насъ также не было недостатка въ развлеченіяхъ. Но едва мы унизились до того, что стали общимъ мѣстомъ, какъ получилась скука для обѣихъ сторонъ. Въ этомъ-то и заключается одна причина изъ дюжины, почему свѣтъ скученъ для скучныхъ людей.

Во время нашихъ прежнихъ приключеній у насъ всегда было какое-нибудь дѣло, и это оживляло насъ. Даже порывы дождя имѣли на насъ оживляющее вліяніе и выводили наши умы изъ оцѣпенѣлаго состоянія. Но теперь, когда рѣка не текла въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а только скользила по направленію къ морю, ровно и одинаково, но незамѣтно, теперь, когда небо неизмѣнно улыбалось намъ изо дня въ день, мы стали погружаться въ золотую дремоту ума, которая нерѣдко наступаетъ послѣ большого движенія на открытомъ воздухѣ. Я не разъ приходилъ въ оцѣпенѣніе; я очень люблю это ощущеніе, но никогда не испытывалъ его въ такой степени, какъ на Уазѣ. Это было апоѳеозомъ отупѣнія.

Мы совершенно перестали читать. Иногда, когда я находилъ новую газету, я съ особеннымъ удовольствіемъ пробѣгалъ отдѣльный эпизодъ печатавшагося въ ней романа, но не могъ выносить болѣе, чѣмъ трехъ отрывковъ подрядъ; даже второй уже приводилъ меня въ отчаяніе. Едва разсказъ дѣлался хотя бы до извѣстной степени послѣдовательнымъ, онъ терялъ для меня всякую цѣну; только отдѣльная сцена или, какъ это бываетъ въ фельетонахъ, полусцена, безъ предшествовавшаго и послѣдующаго событій, имѣла силу занять меня, какъ греза. Чѣмъ менѣе зналъ я изъ романа, тѣмъ болѣе нравился онъ мнѣ. Онъ составлялъ тему

моихъ думъ. Большую же часть времени, какъ я уже сказалъ, ни одинъ изъ насъ не читалъ, и мы употребляли весь тотъ небольшой промежутокъ времени, въ который бодрствовали, т. е. часы между сномъ и обѣдомъ, на разсматриваніе географическихъ картъ. Я всегда очень любилъ карты и могу путешествовать въ атласѣ съ большимъ наслажденіемъ. Названія городовъ необычайно заманчивы; контуры береговъ и линіи рѣкъ чаруютъ глазъ; когда видишь въ дѣйствительности то мѣсто, которое раньше зналъ по картѣ, это производитъ сильное впечатлѣніе. Но въ вечера, о которыхъ я говорю теперь, мы водили пальцами по картамъ съ тупой небрежностью. Мы нисколько не увлекались тѣмъ или другимъ мѣстомъ. Мы смотрѣли на карту, какъ дѣти прислушиваются къ своей болтовнѣ, и читали названія городовъ и деревень, сейчасъ же опять забывая ихъ. Въ насъ не было никакого одушевленія, невозможно было бы найти двухъ болѣе спокойныхъ, равнодушныхъ людей. Если бы вы взяли отъ насъ карту въ ту минуту, когда мы особенно внимательно изучали ее, могу держать пари, что мы продолжали бы съ такимъ же наслажденіемъ смотрѣть на пустой столъ.

Одна вещь увлекала насъ—ѣда. Мнѣ кажется, я обоготворилъ свою утробу. Я помню, какъ въ воображеніи останавливался на томъ или другомъ кушаньи, мечтая о немъ до того, что у меня начинали течь слюни. Задолго до остановки мой аппетитъ превращался въ настойчивое неотвязное мученіе. Иногда мы ставили наши байдарки рядомъ и на ходу обмѣнивались гастрономическими мечтаніями. Въ теченіе многихъ миль въ моей головѣ проносились мечта о тортѣ съ хересомъ; это произведеніе английское, но, конечно, могло достигнуть и Уазы. Однажды, когда мы подходили къ Вербери, «Сигаретка» заставилъ мое сердце подняться къ моимъ губамъ, заговоривъ о паштетѣ изъ устрицъ и о сотернѣ.

Я полагаю, никто изъ насъ не признаетъ той большой роли, которую въ нашей жизни играютъ ѣда и питье. Аппетитъ до того повелѣваетъ нами, что мы можемъ переварить самое простое мясо и съ благодарностью замѣнять обѣдъ хлѣбомъ и водой; точно также есть люди, которымъ необходимо читать что-нибудь, хотя бы гидъ Бредшоу. Но и въ ѣдѣ есть романическая сторона. Вѣроятно, столомъ увлекается большее число людей, нежели любовью, и я увѣренъ, что ѣда гораздо занимательнѣе, нежели

театръ. Думаете ли вы, какъ сказалъ бы Ультъ Уитманъ, что вы менѣе безсмертны отъ этого? Истинный матеріалистъ тотъ, кто стыдится себя. Способность чувствовать запахъ въ прованскомъ маслѣ не меньшая принадлежность человѣческаго совершенства, нежели способность видѣть красоту красокъ заката.

Теперь мы подвигались безъ труда и безъ заботъ. Погружать весло то справа, то слѣва подъ надлежащимъ угломъ, смотрѣть вдоль рѣки, спускать маленькіе пруды, которые собирались на закрытомъ носу байдарки, прищуриваться, чтобы защитить глаза противъ блеска искръ солнца на водѣ, проходить подъ свистящимъ бечевымъ канатомъ баржи «Deo Gratias» или «Четыре Сына», все это не требовало особеннаго искусства. Извѣстные мускулы работали въ состояніи между сномъ и бдѣніемъ, а въ то же время мозгъ отдавался наслажденію отдыха и засыпалъ. Взглядомъ мы охватывали всѣ самыя крупныя принадлежности картины и, полузакрывъ глаза, смотрѣли на рыбаковъ въ блузахъ и полоскавшихся въ водѣ прачекъ. Временами мы просыпались наполовину при видѣ колокольни, церкви, выскочившей изъ воды рыбы или обмотавшейся вокругъ весла гирлянды рѣчной травы, которую нужно было снять и бросить въ воду. Но такія свѣтлыя мгновенія бывали свѣтлы только наполовину. Часть нашего существа призывалась къ дѣятельности, но не все существо. Центральное бюро нервовъ, которое мы въ нѣкоторомъ родѣ называемъ своей личностью, пребывало въ спокойствіи, точно министерство правительства. Большія колеса сознанія лѣниво вращались въ головѣ, какъ крылья мельницы не моловшей муки. Иногда я въ теченіе получаса считалъ удары моего весла и забывалъ сотни. Льщу себя мыслью, что животныя не могутъ превзойти такого низкаго уровня сознанія. А какъ это было пріятно! Какое терпимое настроеніе приносила съ собой полудремота! Ничто не можетъ сравниться съ упоеніемъ человѣка, достигшаго единственнаго апоѳеоза возможнаго для него—апоѳеоза тупости; кажется, будто онъ дѣлается долголѣтнимъ и почтеннымъ, какъ дерево.

Глубину моего усыпленія (я не могу сказать интенсивность его) сопровождало странное метафизическое явленіе. Помимо воли меня занимало то, что философы называютъ «я» и «не я», «ego» и «non ego». Во мнѣ было менѣе «меня» и болѣе «не меня», чѣмъ обыкновенно. Я смотрѣлъ, какъ кто-то другой рабо-

талъ весломъ; замѣчалъ, что чья-то, а не моя нога опиралась на подножку. Мое собственное тѣло, казалось, имѣло ко мнѣ не больше отношенія, нежели байдарка или рѣка, или берега рѣки. Не одно это; что-то въ моемъ умѣ, независимое отъ моего мозга, какая-то область моего собственнаго существа сбросила съ себя подчиненіе и освободилась или же освободила кого-то, работавшаго весломъ. Я сжался, превратился въ крошечное существо въ уголкѣ себя самого. Я уединился въ своей собственной оболочкѣ. Мысли являлись самовольно; это были не мои мысли, и я смотрѣлъ на нихъ, какъ на часть пейзажа. Словомъ, полагаю, что я былъ настолько близокъ къ нирванѣ, насколько это возможно въ практической жизни; и если я не ошибаюсь, то отъ души поздравляю буддистовъ. Это пріятное состояніе, не особенно совмѣстимое съ блескомъ ума, не особенно выгодное въ смыслѣ пріобрѣтенія денегъ, но очень спокойное, восхитительное, удаляющее человѣка отъ любопытства и отъ тревоги. Изобразить подобное состояніе можно, представивъ себѣ человѣка мертвецки напившагося, но вмѣстѣ съ тѣмъ трезво наслаждающагося своимъ опьянѣніемъ. Я думаю, что землепашцы, работающіе на поляхъ, проводятъ большую часть своихъ дней въ этомъ восторженномъ оцѣпенѣніи, которое и служитъ объясненіемъ ихъ спокойствія и выносливости. Ну, не грустно ли тратиться на опіумъ, когда можно получить даромъ еще лучшій рай?

Такое состояніе ума было самымъ великимъ подвигомъ нашего путешествія. Оно составляло дальнѣйшій пунктъ, котораго мы достигли. Дѣйствительно, этотъ пунктъ такъ удаленъ отъ избитыхъ тропинокъ, что я не надѣюсь возбудить симпатію читателя къ моему улыбающемуся кроткому идіотству. Мои идеи порхали, какъ пыль въ солнечномъ лучѣ; деревья, шпицы церквей на берегахъ время отъ времени вырисовывались передо мной точно единственные твердые предметы среди клубящихся облаковъ, а ритмическое движеніе лодки и весла въ водѣ превращалось въ колыбельную пѣсню, которая укачивала меня; кусокъ грязи на носу байдарки представлялъ собой что-то невыносимое, порой же, какъ мой спокойный товарищъ, дѣлался предметомъ моего вниманія. Все время, пока рѣка бѣжала, оба берега измѣнялись, я считалъ удары весломъ и забывалъ сотни и представлялъ собой самое счастливое животное во Франціи.

Внизъ по Уазѣ. Внутри церквей.

Послѣ Компьена мы въ первый разъ остановились въ Понъ-Сентъ-Максансѣ. На слѣдующее утро я вышелъ на улицу вскорѣ послѣ шести часовъ. Воздухъ былъ рѣзокъ; въ немъ чувствовался морозъ. На открытой площади стояло нѣсколько женщинъ и ссорилось, говоря о рынкѣ; ихъ голоса звучали на высокихъ сердитыхъ нотахъ, какъ чириканье воробьевъ въ зимнее утро. Рѣдкіе прохожіе согрѣвали дыханіемъ руки и двигали ногами въ деревянныхъ башмакахъ, чтобы возстановить кровообращеніе. Улицы были наполнены ледяной тѣнью, хотя дымъ трубъ поднимался въ золотистомъ солнечномъ свѣтѣ. Если вы встаете довольно рано въ эту пору года, вы можете подняться съ постели въ декабрѣ, а позавтракать въ іюнѣ.

Я прошелъ къ церкви, потому что въ каждой церкви всегда есть на что посмотрѣть; на живыхъ ли богомольцевъ или же на могилы мертвыхъ людей; если въ ней нѣтъ ничего историческаго, то, конечно, найдется что-нибудь изъ современной жизни. Врядъ ли въ церкви было такъ же холодно, какъ на улицахъ, но казалось еще холоднѣе. Ея бѣлая средняя часть была положительно полярной, и пестрота главнаго алтаря больше обычнаго терялась среди холода и пустоты. Два священника сидѣли на своихъ мѣстахъ, читали и ожидали прихожанъ. Очень старая женщина молилась. Просто удивительно, какъ могла она перебирать четки, когда здоровые молодые люди дышали на ладонь и похлопывали себя по груди. Но больше всего меня приводилъ въ отчаяніе характеръ ея молитвы. Она переходила отъ алтаря къ алтарю, совершая кругосвѣтное плаваніе по церкви. У каждаго алтаря она перебирала четки одинаковое количество разъ и стояла одинаково продолжительное время. Какъ осторожный капиталистъ, старуха съ нѣсколько цинично-коммерческими видами желала помѣстить свои мольбы въ нѣсколько мѣстъ. Она хотѣла заручиться многими посредниками, чтобы они молили за нее Верховный Судъ. Ни одного изъ святыхъ или ангеловъ не дѣлала она своимъ избраннымъ заступникомъ.

Я никогда не видывалъ болѣе мертвенной старухи; она вся состояла только изъ страннаго соединенія костей и пергаментной кожи. Ея глаза, смотрѣвшіе вопросительно на меня, были без-

смысленны. Можетъ быть, ее слѣдовало назвать слѣпой; впрочемъ, это зависитъ отъ понятія о слѣпотѣ. Быть можетъ, она когда-нибудь любила, рождала дѣтей, няньчила ихъ, называла ихъ ласковыми именами. Но теперь все это исчезло и не сдѣлало старухи ни счастливѣе, ни умнѣе. По утрамъ ей оставалось только приходить въ холодную церковь и выпрашивать кусочекъ небесъ. Задыхаясь, выскочилъ я на улицу въ рѣзкій воздухъ. Утро! Какъ устанетъ старуха до вечера. А если она не спитъ, что тогда? Хорошо, что немногимъ изъ насъ приходится выставлять на видъ нашу жизнь, когда мы достигаемъ семи десятковъ лѣтъ; хорошо, что очень многіе получаютъ ударъ въ голову во-время, что называется, въ расцвѣтѣ лѣтъ, и уходятъ куда-то тайно страдать за свои безумія. Иначе между больными дѣтьми и недовольными стариками мы потеряли бы всякое понятіе о жизни.

Въ теченіе этого дня мнѣ пришлось примѣнять къ себѣ всю мою мозговую гигіену; старуха застряла у меня въ горлѣ. Но вскорѣ я очутился на седьмомъ небѣ отупѣнія, чувствуя только, что кто-то гребъ на байдаркѣ въ то время, какъ я считалъ его удары весломъ, забывая сотни. Иногда мнѣ дѣлалось страшно, что я запомню сотни и удовольствіе превратится въ дѣло, но мой ужасъ оказывался химерой; точно по мановенію волшебства, сотни исчезали изъ моей головы, и я не больше разсуждалъ о моихъ занятіяхъ, чѣмъ человѣкъ, смотрящій съ луны.

Въ Крейлѣ, гдѣ мы остановились, чтобы позавтракать, мы оставили байдарки на плавучей прачешной, которая, такъ какъ уже наступилъ полдень, была занята толпой прачекъ съ красными руками и громкими голосами. Только этихъ прачекъ и ихъ безцеремонныя шутки и помню я изо всего Крейля. Если вы пожелаете, я могу заглянуть въ мои историческія книги и сказать вамъ двѣ, три цифры, потому что этотъ городъ часто фигурировалъ въ англійскихъ войнахъ, но я предпочитаю упомянуть только о женскомвъ закрытомъ училищѣ, которое заинтересовало насъ потому, что оно было женскимъ закрытымъ училищемъ, а также и потому, что намъ представилось, что мы заинтересовали его обитательницъ. Словомъ, въ саду были дѣвушки, а на рѣкѣ мы; и когда мы миновали ограду, въ воздухѣ поднялось нѣсколько бѣлыхъ платковъ. Мое сердце забилось, а между тѣмъ до чего мы, я и эти дѣвушки, надоѣли бы другъ другу и стали бы презирать другъ друга, если бы встрѣтились во время крокетной пар-

тіи. Я именно люблю послать воздушный поцѣлуй или помахать платкомъ существамъ, которыхъ я не увижу никогда на свѣтѣ, я люблю играть съ возможностью, такъ сказать, вбивать гвозди, на которые не трудно повѣсить гирлянды фантазіи. Это слегка встряхиваетъ путника, напоминаетъ ему, что не вездѣ онъ путешественникъ, и что его странствіе только сіеста во время настоящаго движенія жизни.

Церковь въ Крейлѣ неописуемое мѣсто. Ее заливалъ веселый свѣтъ изъ оконъ; украшена она медальонами съ изображеніемъ скорбнаго пути. Одно изъ множества ex voto мнѣ очень понравилось: со свода висѣла правильно сдѣланная модель баржи, съ пожеланіемъ, чтобы Богъ довелъ «Св. Николая» изъ Крейля благополучно до пристани. Барка сдѣлана очень отчетливо и привела бы въ восторгъ мальчишекъ, играющихъ на берегу. Больше всего меня поразила глубина опасности, которой остерегались люди, повѣсившіе эту баржу. Вы можете повѣсить модель корабля, прекрасно; онъ бороздитъ море кругомъ всего свѣта, посѣщаетъ тропики или холодные полюсы, подвергается опасностямъ. Но «Св. Николай» изъ Крейля будетъ двигаться лѣтъ десять при помощи терпѣливыхъ бечевыхъ лошадей по травянистому каналу, подъ вѣтвями трепещущихъ тополей и подъ управленіемъ дремлющаго шкипера; онъ будетъ совершать всѣ рейсы среди зелени, въ зеленыхъ берегахъ и никогда во всѣхъ своихъ странствіяхъ не потеряетъ изъ виду какой-нибудь деревенской колокольни; неужели же вы думаете, что и этого нельзя сдѣлать безъ вмѣшательства Провидѣнія? Быть можетъ, шкиперъ былъ юмористомъ, быть можетъ, пророкомъ и хотѣлъ этимъ примѣромъ напомнить народу о серьезныхъ сторонахъ жизни?

Въ Крейлѣ, какъ и въ Нуайонѣ, св. Іосифъ казался любимымъ святымъ за то, что онъ пунктуально исполнялъ просьбы богомольцевъ. Благодарный народъ обозначалъ на таблеткѣ съ ex voto день и часъ, въ которые молитвы были услышаны. Если время имѣетъ значеніе, св. Іосифъ самый лучшій посредникъ. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, что онъ чтится во Франціи, потому что у насъ онъ играетъ ограниченную роль. Однако, я невольно боюсь, что тамъ, гдѣ святой такъ прославляется за свою точность, люди ждутъ и отъ него благодарности.

Для насъ, протестантовъ, все это кажется пустымъ ребяче-

ствомъ. Будетъ ли благодарность людей за хорошіе дары, полученные ими, умно задумана и какъ слѣдуетъ выражена—дѣло второстепенное; главное, чтобы они чувствовали благодарность.

Истинный невѣжда—человѣкъ, не знающій, что дарованное ему—благой даръ, или воображающій, что онъ самъ добылъ себѣ его. Человѣкъ, самъ создавшій себѣ положеніе и гордящійся этимъ, въ сущности пустой хвастунъ. Есть значительная разница между созданіемъ свѣта среди хаоса и зажиганіемъ газа въ гостиной при помощи коробочки патентованныхъ спичекъ; какъ хотите, въ послѣднемъ случаѣ не все создано нами, напримѣръ, наши собственные пальцы.

Въ Крейльской церкви было нѣчто еще худшее, нежели ex voto, а именно объявленія «Ассоціаціи Живыхъ Четокъ» (о которой я никогда прежде не слыхалъ). Эта ассоціація, по словамъ напечатаннаго объявленія, основана письмомъ папы Григорія XVI, 16 января 1832 г.; согласно же раскрашенному барельефу, ее учредила сама св. Дѣва, давъ однѣ четки св. Доминику, въ то время какъ младенецъ Спаситель далъ другія св. Екатеринѣ Сіенской. Папа Григорій не такъ внушителенъ, но онъ ближе. Я не могъ вполнѣ понять, занимается ли ассоціація только молитвой или имѣетъ въ виду и добрыя дѣла. Какъ бы то ни было, она очень хорошо организована. Каждую недѣлю четырнадцать матронъ и молодыхъ дѣвушекъ принимаютъ на себя обязанности членовъ ассоціаціи. Одна обыкновенно замужняя женщина выбирается какъ Zélatrice (соревновательница) и стоитъ во главѣ. Въ награду за исполненіе обязанностей ассоціаціи слѣдуютъ индульгенціи полныя или частныя. «Частныя индульгенціи выдаются послѣ читанія четокъ». «За прочтеніе требуемой dizaine» сейчасъ же выдается частная индульгенція. Когда люди служатъ царству небесному со счетной книжкой въ рукахъ, я всегда боюсь, что они внесутъ то же коммерческое направленіе и въ свои отношенія съ братьями-людьми, и это превратитъ жизнь въ нѣчто печальное и непривлекательное.

Но въ правилахъ ассоціаціи есть одна болѣе утѣшительная статья: «Эти индульгенціи могутъ быть примѣняемы и къ душамъ въ чистилищѣ». Ради Бога, дамы ассоціаціи, поскорѣе примѣните всѣ индульгенціи, безъ исключенія, къ душамъ въ чистилищѣ! Борнсъ не бралъ гонорара за свои послѣднія пѣсни, онъ предпочиталъ служить родинѣ безкорыстно. Что, если бы вы,

mesdames, послѣдовали его примѣру и отказались отъ индульгенцій, выданныхъ вамъ въ пользу томящихся въ чистилищѣ душъ? Вѣдь если онѣ, эти души, не получатъ особеннаго облегченія отъ вашего великодушія, то, во всякомъ случаѣ, оно не повредитъ никому въ Крейлѣ на Уазѣ; въ чистилищѣ не получили бы значительно облегченія, но и души въ Крейлѣ на Уазѣ не почувствовали бы себя отъ этого хуже ни въ этой жизни, ни потомъ.

Набрасывая эти замѣчанія, я невольно думаю, можетъ ли человѣкъ, рожденный и воспитанный въ протестанской религіи, понимать католическіе внѣшніе символы, отдавать имъ должную справедливость? По совѣсти говорю: нѣтъ. Вѣрующимъ они не могутъ казаться такими непривлекательными и пустыми, какъ мнѣ. Я вижу это такъ же ясно, какъ геометрическое предложеніе Эвклида. Вѣдь эти вѣрующіе не слабы духомъ и не злы. Они могутъ вывѣшивать свои таблетки, прославляющія св. Іосифа за его точность, точно онъ попрежнему деревенскій плотникъ; они могутъ читать «установленную dizaine» и, выражаясь метафорически, класть въ карманъ индульгенцію, точно вступивъ съ небомъ въ сдѣлку; и въ то же время, выйдя изъ церкви, не смущаясь смотрѣть на чудную рѣку, протекающую мимо нихъ, безъ стыда поднимать голову къ звѣздамъ, которыя сами по себѣ міры, полные текущихъ рѣкъ, болѣе роскошныхъ, чѣмъ Уаза. Я вижу, повторяю, такъ же ясно, какъ предложеніе геометріи Эвклида, что ихъ міровоззрѣніе недоступно моему протестантскому уму, что во всемъ кажущемся мнѣ уродствомъ кроется болѣе высокій, болѣе религіозный смыслъ, нежели я думаю.

Не знаю, будутъ ли другіе такъ же снисходительны ко мнѣ, какъ я къ людямъ. Какъ дамы Крейля, я, прочитавъ мои четки терпимости, ожидаю немедленной индульгенціи.

Преси и маріонетки.

Ко времени заката мы были въ Преси. Вся долина покрыта роскошными купами тополей. Уаза течетъ подъ откосомъ холма, образуя широкую, блестящую дугу. Легкій туманъ поднимался отъ рѣки и началъ сливать разстоянія между предметами. Стояла полная тишина; слышались только колокольчики овецъ, пасшихся гдѣ-то на лугу, да грохотъ колесъ телѣги, которая съѣз-

жала съ горы. Виллы въ садахъ, лавки вдоль дороги, все, казалось, опустѣло наканунѣ и мнѣ невольно хотѣлось итти осторожно, какъ идешь въ молчаливомъ лѣсу. Вдругъ мы завернули за уголъ и увидали лужокъ кругомъ церкви, а на немъ рой дѣвушекъ въ парижскихъ костюмахъ; онѣ играли въ крокетъ. Ихъ смѣхъ и глухіе удары молотковъ о шары весело раздавались; взглядъ на фигуры, затянутыя въ корсеты, украшенныя лентами, взволновалъ наши сердца. Казалось, мы были въ двухъ шагахъ отъ Парижа. Наконецъ-то мы видѣли женскія существа нашей породы, игравшія въ крокетъ, точно Преси былъ городъ въ реальной жизни, а не составлялъ части волшебной страны путешествія. Говоря откровенно, крестьянку почти нельзя и считать женщиной, а мы очень долгое время встрѣчали только созданія въ грубыхъ юбкахъ, существа, которыя суетились, кричали и готовили обѣды, а потому теперь это общество кокетокъ во всеоружіи произвело на насъ странное впечатлѣніе и сразу убѣдило, что мы слабые мужчины.

Гостиница въ Преси худшая гостиница во всей Франціи. Даже въ Шотландіи не подавали мнѣ никогда худшаго кушанья. Ее держали братъ и сестра, оба не совершеннолѣтніе. Сестра, такъ сказать, приготовила для насъ кушанье. Братъ, который сильно выпилъ, шатаясь вошелъ въ комнату и привелъ съ собой пьянаго мясника, чтобы занять насъ, пока мы ѣли. Намъ подали куски слегка подогрѣтой свинины въ салатѣ и какое-то неизвѣстное вещество въ рагу. Мясникъ занималъ насъ разсказами о парижской жизни, съ которой онъ, по его словамъ, былъ хорошо знакомъ. Братъ сидѣлъ на краю билліарднаго стола, сильно качаясь и соса окурокъ сигары. Въ разгарѣ этихъ развлеченій раздался звукъ барабановъ, и хриплый голосъ началъ говорить рѣчь. Пришелъ содержатель маріонетокъ, объявившій, что вечеромъ будетъ представленіе.

Онъ расположилъ свой баракъ па другой сторонѣ лужка дѣвушекъ, подъ однимъ изъ тѣхъ открытыхъ навѣсовъ, которые такъ часто во Франціи защищаютъ рынки. Когда мы подошли къ навѣсу, содержатель театра и его жена пытались привести слушателей въ порядокъ.

Происходилъ нелѣпый споръ. Комедіанты поставили нѣсколько скамеекъ, и всѣ, сидѣвшіе на нихъ, должны были платить по два су за удобство; скамьи были совершенно полны пока

ничего не происходило. Но едва жена хозяина куколъ появилась, чтобы собрать деньги, и раздавались первые удары ея тамбурина, какъ всѣ зрители вскакивали съ мѣстъ и останавливались кругомъ, заложивъ руки въ карманы. Такое поведеніе, конечно, вывело бы изъ себя и ангела. Содержатель маріонетокъ кричалъ со сцены; онъ былъ во всей Франціи, и нигдѣ, нигдѣ, даже близъ границъ Германіи, не встрѣчалъ такого ужаснаго поведенія, такихъ воровъ, мошенниковъ и негодяевъ! Время отъ времени выходила и его жена и прибавляла къ тирадѣ мужа нѣсколько ѣдкихъ замѣчаній. Въ этомъ случаѣ я, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ, до чего женскій мозгъ обиленъ матеріаломъ для оскорбленій. Зрители хохотали, слыша воззваніе комедіанта, но подъ градомъ язвительныхъ выходокъ его жены они возмущались и громко протестовали. Она затрогивала ихъ самыя болѣзненныя струны. Она держала въ своихъ рукахъ честь всей деревни. Изъ толпы раздавались сердитые голоса, но она бросала сильныя возраженія. Двѣ старушки, бывшія подлѣ меня и заплатившія за мѣста, страшно раскраснѣлись и громко говорили между собою о нахальствѣ фигляровъ. Едва жена содержателя маріонетокъ услышала ихъ разсужденія, какъ бросилась къ нимъ съ налета. Если medames уговорятъ своихъ сосѣдей дѣйствовать честно, фигляры будутъ съ ними вѣжливы, увѣряла она; mesdames, вѣроятно, кушали сегодня супъ и можетъ быть, выпили по стакану вина? Фиглярамъ тоже хотѣлось бы супу и имъ непріятно, что у нихъ на глазахъ крадутъ ихъ маленькій заработокъ. Однажды дѣло дошло до стычки между содержателемъ театра и мальчишками; содержатель маріонетокъ сейчасъ же полетѣлъ на землю такъ поспѣшно, точно былъ одной изъ его куколъ; это вызвало взрывъ хохота.

Все происходившее очень удивило меня, потому что я отлично знаю французскихъ, болѣе или менѣе артистическихъ бродягъ, и всегда видѣлъ, какъ ихъ любятъ. Каждый бродячій артистъ долженъ быть дорогъ здравому человѣку, хотя бы какъ живой протестъ противъ душныхъ конторъ и меркантильности; иногда они напоминаютъ намъ, что жизнь можетъ быть и не тѣмъ во что мы по большей части превращаемъ ее. Даже когда нѣмецкая труппа рано утромъ уходитъ изъ города, отправляясь странствовать по селамъ среди лѣсовъ и луговъ, она оставляетъ въ воображеніи романическій ароматъ. Нѣтъ ни одного человѣка,

не достигшаго тридцати лѣтъ, настолько мертваго, чтобы его сердце не дрогнуло въ груди при видѣ цыганскаго лагеря. Мы не всѣ ремесленники или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ. Въ человѣчествѣ до сихъ поръ еще есть жизнь, и молодежь находитъ время отъ времени возможность вставить слово презрѣнія къ богатству, иногда бросаетъ хорошее положеніе, чтобы уйти бродить съ сумкой за плечами.

Англичанину всегда легко разговориться съ французскимъ гимнастомъ, потому что Англія естественная родина гимнастовъ. Всякій малый, затянутый въ трико и осыпанный блестками, конечно, знаетъ слова два по-англійски, такъ какъ, навѣрно, онъ пилъ англійскіе aff-n-aff *) и, можетъ быть, давалъ свои представленія въ англійскихъ кафэ-шантанахъ. По профессіи онъ мой соотечественникъ. Какъ бельгійскій спортсмэнъ, онъ сейчасъ же воображаетъ, что я самъ долженъ быть атлетомъ.

Но гимнастъ не мой любимецъ—въ веществѣ, изъ котораго онъ созданъ, слишкомъ мало артистическаго. По большей части его душа узка и прикрѣплена къ землѣ, потому что его профессія не затрогиваетъ ея и не пріучаетъ его къ высокимъ идеямъ. Если же человѣкъ хотя бы настолько принадлежитъ къ числу актеровъ, что можетъ кое-какъ сыграть маленькій фарсъ, новый потокъ идей дѣлаетъ его свободнымъ человѣкомъ; ему есть о чемъ подумать, кромѣ денежнаго ящика. У него своеобразная гордость и, что еще гораздо важнѣе, передъ нимъ есть цѣль, которой онъ никогда не достигнетъ вполнѣ. Онъ отправился въ паломничество, которое продлится всю его жизнь; въ этомъ паломничествѣ нѣтъ конца, такъ какъ совершенство недостижимо. Артистъ старается ежедневно понемногу совершенствоваться въ своемъ искусствѣ или, даже бросивъ эту попытку, вѣчно помнитъ, что когда-то у него былъ высокій идеалъ, что когда-то онъ любилъ звѣзду. «Лучше любить и погибнуть». Хотя бы луна не отвѣчала Эндиміону и хотя бы Эндиміону пришлось спуститься къ свинопасу и откормленнымъ свиньямъ, неужели вы думаете, что онъ до конца дней не двигался бы съ большей граціей и не лелѣялъ бы болѣе высокихъ мыслей, нежели остальные люди? Олухи, которыхъ онъ встрѣчаетъ въ церкви, не думаютъ ни о чемъ болѣе

*) Half-and-half, буквально: половина и половина,—смѣсь эля и портера, поровну. *Прим. перев.*

высокомъ, нежели свиныя рыла, въ сердцѣ же Эндиміона есть воспоминаніе, которое, какъ волшебное зелье, сохраняетъ его свѣжимъ и гордымъ.

На всякаго человѣка, хотя бы слегка причастнаго къ искусству, ложится прекрасный отпечатокъ. Я помню, какъ однажды обѣдалъ въ гостиницѣ «Замокъ Лондонъ». Большинство общества, несомнѣнно, принадлежало къ классу торговцевъ, нѣкоторые къ классу крестьянъ, но между ними былъ одинъ молодой человѣкъ въ блузѣ, лицо котораго поразительнымъ образомъ выдавалось изъ числа остальныхъ. Оно казалось законченнѣе; изъ него смотрѣло больше души; на немъ лежало живое, яркое выраженіе, глаза молодого человѣка смотрѣли наблюдательнымъ взглядомъ. Мой товарищъ и я долго раздумывали, кто бы онъ могъ быть. Въ «Замкѣ Лондонъ» была ярмарка, и когда мы отправились къ балаганамъ, то получили отвѣтъ на нашъ вопросъ, такъ какъ увидѣли, что нашъ молодой человѣкъ усердно игралъ на скрипкѣ танцы для крестьянъ. Онъ былъ странствующій скрипачъ.

Однажды въ ту гостиницу, въ которой я жилъ, въ департаментѣ Сены и Марны, пришла странствующая труппа. Ее составляли: отецъ, мать, двѣ дочери, загорѣлыя краснощекія дѣвушки, которыя пѣли и играли на сценѣ, не зная ни того, ни другого искусства, и смуглый молодой человѣкъ, походившій на наставника, возмутившійся маляръ, который недурно пѣлъ и игралъ. Душой труппы была мать, если только душой можетъ быть такое собраніе несообразностей и невѣжества; ея мужъ не находилъ словъ, чтобы выразить свое восхищеніе ея комическимъ талантомъ.

— Вамъ бы слѣдовало посмотрѣть, какъ моя старушка играетъ,—сказалъ онъ и покачалъ своимъ одувшимся отъ пива лицомъ.

Вечеромъ они играли на дворѣ при свѣтѣ пылающихъ лампъ; это было жалкое представленіе, холодно принятое деревенскими зрителями. На слѣдующій вечеръ, едва зажгли лампы, полилъ сильный дождь, и актерамъ пришлось наскоро собирать свой багажъ и бѣжать въ сарай, гдѣ они жили. Они измокли, озябли, остались безъ ужина. На слѣдующее утро мой дорогой другъ, такъ же любившій бродячихъ артистовъ, какъ я, собралъ для нихъ маленькую сумму и послалъ ее имъ черезъ меня, чтобы

нѣсколько смягчить ихъ огорченіе. Я передалъ отцу деньги; онъ отъ души поблагодарилъ меня, и мы вмѣстѣ съ нимъ выпили по чашкѣ чаю въ кухнѣ, говоря о дорогахъ, о зрителяхъ и о тяжелыхъ временахъ.

Когда я уходилъ, мой комедіантъ поднялся со шляпой въ рукѣ.

— Я боюсь,—сказалъ онъ,—что monsieur сочтетъ меня попрошайкой, но у меня есть къ нему еще одна просьба.—Въ эту минуту я возненавидѣлъ его.—Мы опять играемъ сегодня вечеромъ,—продолжалъ актеръ.—Конечно, я откажусь отъ денегъ monsieur и его друзей, которые уже были такъ щедры. Но сегодняшняя наша программа дѣйствительно хороша, и я надѣюсь, что monsieur почтитъ насъ своимъ присутствіемъ.—И, пожавъ плечами, онъ прибавилъ съ улыбкой:—Monsieur понимаетъ тщеславіе артиста.

Скажите на милость, тщеславіе артиста! Такого рода вещи мирятъ меня съ жизнью: оборванный, жалкій, невѣжественный бродяга съ манерами джентльмэна, и тщеславіе артиста, которое поддерживаетъ самоуваженіе!

Но больше всего мнѣ по сердцу г-нъ Воверсенъ. Я въ первый разъ видѣлъ его два года тому назадъ и надѣюсь, что опять часто буду встрѣчать его. Вотъ его первая программа, которую я нашелъ у себя на столѣ за завтракомъ и храню съ тѣхъ поръ, какъ реликвію свѣтлыхъ дней:

Mesdames et Messieurs!

Mademoiselle Ferrario et m-r de Vauversin auront l'honneur de chanter ce soir les morceaux suivants:

Mademoiselle Ferrario chantera: — Mignon. — Oiseaux Légers.—France. — Des français dorment là. — Le château bleu.—Où voulez vous aller?

M-r de Vauversin:—Madame Fontaine et m-r Robinet.—Les plongeurs à cheval.—Le mari mécontent.—Tais-toi, gamin.—Mon voisin l'original.—Heureux comme ça.—Comme on est trompé *).

---

*) Милостивые государыни и государи!

Мадмуазель Фераріо и г-нъ де-Воверсенъ будутъ имѣть честь сегодня вечеромъ исполнить слѣдующіе номера:

Мадемуазель Фераріо пропоетъ:—Миньона.—Прошу васъ птички объ

Они устроили подмостки въ одномъ концѣ столовой. И какой видъ былъ у г-на де-Воверсена въ то время, какъ онъ съ папиро̀ской въ зубахъ пощипывалъ гитару и слѣдилъ за глазами мадмуазель Ферарію послушнымъ взглядомъ собаки. Такія развлеченія стоятъ на одной степени съ томболой или покупкой лотерейныхъ билетовъ; они прекрасное удовольствіе со всѣмъ возбужденіемъ игры и безъ надежды на выигрышъ, вселяющій въ васъ стыдъ за вашу горячность. Вѣдь въ этомъ случаѣ для васъ все проигрышъ. Вы то-и-дѣло опускаете руку въ карманъ; люди состязаются, кто больше истратитъ денегъ въ пользу г-на де-Воверсена и мадмуазель Феราріо.

Г-нъ де-Воверсенъ маленькій человѣчекъ съ большой черноволосой головой. Лицо его живо и привѣтливо; улыбка имѣла бы замѣчательную привлекательность, будь его зубы получше. Когда-то онъ былъ актеромъ въ Шателе, но, заболѣвъ нервнымъ разстройствомъ отъ жары и яркаго свѣта рампы, онъ покинулъ сцену. Во время этого кризиса мадмуазель Феราріо или Рита изъ Алькaзара согласилась раздѣлить его скитанія. «Я не могъ забыть великодушіе этой женщины», сказалъ онъ. Г-нъ де-Воверсенъ носитъ такія узкія панталоны, что всѣ знающіе его долго ломали голову, какъ онъ надѣваетъ и снимаетъ ихъ. Онъ немного пишетъ акварелью, сочиняетъ стихи; онъ самый терпѣливый рыбакъ на свѣтѣ и проводитъ долгіе дни въ глубинѣ сада гостиницы, безплодно забрасывая удочку въ свѣтлую рѣку.

Послушали бы вы, какъ онъ разсказываетъ о случаяхъ изъ своей жизни за бутылкою вина. Онъ такъ хорошо, такъ охотно говоритъ, улыбаясь надъ собственными злоключеніями, время отъ времени впадая въ серьезность, какъ человѣкъ, слышащій прибой надъ пучиной, потому что, можетъ быть, не далѣе, какъ вчера его сборъ достигъ только полутора франка на покрытіе трехъ франковъ дорожныхъ издержекъ и двухъ, ушедшихъ на плату за комнату и ѣду. Мэръ, человѣкъ съ милліоннымъ состо-

---

одномъ.—Франція.—Французы, спящіе тамъ.—Синій замокъ.—Куда хотите вы итти?

Г-нъ де-Воверсенъ исполнитъ:—Г-жа Фонтенъ (водоемъ) и г-нъ Робине (кранъ).—Пловцы на лошади.—Недовольный мужъ.—Молчи, мальчишка.—Мой сосѣдъ-чудакъ.—Счастливый такимъ образомъ.—Какъ бываютъ обмануты.

яніемъ, сидѣлъ противъ сцены и все время апплодировалъ мадмуазель Фераріо, а между тѣмъ заплатилъ только три су. Мѣстныя власти такъ дурно смотрятъ на странствующихъ артистовъ. Увы, я хорошо знаю это, такъ какъ меня самого приняли однажды за бродячаго актера и посадили въ тюрьму въ силу недоразумѣнія. Однажды г-нъ де-Воверсенъ былъ у полицейскаго коммиссара, чтобы попросить у него разрѣшенія пѣть. Коммиссаръ, курившій при входѣ пѣвца, вѣжливо снялъ шляпу «Г-нъ коммиссаръ,—началъ Воверсенъ,—я артистъ». Шляпа коммиссара отправилась на прежнее мѣсто. Товарищи Аполлона не удостоиваются вѣжливости. «Ихъ унижаютъ вотъ такъ», сказалъ г-нъ де-Воверсенъ, ударивъ по папироскѣ.

Но больше всего мнѣ понравился взрывъ его чувства, когда однажды мы цѣлый вечеръ говорили о непріятностяхъ, униженіяхъ его бродячаго существованія. Кто-то замѣтилъ, что было бы пріятнѣе имѣть милліонъ, и мадмуазель Фераріо сказала, что она промѣняла бы свою жизнь на жизнь милліонерши.

— Eh bien, moi non, я нѣтъ!—крикнулъ де-Воверсенъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Кто больше меня неудачникъ? У меня было искусство, въ которомъ я шелъ хорошо, не хуже другихъ, а теперь оно закрыто для меня. Я принужденъ разъѣзжать, собирая мѣдныя монеты и распѣвая разныя глупости. Но неужели вы думаете, что я недоволенъ существованіемъ? Неужели вы думаете что я предпочелъ бы сдѣлаться жирнымъ буржуа, спокойнымъ, какъ откормленный теленокъ? Нѣтъ, нѣтъ. Иногда мнѣ апплодировали на сценѣ, и это не волновало меня. Но порой, въ тѣ разы, когда въ залѣ не раздавалось ни хлопка, я самъ чувствовалъ, что нашелъ правильную интонацію или выразительный жестъ, и тогда, господа, я понималъ, что значитъ хорошо выполнить свою задачу, что значитъ быть артистомъ. Тотъ, кто знаетъ, что такое искусство, имѣетъ вѣчный интересъ въ жизни, и такой, какого не переживаетъ буржуа въ своихъ меркантильныхъ понятіяхъ. Tenez, messieur, je vais vous le dire—это похоже на религію.

Таково было исповѣданіе вѣры г-на де-Воверсена; конечно, я привелъ его съ нѣкоторыми отступленіями, зависящими отъ недостатка памяти и неточности перевода. Я назвалъ Воверсена его собственнымъ именемъ, чтобы другой странникъ, если онъ встрѣтитъ этого милаго артиста съ его гитарой, папироской и мадмуа-

зель Ферарiо, узналъ его. Вѣдь каждый съ восторгомъ почтитъ этого несчастливаго и вѣрнаго послѣдователя музъ. Да пошлетъ ему Аполлонъ до сихъ поръ невѣдомыя риѳмы! Да не будетъ рѣка болѣе скупиться, пряча отъ его удочки своихъ серебристыхъ рыбъ! Да не будетъ холодъ щипать его во время долгихъ зимнихъ переѣздовъ, или деревенскiя власти оскорблять невѣжливыми манерами! Да не потеряетъ онъ никогда мадмуазель Ферарiо, за которой слѣдитъ внимательными глазами, аккомпанируя ей на гитарѣ!

Марiонетки были жалкимъ развлеченiемъ. Онѣ сыграли пьесу подъ названiемъ «Пирамъ и Тизба» въ пяти смертельно длинныхъ актахъ, написанныхъ александрiйскими стихами, такими же длинными, какъ сами дѣйствующiя лица. Одна марiонетка была королемъ, другая дурнымъ совѣтчикомъ, третья, одаренная изумительной красотой, изображала Тизбу; кромѣ того, на сценѣ являлись стражники, жестокiе отцы и странствующiе джентльмены. Въ теченiе двухъ-трехъ актовъ, которые я смотрѣлъ, не случилось ничего особеннаго, но вы съ удовольствiемъ услышите, что единство было соблюдено, и пьеса, за однимъ исключенiемъ, подчинялась всѣмъ классическимъ правиламъ. Это исключенiе составлялъ комическiй крестьянинъ, худая марiонетка въ деревянныхъ башмакахъ. Кукла говорила прозой на простонародномъ языкѣ, очень нравившемся зрителямъ. Крестьянинъ обращался черезмѣрно свободно съ личностями своего государя, билъ товарищей-марiонетокъ въ лицо деревянными башмаками и въ то время, когда на сценѣ не бывало ни одного изъ ухаживателей Тизбы, говорящихъ стихами, комической прозой признавался ей въ любви.

Игра этого малаго и маленькiй прологъ, въ которомъ содержатель кукольнаго театра юмористически хвалилъ свою труппу, прославляя актеровъ за ихъ полное равнодушiе къ апплодисментамъ и свисткамъ и за ихъ преданность искусству, только и вызвали мою улыбку. Но обитатели Преси, казалось, были въ восторгѣ. Дѣйствительно, если вамъ показываютъ что-либо, за что вы заплатили, вы почти навѣрно останетесь довольны. Если бы съ васъ брали плату за право смотрѣть на закаты солнца, или если бы Богъ посылалъ вѣстниковъ съ барабанами передъ расцвѣтомъ боярышниковъ, какъ много говорили бы мы о красотѣ тѣхъ и другихъ. Но мы привыкаемъ къ этимъ явленiямъ, какъ

къ хорошимъ товарищамъ; глупые люди скоро перестаютъ замѣчать ихъ, и торгашъ, въ широкомъ значеніи этого слова, ѣдетъ и не видитъ цвѣтовъ, красующихся вдоль дороги, или красоты неба надъ головой.

Обратно въ свѣтъ.

О томъ, что случилось во время двухъ послѣдовавшихъ за тѣмъ дней, у меня остается мало въ умѣ и почти ничего въ моей записной книжкѣ. Рѣка спокойно катилась между прибрежными пейзажами. Прачки въ синихъ платьяхъ и рыбаки въ синихъ блузахъ одни разнообразили зеленые берега; смѣшеніе этихъ двухъ цвѣтовъ казалось соединеніемъ листьевъ и цвѣтовъ незабудки. Симфонія незабудокъ. Я думаю, Теофиль Готье могъ бы такъ характеризовать двухдневную панораму, проходившую передъ нашими глазами. Небо было чисто и безоблачно, и въ спокойныхъ мѣстахъ поверхность рѣки служила зеркаломъ для неба и береговъ. Прачки весело окликали насъ, а шелестъ деревьевъ и шумъ воды служили аккомпаниментомъ нашей дремоты.

Величина рѣки и ея неутомимое стремленіе сковывали нашъ умъ. Теперь она казалась увѣренной, спокойной и сильной, точно взрослый рѣшительный человѣкъ. Валы прибоя шумѣли, ожидая ее на отмеляхъ Гавра.

Скользя въ моей байдаркѣ, походившей на скрипичный ящикъ, я также уже чувствовалъ близость моего океана. Каждый цивилизованный человѣкъ, рано или поздно, начинаетъ жаждать цивилизаціи. Мнѣ надоѣло грести, мнѣ надоѣло жить внѣ жизни, мнѣ захотѣлось погрузиться въ нее, захотѣлось работать; мнѣ захотѣлось видѣть людей, которые понимали бы мою рѣчь, стояли бы со мной на равной ногѣ и смотрѣли на меня, какъ на человѣка, а не какъ на рѣдкость.

Письмо, полученное въ Понтуазѣ, заставило насъ рѣшиться, и мы въ послѣдній разъ вытащили наши байдарки изъ Уазы, которая долгое время несла ихъ на себѣ подъ дождемъ и солнечнымъ свѣтомъ. Столько миль это жидкое безногое возовое животное было связано съ нашей судьбой, и отвернувшись отъ него, мы почувствовали ощущеніе разлуки. Мы удалились отъ свѣта, странствовали внѣ его, теперь же снова вернулись въ знакомыя мѣста, въ которыхъ сама жизнь несетъ насъ, и намъ не нужно

ударять весломъ, чтобы сталкиваться съ приключеніями. Теперь намъ предстояло увидѣть, какія усовершенствованія произошли за наше отсутствіе кругомъ насъ, какія неожиданности караулили насъ дома, и куда, и какъ пропутешествовалъ свѣтъ. Можно грести цѣлый день, но, вернувшись вечеромъ домой и заглянувъ въ знакомую комнату, видишь, что у очага тебя поджидаетъ любовь или смерть. И, право, не тѣ приключенія, за которыми отправляемся мы,—самыя лучшія!

ЭПИЛОГЪ

къ «Путешествію внутрь страны»

Переводъ *Я. І. Ясинскаго.*

Мѣстность, гдѣ они теперь путешествовали, зеленая, освѣжаемая вѣтеркомъ долина Луана, способна плѣнить людей жизнерадостныхъ и одинокихъ. Погода стояла великолѣпная: по ночамъ гремѣлъ громъ, сверкала молнія, и дождь лилъ потоками; а днемъ—безоблачное небо, жаркое солнце, прозрачный и чистый воздухъ. Шли они врозь; Сигаретта, съ довольно философскимъ видомъ, тащился гдѣ-то сзади, худощавый Аретуза торопился впередъ. Такимъ образомъ, каждый могъ предаваться въ пути собственнымъ своимъ размышленіямъ; каждому, вѣроятно, они успѣвали порядкомъ прискучить ко времени условленной встрѣчи съ попутчикомъ въ какомъ-нибудь трактирѣ, и ихъ день былъ заполненъ всѣми удовольствіями компаніи и одиночества. Въ сумкѣ у Аретузы были сочиненія Карла Орлеанскаго, и онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пути занимался стряпней англійскихъ хороводныхъ пѣсенъ. На этомъ поприщѣ онъ былъ предшественникомъ Лэнга, Добсона, Хенлея и всѣхъ современныхъ хороводныхъ поэтовъ; но, по уважительнымъ причинамъ, онъ опубликуетъ свои труды самымъ послѣднимъ. Сигаретта же былъ обремененъ томомъ сочиненій Мишле. Обѣ эти книги, какъ скоро будетъ видно, сыграли роль въ предстоящемъ приключеніи.

Аретуза былъ въ неблагоразумномъ одѣяніи. Онъ вообще не строгъ въ выборѣ своей одежды; но, конечно, онъ никогда еще не былъ подъ такимъ злополучнымъ вліяніемъ, какъ на этотъ разъ: дѣло въ томъ, что онъ, безъ долгихъ сборовъ, отправился въ путь изъ наименѣе чопорнаго мѣста во всей Европѣ — изъ Барбизона. На головѣ у него была индусская тюбетейка, на которой золотое шитье плачевнымъ образомъ потерлось и потускнѣло. Фланелевая рубаха пріятнаго темнаго цвѣта, которую

люди, склонные къ сатирѣ, называли черной, легкій пикейный пиджакъ, сшитый хорошимъ англійскимъ портнымъ, купленные готовыми дешевыя полотняныя брюки, и кожаные штиблеты дополняли его нарядъ. По внѣшности, онъ былъ нарѣдкость худощавъ, а его лицо, въ отличіе отъ лицъ болѣе счастливыхъ смертныхъ, не могло служить удостовѣреніемъ благонадежности. За всѣ эти годы каждый его переѣздъ черезъ границу, каждое его посѣщеніе банка возбуждало подозрѣнія; полиція косилась на него всюду, кромѣ его родного города; и (хотя я увѣренъ, что это покажется неправдоподобнымъ), ему рѣшительно закрытъ доступъ въ казино въ Монте-Карло. Представьте его въ вышеописанномъ костюмѣ, вообразите его, согбеннаго тяжестью сумки, идущаго со скоростью около пяти миль въ часъ, такъ что складки полотняныхъ брюкъ развѣваются вкругъ его веретенообразныхъ ногъ, и все время съ живымъ вниманіемъ смотрящаго по сторонамъ, какъ будто его кто преслѣдовалъ по пятамъ,—и фигура, которая получится, далеко не внушитъ вамъ довѣрія. Когда Виллонъ отправлялся къ мѣсту своего изгнанія въ Руссильонѣ (и проходилъ, быть можетъ, именно черезъ эту прелестную долину), то не было ли въ его внѣшности чего-нибудь похожаго? Что онъ короталъ свое время подобнымъ же образомъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому что и онъ въ дорогѣ мастерилъ стихи, но съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ его послѣдователь. И если на его долю выпало что-нибудь похожее на эту вдохновляющую погоду съ ея бушующими ночами, когда люди въ латныхъ доспѣхахъ грохочутъ и съ гулкимъ топотомъ обѣгаютъ по небеснымъ лѣстницамъ, и когда дождь хлещетъ на улицахъ деревни, а свирѣпые проблески грозы до утра озаряютъ внезапными вспышками голыя стѣны трактирнаго номера; и съ тѣми же повтореніями яснаго утра, бездонной полуденной синевы и пылающаго, спокойнаго заката; и, въ особенности, если у него былъ такой же хорошій товарищъ, и онъ находилъ такое же острое наслажденіе во всемъ, что онъ видѣлъ, что ѣлъ, въ той рѣкѣ, гдѣ онъ купался и въ той дребедени, которую онъ писалъ, то я бы сейчасъ же согласился помѣняться своей участью съ бѣднымъ изгнанникомъ и считалъ бы себя въ барышахъ.

Но между этими двумя путешествіями была и другая черта сходства, за которую Аретузѣ пришлось дорого поплатиться: и тотъ, и другой странствовали въ не совсѣмъ безопасное время.

Это было немного спустя послѣ франко-прусской войны. Хоть люди и быстро все забываютъ, но въ этой мѣстности еще живы были преданія объ уланахъ, о часовыхъ на форпостахъ, о чудесныхъ спасеніяхъ отъ позорной петли и о пріятной, но мимолетной дружбѣ между побѣдителями и побѣжденными. Черезъ годъ, самое большое—черезъ два вы могли бы обойти всю мѣстность вдоль и поперекъ и не услышать ни единаго анекдота. И черезъ годъ или два (еслибъ вы и были подозрительнымъ съ виду молодымъ человѣкомъ въ несуразномъ костюмѣ), вы могли бы совершить вашу прогулку съ большею безопасностью, потому что, наряду съ другими болѣе интересными подробностями, прусскій шпіонъ къ тому времени потускнѣлъ бы нѣсколько въ воображеніи людей.

Какъ бы то ни было, нашъ путешественникъ уже миновалъ Шато-Ренаръ, когда онъ впервые почувствовалъ, что возбуждаетъ всеобщее удивленіе. По пути, между этимъ мѣстомъ и Шатильонъ-сюръ-Луаномъ, онъ встрѣтилъ сельскаго почтальона; они заговорили другъ съ другомъ и продолжали бесѣдовать о всякой всячинѣ, но при этомъ замѣтно было, что почтальонъ занятъ какою-то неотвязчивой мыслью, и его глаза часто возвращались къ сумкѣ Аретузы. Наконецъ, онъ съ таинственнымъ лукавствомъ освѣдомился о ея содержимомъ, и, получивъ отвѣтъ, съ ласковой недовѣрчивостью покачалъ головою. «Non», сказалъ онъ, «non, vous avez des portraits». Потомъ добавилъ какимъ-то томящимся, умоляющимъ тономъ: «Voyons, покажите мнѣ портреты». Лишь по прошествіи нѣкотораго времени Аретуза понялъ, на что онъ намекаетъ, понялъ и расхохотался. Говоря о «портретахъ», онъ подразумѣвалъ фотографическія карточки непристойнаго содержанія, а въ Аретузѣ, въ этомъ строгомъ нарождавшемся авторѣ, онъ, ему казалось, распозналъ бродячаго торговца порнографіей! Если французскій крестьянинъ своимъ умомъ припишетъ кому-нибудь опредѣленный родъ занятій, то никакіе доводы не способны его въ этомъ разувѣрить. И почтальонъ всю остальную дорогу тянулъ свою медовую пѣсню, прося, чтобъ ему хоть разокъ дали взглянуть на коллекцію; то онъ упрекалъ, то начиналъ уговаривать: «Voyons, я никому не скажу»; прибѣгалъ даже къ подкупу и хотѣлъ во что бы то ни стало заплатить за стаканъ вина; и, наконецъ, разставаясь на перекресткѣ, сказалъ: «Non ce n'est pas bien de votre part. O, non

ce n'est pas bien». И качая головой съ грустнымъ сознаніемъ понесенной несправедливости, онъ такъ и ушелъ, не получивъ удовлетворенія.

Я не располагаю мѣстомъ, чтобы входить въ подробности нѣкоторыхъ мелкихъ затрудненій, встрѣченныхъ Аретузою въ Шатильонъ-сюръ-Луанѣ: слишкомъ близко высится другой Шатильонъ, съ которымъ связаны болѣе леденящія воспоминанія. На другой день, проходя черезъ деревню, которая называется La Jussière, онъ остановился выпить стаканъ сиропу въ очень бѣдной и почти пустой распивочной лавченкѣ. Хозяйка, пригожая женщина, кормила грудью ребенка и въ то же время ласково и сострадательно разглядывала путешественника. «Вы не здѣшняго департамента?»—спросила она. Аретуза отвѣтилъ ей, что онъ англичанинъ. «А!» промолвила она съ изумленіемъ. «У насъ тутъ нѣтъ англичанъ. Итальянцевъ довольно много и живется имъ очень хорошо, на здѣшній народъ не жалуются. Ну, англичанину тоже можно здѣсь прожить: онъ новизной возьметъ». Эти слова были загадочны, и Аретуза ломалъ надъ ними голову, допивая свое гранатовое питье; но когда онъ всталъ и спросилъ, сколько надо заплатить, то свѣтъ озарилъ его внезапно, какъ молнія. «О, pour vous», отвѣтила хозяйка, «полпенни!»—Pour vous? Боже мой, она приняла его за нищаго! Онъ заплатилъ полпенни, чувствуя, что поправить ее было бы слишкомъ невѣжливо. Но какъ только онъ пустился въ дальнѣйшій путь, досада начала мучить его. Наша совѣсть чуждается джентльменскаго великодушія, скорѣе она склонна къ раввинизму; и совѣсть Аретузы говорила ему, что онъ укралъ стаканъ сиропу.

Путники переночевали въ Жіанѣ. На слѣдующій день они переправились черезъ рѣку и, направляясь въ Шатильонъ-сюръ-Луаръ, приступили (порознь, какъ всегда) къ слѣдующему небольшому этапу, лежавшему среди зеленыхъ равнинъ беррійскаго берега. Это было какъ-разъ въ день открытія охотничьяго сезона; въ воздухѣ то и дѣло раздавались ружейные выстрѣлы и восторженные крики охотниковъ. Надъ головой встревоженныя птицы кружились стаями, садились и снова взлетали. Но несмотря на всю эту окружавшую суматоху, дорога была безлюдна. Аретуза, присѣвъ у верстового столба, закурилъ трубку, и я хорошо помню его подробныя размышленія насчетъ всего, что ему предстояло въ Шатильонѣ: съ какимъ наслажденіемъ

онъ окунется въ холодную воду, какъ онъ перемѣнитъ рубаху и какъ онъ, въ восторженномъ бездѣйствіи будетъ поджидать Сигаретту на берегахъ Луары. Воспламенившись этими мечтаніями, онъ съ тѣмъ большей стремительностью пустился впередъ и вскорѣ, послѣ полудня, изнывая отъ жары, приблизился ко входу въ этотъ злополучный городъ. «Роландъ-Оруженосецъ къ башнѣ мрачной подошелъ».

Тѣнь учтиваго жандарма упала поперекъ дороги.

— Monsieur est voyageur?—спросилъ онъ.

И Аретуза, могучій своей невиновностью и совершенно забывшій о своемъ преступномъ костюмѣ, отвѣтилъ... Я готовъ сказать шутливымъ тономъ: «Повидимому, такъ».

— Ваши бумаги въ порядкѣ?—освѣдомился жандармъ. И когда Аретуза нѣсколько измѣнившимся голосомъ признался, что у него таковыхъ съ собою нѣтъ, то ему было заявлено (въ достаточно учтивой формѣ), что онъ долженъ будетъ явиться къ коммиссару.

Комиссаръ сидѣлъ въ своей спальнѣ за столомъ; онъ снялъ съ себя все, кромѣ рубахи и панталонъ, но все-таки обливался потомъ; и когда онъ повернулъ къ арестованному свое широкое безсмысленное лицо, которое (какъ у Бардольфа) «все состояло изъ бородавокъ и прыщей», то даже самый непроницательный наблюдатель долженъ былъ предчувствовать нѣчто недоброе. Очевидно, это былъ человѣкъ тупой, одурѣлый къ тому отъ жары и раздосадованный тѣмъ, что нарушили его покой; его не проймешь ни просьбами, ни доводами разума.

Коммиссаръ. У васъ не оказалось бумагъ?

Аретуза. Съ собой ихъ не имѣю.

Коммиссаръ. Почему?

Аретуза. Онѣ слѣдуютъ за мной въ чемоданѣ.

Коммиссаръ. Но вы же знаете, что путешествовать безъ документовъ запрещено?

Аретуза. Простите, я убѣжденъ въ противномъ. Я нахожусь здѣсь на основаніи своихъ правъ англійскаго подданнаго, и это подтверждено международнымъ договоромъ

Коммиссаръ (презрительно). Вы именуете себя англичаниномъ?

Аретуза. Да.

Комиссаръ. Гм... Вашъ родъ занятій?

Аретуза. Я—шотландскій адвокатъ.

Коммиссаръ (съ видомъ нетерпѣливой досады). Шотландскій адвокатъ! Неужели вы станете еще утверждать, что вы въ нашемъ департаментѣ добываете себѣ пропитаніе этой практикой?

Аретуза скромно возразилъ, что онъ вовсе не питаетъ подобныхъ притязаній. Коммиссаръ что-то отмѣтилъ на бумагѣ.

Коммиссаръ. Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ путешествуете?

Аретуза. Я путешествую для своего удовольствія.

Коммиссаръ (указывая на сумку съ величественнымъ недовѣріемъ). Avec ça? Voyez vous, je suis un homme intelligent! (Съ этимъ? Полноте, я человѣкъ смышленный!).

Преступникъ умолкъ, уничтоженный этимъ мѣткимъ ударомъ, и коммиссаръ нѣсколько мгновеній наслаждался своимъ тріумфомъ; затѣмъ онъ (подобно почтальону, но съ совсѣмъ другого рода ожиданіями!) пожелалъ узнать содержимое сумки. Тутъ Аретуза, еще не успѣвшій вполнѣ привыкнуть къ своему положенію, совершилъ грубую ошибку. Въ комнатѣ почти не было мебели, кромѣ кресла и стола коммиссара, и чтобы упростить ходъ дѣла, Аретуза (съ самымъ невиннымъ видомъ) прислонилъ котомку къ углу кровати. Коммиссаръ буквально подпрыгнулъ съ своего мѣста, его лицо и шея не только покраснѣли, но сдѣлались почти синими, и онъ заоралъ, чтобъ эту святотатственную вещь переложили на полъ.

Въ сумкѣ оказались: смѣна рубахъ, башмаковъ, носокъ и полотняныхъ брюкъ, песессеръ, кусокъ мыла въ одномъ изъ башмаковъ, два тома Collection Jannet подъ заглавіемъ Poésies de Charles d'Orléans, карта и тетрадь, содержавшая, кромѣ разныхъ замѣтокъ въ прозѣ, рядъ замѣчательныхъ англійскихъ хороводныхъ пѣсенъ, сочиненныхъ путешественникомъ и до сего дня неопубликованныхъ: шатильонскій коммиссаръ—единственный человѣкъ, которому привелось взглянуть на эти поэтическія шалости. Онъ пренебрежительнымъ перстомъ перелистовалъ все это собраніе; по его брезгливости, легко было замѣтить, что онъ смотритъ на Аретузу и на всѣ его пожитки, какъ на истинный очагъ заразы. Какъ бы то ни было, въ картѣ не нашлось ничего подозрительнаго; единственнымъ преступленіемъ, въ сущности, были эти хороводныя вирши; что же касается Карла Орлеан-

скато, то невѣжественный плѣнникъ даже возлагалъ на него большія надежды, какъ на своего рода удостовѣренія, и уже начиналъ думать, что вся эта комедія близится къ концу.

Инквизиторъ снова занялъ свое мѣсто.

Коммиссаръ (послѣ паузы). Eh bien! Je vais vous dire, ce que vous êtes. Vous êtes allemand et vous venez chanter à la foire. (Извольте, я сейчасъ скажу вамъ, кто вы такой. Вы—нѣмецъ и отправляетесь пѣть на ярмаркѣ).

Аретуза. Хотите, я спою вамъ сейчасъ? Надѣюсь, я такимъ образомъ докажу, что вы ошибаетесь.

Коммиссаръ. Pas de plaisanterie, monsieur!

Аретуза. Въ такомъ случаѣ будьте любезны, сударь, взгляните, по крайней мѣрѣ, на эту книгу. Вотъ я, не глядя, открылъ ее. Прочтите любую изъ этихъ пѣсенъ—вотъ хотя бы эту—и скажите мнѣ вы, смышленный человѣкъ, возможно ли пѣть ее на ярмаркѣ?

Комиссаръ (критически). Mais oui. Très bien.

Аретуза. Comment, monsieur! Какъ! Развѣ вы не видите, что это—старинный языкъ? Даже вамъ или мнѣ трудно понять, а ярмарочной публикѣ это показалось бы просто безсмыслицей.

Коммисссаръ (берясь за перо). Enfin, il faut en finir. Какъ ваше имя?

Аретуза (произнося съ присущей англичанамъ быстротой, глотая буквы). Робертъ Льюисъ Стив'нс'нъ.

Коммиссаръ (оторопѣвъ). Hé! Quoi?

Аретуза (замѣтивъ это и обращая въ свою пользу). Робертъ Лью Стив'нс'нъ.

Коммиссаръ (послѣ нѣсколькихъ стычекъ со своимъ перомъ). Eh bien, il faut se passer du nom. Ça ne s'ecrit pas. (Ладно, придется имя пропустить. Его невозможно написать).

Все вышесказанное представляетъ собою общее резюме этого важнаго собесѣдованія; до сихъ поръ я старался, главнымъ образомъ, воспроизвести всѣ выпады комиссара; но остальная часть сцены не оставила почти ничего опредѣленнаго въ памяти Аретузы—вѣроятно, вслѣдствіе его возраставшаго гнѣва. Комиссаръ, я полагаю, не былъ изощренъ въ литературныхъ опытахъ; по крайней мѣрѣ, лишь только онъ взялся за перо и приступилъ къ составленію procès-verbal, тотчасъ же

его неучтивость стала болѣе замѣтна, и онъ началъ обнаруживать предрасположеніе къ этой простѣйшей формѣ всѣхъ возраженій—«вы лжете!» Аретуза нѣсколько разъ стерпѣлъ это, но потомъ вдругъ вспылилъ, отказался сносить дальнѣйшія оскорбленія и отвѣчать на послѣдующіе вопросы, предоставилъ комиссару дѣлать все, что ему вздумается, и пообѣщалъ, что ему придется горько раскаяться въ этомъ. Возможно, что дѣло кончилось бы совершенно иначе, еслибъ онъ съ самаго начала взялъ этотъ гордый тонъ, вмѣсто того, чтобъ пускаться въ разговоры и умствованія, потому что даже въ сей единый на десять часъ комиссаръ былъ замѣтно поколебленъ. Но — слишкомъ поздно; вызовъ былъ брошенъ; приступлено было уже къ procès-verbal; и онъ снова разставилъ локти надъ своимъ писаніемъ, и Аретуза былъ уведенъ въ качествѣ плѣнника.

Въ нѣсколькихъ шагахъ на раскаленной солнцемъ дорогѣ стояло помѣщеніе жандармеріи. Несчастнаго отвели туда, и тамъ онъ долженъ былъ выворотить свои карманы. Носовой платокъ, перо, карандашъ, трубка и табакъ, спички и франковъ десять мелкими деньгами—вотъ и все. Ни документовъ, ни шифрованныхъ писемъ, ни единаго клочка бумаги, по которому можно было бы установить виновность или удостовѣрить личность. Самъ жандармъ былъ испуганъ такой скудостью результатовъ.

— Я сожалѣю,—сказалъ онъ:—что арестовалъ васъ: я вижу, что вы ne voyou.

И онъ обѣщалъ ему всякія поблажки.

Аретуза, поощренный этимъ, спросилъ свою трубку. Невозможно, сказали ему, но если онъ желаетъ, то ему дадутъ немного табаку. Отказавшись отъ этого, Аретуза попросилъ тогда вернуть ему платокъ.

— Non,—отвѣтилъ жандармъ:—nous avons eu des histoires de gens, qui se sont pendus. (Нѣтъ, мы слыхали о случаяхъ, когда люди вѣшались).

— Какъ!—воскликнулъ Аретуза.—И изъ-за этого вы отказываетесь дать мнѣ носовой платокъ? Помилуйте, мнѣ вѣдь еще легче повѣситься на моихъ панталонахъ!

Тотъ былъ видимо пораженъ новизной этой идеи; но онъ оставался вѣрнымъ своему девизу и продолжалъ лишь повторять неопредѣленныя обѣщанія какихъ-то услугъ.

— По крайней мѣрѣ, — сказалъ Аретуза:—постарайтесь арестовать моего попутчика; онъ вскорѣ пройдетъ по той же дорогѣ, и вы его легко узнаете по сумкѣ черезъ плечо.

Тотъ обѣщалъ сдѣлать это. А плѣнника повели кругомъ, на задворки зданія, отворили дверь погреба, поставили его на лѣстницу и заскрипѣли засовы, загремѣли цѣпи за спиной спускавшагося внизъ Аретузы.

Умъ философскій, а въ особенности—одаренный воображеніемъ, склоненъ считать себя готовымъ къ встрѣчѣ съ любой житейской неожиданностью. Тюрьма принадлежитъ къ тѣмъ бѣдствіямъ, съ которыми неоднократно хотѣлъ столкнуться неустрашимый Аретуза. Уже спускаясь по лѣстницѣ, онъ говорилъ себѣ, что это—великолѣпный сюжетъ для баллады, и что онъ, подобно заточеннымъ коноплянкамъ рыцаря-трубадура, сумѣетъ наполнить мелодіей свою темницу. Скажу правду сразу: баллада такъ и осталась ненаписанной, иначе она была бы напечатана, чтобы вызвать у читателя улыбку. Тому помѣшали двѣ причины: одна моральная, другая физическая.

Къ любопытнѣйшимъ свойствамъ человѣческой натуры принадлежитъ то, что хотя всѣ люди лжецы, но ни одинъ изъ нихъ не стерпитъ, если это ему скажутъ открыто. Выслушивать хладнокровно обвиненіе въ лжи—это подвигъ, выходящій за предѣлы стоицизма; и Аретуза, уже сверхъ мѣры пресыщенный этимъ оскорбленіемъ, былъ внутренне снѣдаемъ раскаленною до бѣла, глухой яростью. Причина физическая тоже оказала свое воздѣйствіе. Подвалъ, гдѣ онъ былъ запертъ, устроенъ былъ на нѣсколько футовъ ниже уровня земли и освѣщался только узкимъ, безъ стеколъ, отверстіемъ въ самомъ верху стѣны, закрытымъ, къ тому же, листвою свѣжей виноградной лозы. Стѣны были изъ голаго камня, полъ—земляной; въ качествѣ обстановки—глиняный тазъ, кувшинъ съ водой и деревянная кровать съ синевато-сѣрымъ плащомъ взамѣнъ подстилки. Оторваться отъ горячаго воздуха лѣтняго полудня, отъ дорожнаго шума и живительной, быстрой ходьбы и быть ввергнутымъ въ полумракъ и сырость этого вмѣстилища бродягъ—какимъ леденящимъ холодомъ это должно было влиться въ кровь Аретузы! Знаете ли вы, что сущій пустякъ иногда превращается въ жестокое лишеніе? Дѣло въ томъ, что земляной полъ былъ до крайности неровенъ; вѣроятно, то были еще слѣды лопатъ тѣхъ

самыхъ работниковъ, которые рыли фундаментъ казармъ; и благодаря тусклому сумраку и неровной поверхности пола ходить было невозможно. Заточенный авторъ довольно долго не сдавался; но холодъ пронизывалъ его все больше и больше и, наконецъ, онъ, съ неохотою, о которой предоставляю вамъ судить, взобрался на кровать и закутался въ общественное одѣяло. Такъ лежалъ онъ, почти дрожа отъ стужи, погруженный въ полумракъ, закутанный покровомъ, прикосновенія котораго онъ боялся какъ чумы, и (далеко не въ духѣ покорности судьбѣ) перечитывалъ списокъ только что полученныхъ оскорбленій. Такія обстоятельства не могутъ благопріятствовать музѣ.

Тѣмъ временемъ (если взглянуть на внѣшній міръ, гдѣ солнце продолжало свѣтить и охотничьи ружья попрежнему трещали въ заросшей кустами равнинѣ), Сигаретта понемногу приближался своимъ философски неторопливымъ шагомъ. Въ ту пору свободы и здоровья онъ былъ постояннымъ компаньономъ Аретузы и имѣлъ достаточно случаевъ раздѣлять непопулярность, которою этотъ джентльменъ пользовался въ глазахъ полиціи. Не одну горькую чашу испилъ онъ со своимъ вредоносным товарищемъ. Самъ онъ, казалось, былъ отъ рожденія предназначенъ для того, чтобы пройти весь свой жизненный путь плавно и спокойно, такъ хорошо умѣлъ онъ внушить довѣріе своимъ лицомъ и обхожденіемъ. Одно только подозрительное обстоятельство вѣчно роняло на него тѣнь, и это былъ—его попутчикъ. Едва ли онъ забудетъ комиссара во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, иронически именуемомъ «свободнымъ городомъ», какъ не забудетъ ни франко-бельгійской границы, ни трактира въ Ла-Ферѣ; и ужъ, конечно, онъ будетъ всегда помнить Шатильонъ-сюръ-Луаръ.

При входѣ въ городъ онъ попался въ руки жандарма, какъ подорожный цвѣтокъ; и черезъ минуту въ кабинетѣ комиссара произошла встрѣча, которая ихъ обоихъ повергла въ величайшее изумленіе. Ибо если Сигаретта удивился своему аресту, то коммиссаръ въ неменьшей степени былъ пораженъ внѣшностью и кондиціями своего новаго плѣнника. Это былъ человѣкъ, относительно котораго невозможно было сомнѣваться: человѣкъ безспорно и безупречно воспитанный, безукоризненно аккуратный, одѣтый не только опрятно, но и съ изяществомъ, готовый по первому требованію предъявить свой паспортъ и хо-

рошо снабженный деньгами; съ такимъ человѣкомъ самъ комиссаръ, пожалуй, первый раскланялся бы, встрѣтивъ его на дорогѣ; и этотъ-то beau cavalier, не краснѣя, заявляетъ, что Аретуза—его товарищъ! Результатъ допроса легло было предугадать заранѣе; изъ юмористическихъ подробностей я запомнилъ только одну. «Баронетъ?» спросилъ чиновникъ, читая паспортъ и вскидывая на Сигаретту глазами: «alors, monsieur, vous êtes le fils d'un baron?» И когда Сигаретта (то была единственная его ошибка впродолженіе всего допроса) опровергъ это деликатное обвиненіе, то комиссаръ сказалъ: «Alors ce n'est pas votre passeport!» Но эти перуны были безобиднаго свойства; онъ и не думалъ никогда засадить Сигаретту въ тюрьму. Вскорѣ затѣмъ онъ впалъ въ состояніе необузданнаго восторга, пожирая глазами содержимое саквояжа и расхваливая портного нашего друга. Ахъ, какого важнаго гостя принималъ у себя коммиссаръ! Какой отличный костюмъ у него былъ для жаркой погоды! Какія прекрасныя карты, какое увлекательное историческое сочиненіе у него было въ саквояжѣ! Вы понимаете, конечно, что теперь они были несогласны только въ одномъ пунктѣ: какъ поступить съ Аретузой? Сигаретта требовалъ его освобожденія, комиссаръ же все еще продолжалъ смотрѣть на него, какъ на достояніе темницы. Сигареттѣ случилос прожить нѣсколько лѣтъ въ Египтѣ, и тамъ онъ познакомился съ двумя очень скверными вещами: онъ узналъ, что такое cholera morbus и что такое паша. И вотъ, когда комиссаръ перелистывалъ томикъ Мишле, нашему путешественнику показалось, что въ выраженіи его глазъ есть что-то турецкое. Я упоминаю объ этомъ вскользъ; весьма возможно, что тутъ было простое недоразумѣніе, весьма возможно также, что коммиссаръ (очарованный своимъ посѣтителемъ) предположилъ взаимность чувства и почелъ доказательствомъ возраставшей дружбы то, на что самъ Сигаретта смотрѣлъ какъ на взятку. И во всякомъ случаѣ, гдѣ и когда давалась такая необычайная взятка, какъ разрозненный томъ «Исторіи» Мишле? Книга была обѣщана ему на завтра, до нашего отъѣзда. А вскорѣ послѣ этого, потому ли, что онъ получилъ свою мзду, или для того, чтобы показать, что онъ всегда радъ оказать дружескую услугу, онъ промолвилъ: «Eh bien, je suppose, qu'il faut lâcher votre camarade». И онъ разорвалъ этотъ шедевръ юмори-

стической литературы, недоконченный procès-verbal. Ахъ, еслибъ онъ вмѣсто этого разорвалъ хороводныя пѣсни Аретузы! Многія изъ тѣхъ сочиненій, что сгорѣли въ Александріи, многія изъ тѣхъ, что хранятся въ сокровищницахъ Британскаго музея, я охотно отдалъ бы за шатильонскій procès-verbal! Бѣдный прыщавый коммиссаръ! Я начинаю жалѣть, что у него не было своего Мишле: я замѣчаю въ немъ столько благородныхъ гуманныхъ чертъ, такое фундаментальное тупоуміе, такое увлеченіе своими должностными обязанностями, такой вкусъ къ литературѣ, такую готовность восхищаться всѣмъ, что этого достойно. И если онъ не восхищался Аретузой, то вѣдь въ этомъ онъ былъ не одинокъ.

До слуха узника, дрожавшаго подъ общественнымъ одѣяломъ, вдругъ донесся шумъ засововъ и цѣпей. Онъ вскочилъ на ноги, готовый привѣтствовать товарища по несчастью; но вмѣсто того дверь широко распахнулась, наверху въ потокѣ яркаго дневного свѣта, показался дружелюбный жандармъ и съ величественнымъ жестомъ (вѣроятно, онъ изучалъ драматическое искусство) сказалъ: «Vous êtes libre!»—Давно пора! подумалъ Аретуза. Не знаю, провелъ ли онъ въ заключеніи хоть полчаса; но по часамъ въ человѣческомъ мозгу (это были единственные часы, которые онъ носилъ съ собою) онъ пробылъ тамъ въ восемь разъ дольше. И онъ съ восторгомъ поднялся по лѣстницѣ подземелья и отдался цѣлебной теплотѣ дневного солнца; и запахъ земли обдалъ его такой отрадой, какъ будто онъ почуялъ на себѣ дыханіе коровы; и онъ снова услышалъ (и готовъ былъ засмѣяться отъ удовольствія) гармонію нѣжныхъ шумовъ, которую мы называемъ гуломъ жизни.

Могутъ подумать, что на этомъ кончается мой разсказъ; но нѣтъ, это былъ только конецъ акта, а не паденіе занавѣса. Я не рѣшаюсь входить въ подробности того, что произошло передъ окнами казармы, потому что тутъ въ дѣло замѣшана одна дама. Супруга лица, именуемаго maréchal des logis, была красивая женщина, и все-таки Аретуза былъ радъ поскорѣе удалиться изъ ея общества. Частичка ея образа, холоднаго, какъ персикъ въ тотъ жаркій день, до сихъ поръ таится въ его памяти; но еще лучше запомнилъ онъ кое-что изъ ея словъ. «Какая у васъ хорошая гостиная»,—промолвилъ бѣдный джентльменъ.—

О,—сказала madame la marèchale (des logis): — вы очень много понимаете въ хорошихъ гостиныхъ!—И если бъ вы видѣли, какимъ жесткимъ и презрительнымъ взглядомъ она смѣрила стоявшаго передъ нею бродягу! Едва ли онъ ненавидѣлъ коммиссара; но прежде, чѣмъ кончился этотъ разговоръ, онъ успѣлъ возненавидѣть madame la marèchale. Страсть его (по свидѣтельству одного изъ очевидцевъ) изобличалась горящими глазами, блѣдностью щекъ и дрожью въ голосѣ; въ то время какъ madame забавлялась надъ нимъ, подобно матадору, донимая его колкими словами и уничтожая его леденящимъ своимъ взоромъ.

Разумѣется пріятно было уйти подальше отъ этой дамы, а еще пріятнѣе—сидѣть за превосходнымъ обѣдомъ въ гостиницѣ. Къ тому же здѣсь презрѣнные путешественники завязали знакомство съ своимъ сосѣдомъ, который только что вернулся съ охоты и былъ достаточно одаренъ хорошимъ вкусомъ, чтобы почерпнуть удовольствіе въ бесѣдѣ съ ними. По окончаніи обѣда этотъ господинъ предложилъ закрѣпить новое знакомство въ кафе.

Кафе было переполнено охотниками, во всеуслышаніе объяснявшими другъ другу и всему міру пустоту своихъ ягдташей. Около самой средины комнаты сидѣли Сигаретта и Аретуза со своимъ новымъ знакомымъ; всѣ трое были отмѣнно довольны, потому что путешественники (послѣ только что перенесеннаго испытанія) чувствовали алчную потребность въ уваженіи, а охотникъ былъ въ восторгѣ, что нашелъ парочку терпѣливыхъ слушателей. Вдругъ стеклянная дверь шумно отворилась, на порогѣ появился marèchal des logis въ сверкающей портупеѣ и при аксельбантахъ, вошелъ, никому не поклонившись, прошелъ черезъ всю комнату, бряцая оружіемъ и шпорами, и скрылся черезъ заднюю дверь. За нимъ слѣдовалъ по пятамъ жандармъ, давешній пріятель Аретузы, воспроизводившій, съ соблюденіемъ почтительной разницы, царственную осанку своего начальника; проходя мимо, онъ лишь прикоснулся слегка ладонью къ плечу своего недавняго плѣнника и промолвилъ: «suivez!» съ той звучной, драматической интонаціей, тайну которой онъ такъ хорошо позналъ.

Арестъ депутатовъ, клятва въ Jeu de Paume, подписаніе декларацiи независимости, рѣчь Марка Антонія, всѣ отважныя

дѣянія исторіи имѣютъ, по моему, кое-что общее съ этимъ вечеромъ въ шатильонскомъ кафе. Ужасъ незримо вѣялъ надъ собравшимися. Черезъ минуту, какъ только Аретуза послѣдовалъ за своими плѣнителями, Сигаретта остался наединѣ съ своимъ кофе, въ кругу опустѣвшихъ столовъ и стульевъ; жизнерадостные спортсмены забились въ углы комнаты, ихъ доселѣ громкіе голоса смѣнились боязливымъ шепотомъ и глаза ихъ обращались на него украдкой, какъ на прокаженнаго.

А Аретуза? О, ему предстояла долгая и подчасъ мучительная бесѣда въ кухонныхъ сѣняхъ. Maréchal des logis, который былъ человѣкъ весьма красивый и, я надѣюсь,—умный и честный, не рѣшался опредѣленно высказаться объ этомъ инцидентѣ. По его мнѣнію, комиссаръ былъ неправъ, но ему не хотѣлось бы вовлекать своихъ подчиненныхъ въ непріятности; и онъ предлагалъ и то, и другое, и третье, но Аретуза (чувствуя у себя подъ ногами все болѣе и болѣе твердую почву) не соглашался.

— Попросту говоря,—замѣтилъ Аретуза:—вы хотите вымыть руки и избавить себя отъ дальнѣйшей отвѣтственности? Хорошо, но въ такомъ случаѣ отпустите меня въ Парижъ.

Maréchal des logis взглянулъ.

— Съ десятичасовымъ поѣздомъ вы можете уѣхать въ Парижъ,—сказалъ онъ.

И на слѣдующій день, въ полдень, путешественники уже были въ столовой у Сирона и разсказывали о своихъ злоключеніяхъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

МОЯ МАМА.
Картинки изъ жизни
маленькаго ребенка.
Ив. Ѳеоктистова.
Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 25 к.
въ роскошномъ перепл., съ рисунк. худ. Антонова.
ВЪ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ.
Пять разсказовъ П. Н. ГЕРАСИМОВА
съ рис. Т. Никитина.
Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 25 к.

Тип. П. П. Сойкина.

Тип. П. П. Сойкина.